

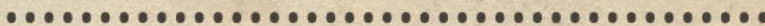

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

ДОРОТИ Л.

САЙЕРС

СМЕРТЬ ПО ОБЪЯВЛЕНИЮ

НЕПРИЯТНОСТИ В КЛУБЕ
«БЕЛЛОНА»

Лорд Питер Уимзи

Дороти Ли Сэйерс

**Смерть по объявлению.
Неприятности в клубе «Беллона»**

«Издательство АСТ»

1928, 1933

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Сэйерс Д.

Смерть по объявлению. Неприятности в клубе «Беллона» /
Д. Сэйерс — «Издательство АСТ», 1928, 1933 — (Лорд Питер
Уимзи)

ISBN 978-5-17-139093-8

Два увлекательных дела детектива-аристократа сэра Питера Уимзи – для поклонников классического английского детектива! Успешный рекламный агент Виктор Дин погиб в результате нелепого несчастного случая, упав с лестницы в рекламном агентстве. Что ж, бывает всякое, не правда ли? Однако у Питера Уимзи есть все основания полагать: гибель Дина – не каприз судьбы, а хорошо спланированное убийство. Под видом нового сотрудника он внедряется в агентство – и обнаруживает за респектабельным фасадом настоящее гнездо людей, по той или иной причине находящихся не в ладах с законом. Кто же из них и почему избавился от Дина?.. В элитном лондонском клубе ветеранов «Беллона» найден мертвым генерал Фентиман. Поначалу все, разумеется, считают эту смерть естественной – ведь покойный был стар и болен. Но внезапно обнаруживается, что прямо перед гибелью доблестного воина скончалась и его вдовствующая сестра – сказочно богатая леди Дормер. На первый взгляд и ее смерть кажется вполне безобидной. Однако лорд Питер Уимзи, не верящий в подобные совпадения, начинает собственное расследование...

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-139093-8

© Сэйерс Д., 1928, 1933

© Издательство АСТ, 1928, 1933

Содержание

Смерть по объявлению	7
От автора	7
Глава 1	8
Глава 2	20
Глава 3	27
Глава 4	35
Глава 5	50
Глава 6	60
Глава 7	69
Глава 8	78
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Дороти Ли Сэйерс
Смерть по объявлению
Неприятности в клубе «Беллона»

© The Trustees of Anthony Fleming (deceased), 1928, 1933

© Перевод. И. Доронина, 2021

© Перевод. С. Лихачева, 2021

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

Смерть по объявлению

От автора

Не думаю, что в мире существуют более безобидные и законопослушные представители человеческого рода, чем британские специалисты по рекламе. Мысль о том, что преступление может быть совершено в стенах рекламного агентства, способна зародиться только в неуравновешенных фантазиях автора детективов, привыкшего сваливать вину на Самого Неподходящего Персонажа. Если в пылу своей фантазии я невольно использовала имя или рекламную формулу, ассоциирующиеся с какими бы то ни было реальными человеком, фирмой или товаром, то произошло это лишь по чистой случайности, без намерения бросить малейшую тень на действительно существующие товар, фирму или человека.

Глава 1

Дэс¹ приходит в рекламное агентство Пима

– И, кстати, – сказал мистер Хэнкин, останавливая мисс Росситер, собравшуюся выйти, – сегодня к нам прибывает новый копирайтер.

– Вот как, мистер Хэнкин?

– Его фамилия Бредон. Я мало что о нем знаю. Мистер Пим принял его на работу лично. Но вы ведь позаботитесь о нем?

– Да, мистер Хэнкин.

– Он займет кабинет мистера Дина.

– Да, мистер Хэнкин.

– Пусть мистер Инглби возьмет его под свою опеку и покажет, что делать. Пошлите мистера Инглби ко мне, когда у него найдется свободная минута.

– Да, мистер Хэнкин.

– Это все. Ах да, еще! Попросите мистера Смейла принести мне досье «Дэйрифилдс».

– Да, мистер Хэнкин.

Мисс Росситер сунула под мышку блокнот, бесшумно закрыла за собой дверь со стеклянными вставками и легкой походкой быстро пошла по коридору. Заглянув в стеклянное окошко другой двери, она увидела мистера Инглби, который, закинув ноги на холодный радиатор, сидел в крутящемся кресле и с большим воодушевлением разговаривал с молодой дамой в зеленом, устроившейся на уголке его письменного стола.

– Прошу прощения, – сказала мисс Росситер с небрежной учтивостью, – но мистер Хэнкин спрашивает, не могли ли бы вы уделить ему минутку, мистер Инглби.

– Если это насчет рекламы ирисок «Сорванец», – не без раздражения ответил мистер Инглби, – то она уже у машинисток. Вот! Лучше отнесите им еще эти два листка, и дело с концом. Это придаст тексту более правдоподобный смысл...

– Это не насчет «Сорванца». Это насчет нового копирайтера.

– Как, уже?! – воскликнула девушка. – Еще и башмаки не сношены!² Господи, ведь беднягу Дина похоронили только в пятницу.

– Такова современная система – поспешай, не задерживай, – сказал мистер Инглби. – Очень печально для старомодной благопристойной фирмы. Полагаю, мне придется учить этого парня делать первые шаги. И почему возиться с детьми всегда достается мне?

– Ах, какая ерунда! – сказала девушка. – Вам нужно лишь предупредить его не пользоваться директорским клозетом и не спотыкаться на железной лестнице.

– Вы самая бессердечная женщина на свете, мисс Митьярд. Ну, куда они не засунули этого парня в мой кабинет...

– Не волнуйтесь, мистер Инглби. Он будет сидеть в кабинете мистера Дина.

– Вот как! Ну, и что он из себя представляет?

– Мистер Хэнкин сказал, что он не знает, его принял на работу лично мистер Пим.

– О боже! Друг самого начальства. – Мистер Инглби застонал.

– Тогда, думаю, я его видела, – сказала мисс Митьярд. – Высокомерный тип с волосами цвета пакли. Я наткнулась на него вчера, когда выходила из кабинета Пимми. Очки в роговой оправе. Что-то среднее между Ральфом Линном и Берти Вустером³.

¹ В оригинале в этом заголовке – игра слов-омонимов death (смерть) и Death (имя персонажа). – *Здесь и далее примеч. пер.*

² Аллюзия на слова Гамлета о матери, вышедшей замуж через месяц после смерти первого мужа, из одноименной пьесы У. Шекспира.

³ Ральф Линн – английский комедийный актер. Берти Вустер – широко известный персонаж П. Г. Вудхауса из знаменитого

– Смерть! Где твое жало?⁴ Ну, думаю, мне лучше пойти и посмотреть самому. – Мистер Инглби снял ноги с радиатора, медленно извлек свое тело из вращающегося кресла и с несчастным видом побрел прочь.

– Ну что ж, это даже немного возбуждает, – заметила мисс Митьярд.

– Вы считаете, что нам в последнее время недостает возбуждения? Кстати, не могу ли я получить с вас деньги на венок? Вы просили вас напомнить.

– Да, пожалуй. Сколько с меня? Шиллинг? Вот вам полкроны, остаток внесите в кассу тотализатора.

– Большое спасибо, мисс Митьярд. Надеюсь, на этот раз ваша лошадь выигрывает.

– Давно пора. Я пять лет трублю в этом чертовом агентстве, и еще ни разу лошади, на которых я ставила, не вошли даже в первую тройку. Полагаю, это вы организуете жеребьевку?

– Нет, мисс Митьярд, иначе мы бы не допустили, чтобы все выигрыши уходило полиграфистам. Не хотите ли на этот раз сами прийти и тянуть жребий за нас? Мисс Партон как раз печатает список.

– Хорошо, давайте. – Длинноногая мисс Митьярд легко спрыгнула со стола и последовала за мисс Росситер в машинописное бюро.

Это была маленькая неудобная комната, набитая в тот момент до отказа. Пухлая девица в очках, откинув голову назад и сощурившись, чтобы дым от сигареты не разъедал глаза, с пулеметной скоростью отстукивала на машинке клички лошадей – участников дерби – под диктовку пышногрудой коллеги, которая считывала их из газеты «Морнинг стар». Томный молодой человек в рубашке с короткими рукавами вырезал имена участников тотализатора из листа, на котором они были напечатаны, и скручивал бумажки в маленькие трубочки. Тощий нетерпеливый молодой человек, сидевший на перевернутой корзине для бумаг, перемешивал трубочки в лотке мисс Росситер для входящих документов, отпуская саркастические комментарии по поводу текста какого-то рекламного объявления грузному смуглому юноше в очках, погруженному в чтение книги П. Г. Вудхауса и таскающему печенья из большой жестяной банки. Прислонившись с двух сторон к дверному косяку и таким образом загораживая вход, девушка и еще один молодой человек, судя по всему гость из другого отдела, курили дешевые сигареты и обсуждали теннисный матч.

– Привет, ангелочки! – бодро приветствовала всех мисс Росситер. – Мисс Митьярд будет тянуть жребий за нас. И еще: к нам приходит новый копирайтер.

Грузный молодой человек, подняв взгляд, произнес: «Бедняга!» – и снова углубился в книгу.

– Шиллинг за венок и шесть пенсов – в тотализатор, – продолжила мисс Росситер, пополняя содержимое жестянки, служившей кассовым ящиком. – Кто-нибудь может обменять флорин на два шиллинга? Партон, где ваш список? Вычеркните, пожалуйста, из него мисс Митьярд. Могу я получить деньги с вас, мистер Гарретт?

– У меня до субботы – ни пенса, – ответил любитель Вудхауса.

– Нет, вы только послушайте его! – презрительно воскликнула мисс Партон. – Видимо, вы считаете нас миллионерами, которые должны финансировать весь отдел.

– Сделайте так, чтобы я выиграл, – сказал мистер Гарретт, – и можете вычесть нужную сумму из призовых денег. Что, кофе еще не принесли?

– Мистер Джонс, – обратилась мисс Партон к мужчине, стоявшему в дверях, – посмотрите, не идет ли посыльный, и не могли бы вы проверить вместе со мной список участников забега, голубчик? Огненный Метеор, Туралурал, Фидипид II, Карусель...

– Карусель выбыла, – сказал мистер Джонс. – А вот и посыльный идет.

– Выбыла? Не может быть, когда? Как жаль! Я внесла ее в список участников забега «Морнинг стар». А откуда это стало известно?

– Из специального дневного выпуска «Ивнинг бэннер». Поскользнулась в конюшне.

– Черт! – ругнулась мисс Росситер. – Плакала моя тысяча фунтов! Ну что ж, такова жизнь. Спасибо, сынок, поставь на стол. Про огурец не забыл? Молодец. Сколько? Полтора? Партон, одолжите мне пенни. Вот, держи. Мистер Уиллис, можно мне отвлечь вас на минуту? Мне нужен карандаш и ластик для этого нового парня.

– Как его зовут?

– Бредон.

– И откуда он?

– Хэнки не знает. Но мисс Митьярд его видела. Говорит, похож на Берти Вустера в очках с роговой оправой.

– Но постарше, – вставила мисс Митьярд. – Лет сорока, хотя хорошо сохранился.

– О господи! И когда он застывает?

– Сегодня с утра. Я бы на его месте отложила свой приход на завтра и отправилась на дерби. О, а вот и мистер Инглби. Он все знает. Кофе, мистер Инглби? Вы что-нибудь узнали?

– Звезда Азии, Шустроногий, Святая Нитуш, Герцог Хамфри...

– Сорок два года, – сказал мистер Инглби. – Без сахара, пожалуйста. Никогда прежде не имел дела с рекламой. *Баллиол*⁵.

– О господи! – простонала мисс Митьярд.

– Вот именно. Если есть на свете что-нибудь, ни с чем не сравнимое по своей отвратительности, так это баллиолизм, – согласился мистер Инглби, сам выпускник Тринити-колледжа.

– *Бредон пошел в Баллиол, чтоб получить крутой засол!* – пропел мистер Гарретт, закрывая книгу.

– *И, как положено, накачал там большой мосол,* – добавила мисс Митьярд. – Спорим, другой рифмы к Баллиолу вы не подберете.

– Летучая мышь, Том Пинч⁶, Ночной гуляка...

– *И стал носить щегольской камзол...*

– Не щегольской, а дурацкий.

– Тьфу ты!

– Сворачивайте бумажки поплотнее, голубчик. Положите их в крышку коробки из-под печенья. Черт! Это звонок мистера Армстронга. Накройте мою чашку с кофе блюдцем. Где мой блокнот?

– ...две двойные ошибки подряд, как я и сказал...

– ...я не могу найти вторую копию этой «Магнолии»...

– ...начинался с пятидесяти к одному...

– Кто взял мои ножницы?

– Простите, мистер Армстронг требует копии текстов «Нутракса»...

– ...и встряхните их хорошенько...

– ...черт бы вас всех побрал...

– Мистер Инглби, можете уделить мне минутку? – Чуть саркастический тон появившегося в дверях мистера Хэнкина вмиг изменил мизансцену.

Молодой человек и девушка, подпиравшие дверные косяки, а также пышногрудая подруга мисс Партон растворились в коридоре. Мистер Уиллис поспешно встал с пачкой машинописных страниц в руке, вытащил из нее первую попавшуюся и уставился в нее, сердито

⁵ Баллиол-колледж – один из старейших колледжей Оксфордского университета.

⁶ Том Пинч – персонаж романа Чарльза Диккенса «Жизнь и приключения Мартина Чезлвита».

нахмурившись. Сигарета мисс Партон незаметно оказалась на полу; мистер Гарретт, не зная, куда деть свою чашку с кофе, рассеянно улыбнулся и сделал вид, будто она оказалась у него в руках случайно, неизвестно откуда; мисс Митьярд, сохранив присутствие духа, положила корешки тотализаторных квитанций на стул и села на них. Мисс Росситер, сжимавшая в руке машинописные копии, затребованные мистером Армстронгом, имела шанс напустить на себя деловой вид и воспользовалась им. Только мистер Инглби, не снисходя до притворства, поставил свою чашку и с нагловатым видом подошел к начальнику, исполняя его повеление.

– Это, – сказал мистер Хэнкин, деликатно не замечая произведенного им переполоха, – мистер Бредон. Пожалуйста... э-э... объясните ему, что он должен делать. Я отправил в его кабинет досье «Дэйрифилдс». Пусть он начнет с маргарина. Э-э... Не думаю, мистер Бредон, что вы с мистером Инглби были однокашниками: он окончил Тринити. *Ваш* Тринити, разумеется, не *наш*. (Мистер Хэнкин был выпускником Кембриджа.)

Мистер Бредон протянул ухоженную руку.

– Здравствуйте.

– Здравствуйте, – эхом отозвался мистер Инглби.

Они посмотрели друг на друга с легкой неприязнью, как два кота при первой встрече. Мистер Хэнкин улыбнулся обоим.

– Когда у вас появятся какие-нибудь идеи насчет маргарина, мистер Бредон, приходите ко мне в кабинет, мы вместе над ними поработаем.

– Ладно! – с обескураживающей простотой ответил мистер Бредон.

Мистер Хэнкин снова улыбнулся и тактично удалился.

– Ну, полагаю, вам нужно со всеми познакомиться, – поспешно сказал мистер Инглби. – Мисс Росситер и мисс Партон – наши ангелы-хранители, они распечатывают наши тексты, исправляют наши грамматические ошибки, снабжают нас карандашами и бумагой, а также поят кофе и кормят пирожными. Мисс Партон – блондинка, мисс Росситер – брюнетка. Джентльмены, как известно, предпочитают блондинок, но лично я нахожу их одинаково очаровательными.

Мистер Бредон поклонился.

– Мисс Митьярд из Сомервилла. Она одно из самых ярких украшений нашего отдела. Сочиняет самые развязные лимерики, какие когда-либо звучали в этих целомудренных стенах.

– Тогда мы с ней подружимся, – сердечно заметил мистер Бредон.

– Справа от вас – мистер Уиллис, слева – мистер Гарретт. Друзья по несчастью. Вот и весь наш отдел, если не считать мистера Хэнкина и мистера Армстронга, это начальники, и мистера Копли, он человек влиятельный и опытный, поэтому времени в машбюро попусту не теряет. Завтракать ходит в город и хочет быть старшим, хотя таковым не является.

Мистер Бредон пожимал руки, которые ему протягивали, и бормотал что-то вежливое.

– Хотите поучаствовать в ставках на дерби? – поинтересовалась мисс Росситер, поглядывая на «кассовый ящик». – Вы подоспели как раз к розыгрышу.

– О, пожалуй, – сказал мистер Бредон. – По сколько ставите?

– По шесть пенсов.

– Да, охотно. Очень мило с вашей стороны. Разумеется, я с удовольствием поучаствую. Каков выигрыш?

– Первый приз приносит до фунта, – сказала мисс Росситер с благодарным вздохом. – А то я уж думала, что мне придется самой выкупать два билета. Партон, добавьте в список фамилию мистера Бредона: бэ-эр-е-дэ-о-эн. Как «Лето в Бредоне»?⁷

– Совершенно верно.

⁷ Имеется в виду популярная песня английского композитора Артура Сомервелла.

Мисс Партон любезно записала новое имя и присовокупила еще один незаполненный билет к куче других, лежащих в коробке из-под печенья.

– Что ж, думаю, пора мне отвести вас в вашу конуру, – насмешливо сказал мистер Инглби.

– Валяйте! – ответил мистер Бредон. – То есть я хотел сказать: да, конечно.

– Мы все располагаемся вдоль этого коридора, – пояснил мистер Инглби, показывая дорогу. – Со временем вы будете здесь легко ориентироваться. Это кабинет Гарретта, это – Уиллиса, а вот и ваш, между мисс Митьярд и мною. Эта железная лестница напротив ведет на нижний этаж, где в основном располагаются руководители групп и совещательные комнаты. Кстати, не упадите. Человек, чей кабинет вам достался, на прошлой неделе свалился с нее и погиб.

– Что вы говорите?! – встревоженно воскликнул мистер Бредон.

– Сломал себе шею и разбил голову, – пояснил мистер Инглби. – Об одну из этих шишек.

– А зачем вообще нужны эти шишки на перилах? – посетовал мистер Бредон. – Чтобы разбивать о них головы? Это неправильно.

– Нет, не для этого, – сказала подошедшая мисс Росситер, держа в руках блокноты для заметок и промокательную бумагу. – Они предназначены для того, чтобы мальчишки-посыльные не съезжали вниз по перилам, но дело в том, что сами ступеньки такие... э-э... коварные, я бы сказала... О, мистер Армстронг идет. Начальство не любит разговоров об этой железной лестнице.

– Ну, вот вы и у себя, – сказал мистер Инглби, вняв предупреждению. – Комната такая же, как у всех, разве что радиатор неважно работает. Впрочем, в настоящий момент вас это не должно волновать. Это был кабинет Дина.

– Парня, который свалился с лестницы?

– Да.

Мистер Бредон окинул взглядом тесное помещение, в котором имелись конторка, два стула, шаткий письменный стол и книжная полка.

– О! – произнес он.

– Это было ужасно, – сказала мисс Росситер.

– Да уж, не сомневаюсь, – горячо согласился мистер Бредон.

– Мистер Армстронг как раз диктовал мне, когда мы услышали чудовищный грохот. И он воскликнул: «Боже милостивый, что это?» Я подумала, что это, должно быть, кто-то из мальчишек, потому что в прошлом году один из них упал, когда нес машинку «Элиот-Фишер», – звук был такой же, только еще хуже. И я сказала: «Наверное, кто-то из мальчишек свалился с лестницы, мистер Армстронг», а он ответил: «Беспечные чертяга» – и продолжил диктовать, но руки у меня так дрожали, что я не могла делать записи, а потом мимо пробежал мистер Инглби, а у мистера Дэниелса распахнулась дверь, а потом мы услышали душераздирающий крик, и мистер Армстронг сказал: «Надо пойти посмотреть, что случилось». Тогда я вышла и взглянула вниз, но ничего не увидела, потому что там уже собралась толпа народу, а потом мистер Инглби взбежал вверх по лестнице, и выражение лица у вас, мистер Инглби, было *такое...* лицо – белое как полотно, вы уж поверьте.

– Вероятно, – немного сконфуженно признал мистер Инглби, – три года в этой иссушающей душу профессии еще не лишили меня человеческих чувств. Но со временем это непременно случится.

– Мистер Инглби сказал: «Он убили!» А я спросила: «Кто?» И он ответил: «Мистер Дин», а я сказала: «Этого не может быть», но он подтвердил: «Боюсь, что может». Тогда я пошла к мистеру Армстронгу и сказала: «Мистер Дин убили». А он спросил: «Что вы этим хотите сказать – убили?» Но тут вошел мистер Инглби. Мистер Армстронг только взглянул

на него – и вышел, а я спустилась по другой лестнице и увидела, как мистера Дина несли в зал заседаний и голова у него болталась из стороны в сторону.

– И часто тут такое случается? – поинтересовался мистер Бредон.

– Не с такими катастрофическими последствиями, – ответил мистер Инглби, – но эта лестница – самая настоящая смертельная ловушка.

– Однажды я сама с нее упала, – подхватила мисс Росситер, – и сломала каблук на обеих туфлях. Оказалась в чрезвычайно затруднительном положении, поскольку у меня не было здесь другой пары обуви и...

– Мои дорогие, я вытянула жребий! – сообщила вошедшая в кабинет безо всяких церемоний мисс Митъярд. – Увы, вам не повезло, мистер Бредон.

– Я вообще невезучий.

– Вы почувствуете себя еще более невезучим, провозившись один день с маргарином «Дэйрифилдс», – мрачно вставил мистер Инглби. – Я тоже в пролете, полагаю?

– Боюсь, что да. Разумеется, фаворита вытащила мисс Ролингз – как всегда.

– Надеюсь, он сломает себе ногу, – сказал мистер Инглби. – Входите, Толбой, входите. Вы меня ищете? Не стесняйтесь, мистер Бредон скоро привыкнет к тому, что его кабинет официально считается проходным двором. Это мистер Толбой, руководитель группы «Нутракса» и нескольких других навязших в зубах товаров. Мистер Бредон – наш новый копирайтер.

– Здравствуйте, – коротко кивнул мистер Толбой. – Послушайте, я насчет этого «Нутракса», двойного одиннадцатидюймового. Не могли бы вы сократить слов тридцать?

– Нет, не мог бы, – ответил мистер Инглби. – Я и так уже обкорнал его до предела.

– Боюсь, все равно придется. Для всего этого пустого трепа, да еще с двухстрочным подзаголовком, места нет.

– Места сколько угодно!⁸

– Нет, его не хватает. Нам нужно еще вставить узкую панель про пятьдесят шесть бесплатных часов с боем.

– Черт бы побрал эту панель и эти часы! Как, интересно, они хотят, чтобы мы разместили все это на полудубле?⁹

– Не знаю, но хотят. Посмотрите, нельзя ли убрать вот этот кусочек: «Когда ваши нервы начинают шалить» и начать прямо с «Нервам нужен «Нутракс»?»

– Армстронгу понравилось насчет нервов, которые начинают шалить. Взывает, мол, к человеческим эмоциям и все такое. Нет, уберите лучше бред насчет патентованной бутылки с пружинной крышкой.

– Они не позволят это убрать, – вмешалась мисс Митъярд. – Это их маленькое изобретение.

– Вы думаете, люди покупают питание для нервной системы ради бутылки? О господи! Я не могу так сразу решить. Оставьте, я подумаю.

– Технический отдел хочет получить это к двум часам, – нерешительно произнес мистер Толбой.

Мистер Инглби ругнулся в адрес технического отдела, схватил лист с версткой и принялся сокращать текст, бормоча сквозь зубы что-то оскорбительное.

– Из всех гребаных рабочих дней, – заметил он, – вторник – самый мерзкий. Ни минуты покоя, пока не скинешь этот чертов одиннадцатидюймовый модуль. Ну, вот! Я сократил двадцать два слова, придется вам этим обойтись. Можно подтянуть вот это слово вверх, это сэкономит целую строку и компенсирует недостающие восемь слов.

⁸ Отсылка к реплике Алисы из «Алисы в Стране чудес» Льюиса Кэрролла (глава «Безумное чаепитие»). Перевод Н. М. Демуровой.

⁹ Дубль – лист бумаги формата 50,8x83,8 см.

– Ладно, попробую, – согласился мистер Толбой. – Чего не сделаешь ради спокойной жизни. Все же это будет выглядеть немного плотновато. Жестко.

– Хотел бы я сам быть пожестче, – сказал мистер Инглби. – Забирайте, ради бога, свои бумажки, пока я кого-нибудь не убил, и уходите.

– Иду-иду, – ответил мистер Толбой и поспешно скрылся.

Мисс Росситер ушла еще в разгар пререканий, теперь и мисс Митъярд собралась идти, заметив напоследок:

– Если Фидиппид выигрывает скачку, вы получите кусочек торта к чаю.

– Ну, а теперь пора нам с вами приниматься за работу, – сказал мистер Инглби, обращаясь к Бредону. – Вот вам досье. Вам стоит его полистать, чтобы понять, чем тут занимаются, а потом попробовать придумать несколько заголовков. Ваша задача – дать понять, что маргарин «Зеленые пастбища» фирмы «Дэйрифилдс» так же хорош, как самое лучшее сливочное масло, но при этом стóит девять пенсов за фунт. Они хотят, чтобы на картинке была корова.

– Почему? Маргарин делается из коровьего жира?

– Ну, вообще-то да, но вы не должны это выражать словами. Идея покупателю не понравится. Изображение коровы есть лишь намек на вкус масла, вот и все. Ну и само название «Зеленые пастбища» вызывает ассоциацию с коровами.

– У меня оно вызывает еще и ассоциацию с неграми¹⁰, – заметил мистер Бредон. – Ну, помните пьесу?

– Негров в рекламе использовать не надо, – огрызнулся мистер Инглби. – Религию, разумеется, тоже. Так что от цитирования двадцать третьего псалма¹¹ воздержитесь. Никакого богохульства.

– Понятно. Только что-то вроде «Лучше масла – и притом вполовину дешевле»? Обращение к карману покупателя?

– Да, но масло ругать не надо. Они и маслом торгуют.

– О!

– Можно сказать, что этот маргарин не хуже масла.

– Но в таком случае, – возразил мистер Бредон, – в чем же преимущество масла? Если тот, другой продукт так же хорош, а стоит дешевле, зачем покупать масло?

– В вашу задачу не входит продвигать покупки масла. Речь идет о естественном человеческом инстинкте.

– А, понимаю.

– В любом случае о масле не беспокойтесь. Сосредоточьтесь на маргарине «Зеленые пастбища». Когда что-нибудь придумаете, несите это машинисткам, а потом – прямоком мистеру Хэнкину. Поняли?

– Да, благодарю вас, – сказал мистер Бредон с весьма озадаченным видом.

– А я приду около часу и покажу вам наименее приятнейшее место для ланча.

– Огромное спасибо.

– Ну, всяческой вам удачи! – И мистер Инглби отправился к себе в кабинет.

«Этот долго не выдержит, – подумал он. – Однако костюмы шьет у чертовски хорошего портного. Интересно...»

Он пожал плечами и уселся составлять маленький стильный буклет о стальных офисных столах «Слайдерс».

Оставшись один, мистер Бредон не бросился сразу же в атаку на маргарин. Подобно любопытному коту на мягких лапках, которого он весьма напоминал, он продолжил знако-

¹⁰ «Зеленые пастбища» – пьеса, написанная в 1930 г. Марком Коннелли, в которой библейские сюжеты адаптированы к жизни чернокожих на Юге США в эпоху Великой депрессии.

¹¹ «Господь – Пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться: Он покоит меня на злачных пажитях и водит меня к водам тихим...»

миться со своим новым домом. Смотреть в нем особо было не на что. Выдвинув ящик письменного стола, он нашел зазубренную и заляпанную чернилами линейку, несколько изгрызенных ластиков, кучу блестящих идей насчет чая и маргарина, нацарапанных на клочках бумаги, и сломанную авторучку. На книжной полке стояли словарь, какой-то отвратительный фолиант под названием «Руководство для руководящих лиц», роман Эдгара Уоллеса, приятно оформленный буклет, озаглавленный: «Все о какао», издание «Алисы в Стране чудес», «Знакомые цитаты» Бартлетта, «Избранные произведения У. Шекспира» и пять разрозненных томов «Детской энциклопедии». Внутренности конторки с покатою столешницей представляли большой интерес. Конторка была набита старыми пыльными бумагами, включавшими «Правительственный доклад о пищевых консервантах (ограничения), Акт от 1926 года»; множество весьма грубых (во всех смыслах) рисунков, сделанных рукой любителя, стопку пробных оттисков реклам товаров фирмы «Дэйрифилдс», несколько личных писем и старых счетов. Брезгливо отряхнув пыль с пальцев, мистер Бредон перешел от этого вместилища к крючку и вешалке для пальто на стене, потом – к стопке потрепанных папок в углу и, наконец, уселся во вращающееся кресло перед столом. Бегло осмотрев клеевую подушечку, ножницы, новый карандаш и стопку промокашек, два блока бумаги для заметок и крышку от картонной коробки со всякой всячиной, он водрузил перед собой досье «Дэйрифилдс» и принялся изучать шедевры своего предшественника на тему маргарина «Зеленые пастбища».

Час спустя дверь кабинета открылась, и внутрь заглянул мистер Хэнкин.

– Как, осваиваетесь? – любезно поинтересовался он.

Мистер Бредон вскочил.

– Боюсь, особо похвастать пока нечем. Кажется, мне не совсем удалось проникнуться здешней атмосферой, если я понятно выражаюсь.

– Это придет со временем, – сказал мистер Хэнкин. Он был человеком чутким и считал, что новые копирайтеры буквально расцветают от ободряющих слов. – Позвольте посмотреть, чем вы заняты. Начинаете с заголовков? Очень правильно. Заголовок – более чем полдела. «ЕСЛИ БЫ ВЫ БЫЛИ КОРОВОЙ» – о, нет-нет, боюсь, не стоит называть потребителя коровой. К тому же практически такой же заголовок у нас уже был... дайте вспомнить... кажется, в 1923 году. Мистер Уордл его придумал. Вы найдете его в четвертом досье от конца. Там было сказано: «ДАЖЕ ЕСЛИ БЫ ВЫ ДЕРЖАЛИ КОРОВУ НА КУХНЕ, вы не могли бы получить спред лучше, чем маргарин «Зеленые пастбища»...» и т. д. Хорошая была реклама. Привлекала внимание, создавала приятный зрительный образ и вмещала в одной фразе целую историю.

Мистер Бредон кивал, словно внимал заповедям из уст Пророков. Шеф копирайтеров, водя карандашом, внимательно прошелся по списку заголовков и поставил галочку напротив одного из них.

– Вот этот мне нравится: «Больше и маслянистей. Стóит уплаченных денег». Тут правильный посыл. Можете написать текст к этому и, вероятно, еще к этому: «Вы будете готовы поспорить, что это масло...» Хотя насчет второго я не совсем уверен. Люди из «Дэйрифилдс» весьма строги в отношении упоминания всяких пари.

– В самом деле? Как жаль! А я уже придумал несколько вариантов. «Можете держать пари...» Вам не нравится?

Мистер Хэнкин с сожалением покачал головой.

– Боюсь, это слишком прямолинейно. Призыв к трудящимся классам попусту тратить деньги.

– Но они и так это делают. Все здешние дамы, как я заметил, любят делать небольшие ставки.

– Я знаю, знаю. Но уверен, что клиент этого не одобрит. Вы скоро увидите, что самым большим препятствием для хорошей рекламы являются клиенты. У них у всех свои причуды. Такой заголовок подойдет для «Дарлинг», но не подойдет для «Дэйрифилдс». Один наш свя-

занный со скачками заголовок имел большой успех: «Можете смело поставить последнюю рубашку на не дающую усадки лошадку «Дарлинг». За неделю скачек в Аскоте было продано восемьдесят тысяч полотенец. Хотя отчасти помог случай, потому что лошадь по кличке Дарлинг выиграла пятьдесят к одному, и все женщины, получившие выигрыш, бросились покупать «не дающие усадки полотенца» с лошадками просто из чувства благодарности. Публика – она странная.

– Да, – согласился мистер Бредон. – Похоже на то. Реклама, судя по всему, содержит больше, чем видит глаз.

– Это верно, – мрачновато произнес мистер Хэнкин. – Ладно, запишите все, что придумаете, и приходите ко мне. Вы знаете, где мой кабинет?

– О да... в конце коридора, рядом с железной лестницей.

– Нет-нет, там кабинет мистера Армстронга. Мой – в другом конце коридора, возле другой лестницы, не железной. Кстати...

– Да?

– Да нет, ничего, – рассеянно проговорил мистер Хэнкин. – То есть... Нет, ничего.

Глядя на его удаляющуюся фигуру, мистер Бредон задумчиво покачал светловолосой головой. Затем, вернувшись к работе, весьма быстро написал несколько абзацев во славу маргарина и, держа листки в руке, вышел из комнаты. Повернув направо, он ненадолго задержался у двери в кабинет мистера Инглби и нерешительно уставился на железную лестницу. Пока он стоял перед ней, стеклянная дверь на противоположной стороне коридора открылась, и из нее выскочил мужчина средних лет. Увидев Бредона, он прервал свой бег к лестничной площадке и поинтересовался:

– Вы что-то ищете? Показать вам дорогу?

– О! Да, благодарю. Нет... то есть да. Я – новый копирайтер, ищу машинописное бюро.

– В другом конце коридора.

– А, понятно, огромное спасибо. Тут нелегко сориентироваться. А куда ведет эта лестница?

– Вниз, там куча помещений – главным образом кабинеты руководителей групп, совещательные комнаты, кабинет мистера Пима и нескольких других руководителей, а также типографский отдел.

– Ясно. Большое спасибо. А где вымыть руки?

– Тоже там, внизу. Если хотите, покажу.

– О, благодарю, огромное спасибо.

Мужчина припустил по крутой расшатанной винтовой лестнице, словно выпущенный распрямившейся пружинной. Бредон опасливо последовал за ним.

– Немного крутовато, вам не кажется?

– Да, это точно. Будьте осторожны. Один парень из вашего отдела на днях разбился на ней всмятку.

– Не может быть!

– Сломал шею. Когда мы подросли, он был уже мертв.

– Что вы говорите?! Ну и ну! И как же, черт возьми, ему это удалось? Он что, не видел, куда ступает?

– Поскользнулся, полагаю. Должно быть, слишком быстро спускался. Со мной никогда такого не случалось. Лестница хорошо освещена.

– Хорошо освещена? – Мистер Бредон изумленно обвел взглядом световой люк наверху, потом – из конца в конец – коридор, в который так же, как в тот, что на верхнем этаже, выходили двери со стеклянными вставками. – Да, и впрямь хорошо освещена, – сказал он. – Наверняка поскользнулся. Если быстро бежать по лестнице, поскользнуться нетрудно. У него в подметках были сапожные гвозди?

– Я не знаю. Я его туфли не рассматривал. Думал только о том, как собрать его по кусочкам.

– Это вы его нашли?

– Я услышал грохот, выскочил и прибежал на место одним из первых. Кстати, моя фамилия Дэниелс.

– Вот как? Дэниелс, ну конечно. А в ходе расследования ничего не выяснилось насчет сапожных гвоздей?

– Я ничего такого не помню.

– О, ну тогда, должно быть, гвоздей не было. Я хочу сказать, если бы они были, кто-нибудь о них упомянул бы. То есть это было бы хоть каким-то объяснением, не правда ли?

– Объяснением для кого? – спросил Дэниелс.

– Для страховой конторы. Я имею в виду, когда одни люди строят лестницу, а другие скатываются с нее, страховая компания обычно желает знать, как это произошло. По крайней мере, так мне говорили. Я сам никогда с лестниц не падал – стучу по дереву, чтоб не сплзнуть.

– И лучше не пытайтесь, – сострил Дэниелс, обходя вопрос о страховке. – Вымыть руки – это туда: пройдете через вон ту дверь, а там по коридору слева.

– О, премного вам благодарен.

– Не за что.

Мистер Дэниелс рванул в комнату, забитую письменными столами, оставив мистера Бредона сражаться с тяжелой вращающейся дверью.

В туалете Бредон столкнулся с Инглби.

– О, – сказал последний, – вы сами нашли дорогу? Мне говорили, чтобы я вам ее показал, но я забыл.

– Мистер Дэниелс меня проводил. Он кто?

– Дэниелс? Руководитель группы. В его ведении несколько клиентов: «Слайдер», «Братья Хэррогейт» и еще кое-какие. Отвечает за макеты, отправляет клише в газеты и все такое прочее. Неплохой парень.

– Кажется, он особо чувствителен к вопросу о железной лестнице. То есть он был весьма разговорчив, пока я не затронул вопрос о том, что страховая компания наверняка пришлет своих людей расследовать этот несчастный случай, – тут он как будто рассердился на меня.

– Он давно служит в этой фирме и не любит, когда на нее бросают тень. Тем более когда это делает новичок. Вообще-то тут лучше держаться скромнее, пока не проработал лет десять. Раскованность не приветствуется.

– Вот как? Спасибо, что предупредили.

– Этой конторой управляют, как правительственным учреждением, – продолжил Инглби. – Суета нежелательна, а инициативе и любопытству вежливо указывают на дверь.

– Это точно, – подхватил задиристого вида рыжеволосый мужчина, который тер пальцы пемзой так, словно хотел содрать с них кожу. – Я попросил у них пятьдесят фунтов на новый объектив – и каков был ответ? Пожалуйста, соблюдайте экономию во всех отделах. Чистый Уайтхолл, разве нет? А ведь они платят вам, ребята, за то, чтобы вы писали рекламные тексты в духе: чем больше тратишь, тем больше экономишь! Утешаюсь только тем, что мне здесь недолго осталось.

– Это мистер Праут, наш фотограф, – представил мужчину мистер Инглби. – Он грозит уволиться последние пять лет, но, когда доходит до дела, понимает, что нам без него никак не обойтись, и уступает нашим слезным мольбам.

– Ха! – воскликнул мистер Праут.

– Руководство считает мистера Праута таким ценным сотрудником, – продолжал мистер Инглби, – что предоставило ему огромную комнату...

– В которую и котенок не втиснется, – перебил его мистер Праут, – и к тому же без вентиляции. Убийство – вот чем они здесь занимаются. Калькуттские черные дыры¹² и лестницы, на которых люди ломают себе шеи. Что нужно этой стране, так это Муссолини, чтобы создать нормальные условия для работы. Но какой толк от разговоров? Все остается по-прежнему, сами скоро убедитесь.

– Мистер Праут – наш домашний подстрекатель, – снисходительно заметил мистер Инглби. – Вы идете, Бредон?

– Да. Мне нужно отнести это в машбюро.

– Ясно. Поворачиваем сюда, потом поднимаемся на лифте, проходим через диспетчерскую – и вот вы на месте: прямо перед входом в дом «Бритиш бьюти»¹³. Девочки, мистер Бредон принес вам небольшую работенку.

– Давайте сюда, – сказала мисс Росситер. – И еще... мистер Бредон, не будете ли вы так любезны написать свое полное имя и адрес вот на этой карточке – для отдела кадров.

Бредон послушно взял карточку.

– Печатными буквами, пожалуйста, – добавила она, с некоторой тревогой глядя на листки, которые он ей только что передал.

– О, вы полагаете, что у меня ужасный почерк? Я всегда считал, что он довольно четкий. Может, не слишком красивый, но вполне разборчивый. Впрочем, если вы говорите...

– Печатными буквами, – твердо повторила мисс Росситер. – Привет! Вот и мистер Толбой. Думаю, ему нужны вы, мистер Инглби.

– Ну, что опять?

– В «Нутракс» забраковали макет, – объявил мистер Толбой с мрачно-торжествующим видом. – Они только что передали с посылным сообщение, что хотят чего-то особенного, что можно было бы противопоставить кампании «Сламбермальта». Мистер Хэнкин желает, чтобы вы что-нибудь придумали и принесли ему через полчаса.

Инглби издал громкий стон, и Бредон, положив свою учетную карточку, уставился на него с открытым ртом.

– Будь он проклят, этот чертов «Нутракс»! – вскричал Инглби. – Чтоб на всех его директоров напала слоновья болезнь, сухотка и инкарнация ногтей на ногах!

– О да, – согласился Толбой. – Так вы что-нибудь сочините, правда? Если я получу это до трех часов, наборщик... Ба!..

Небрежно скользивший взгляд мистера Толбоя наткнулся на учетную карточку Бредона. Мисс Росситер тоже перевела на нее взгляд. На карточке было печатными буквами аккуратно написано одно слово:

ДЭС

– Вы только посмотрите на это! – выдохнула мисс Росситер.

– О! – воскликнул Инглби, заглядывая через ее плечо. – Так вот вы кто, мистер Бредон? Что ж, единственное, что можно сказать, так это то, что рано или поздно вы заявитесь в дом к каждому из нас. Неотвратимый гость, так сказать.

Мистер Бредон виновато улыбнулся.

– Вы меня так напугали своим криком, – ответил он, – что я не дописал.

Он снова взял карточку и заполнил ее до конца:

Дэс Бредон,
12-а, Грейт-Ормонд-стрит,

¹² Калькуттская черная дыра – вошедшее в историю название крохотной тюремной камеры в форте Уильям, в которую захвативший Калькутту бенгальский правитель Сирадж уд-Даул посадил 146 британцев в ночь на 20 июня 1756 г.

¹³ Сеть магазинов косметики, модной одежды и аксессуаров British Beauty.

Западно-Центральный округ, 1.

Глава 2

Шокирующая неделикатность двух машинисток

В двадцатый раз мистер Дэс Бредон перечитывал отчет о коронерском расследовании смерти Виктора Дина. В нем содержались показания мистера Праута, фотографа:

«Подходило как раз время чаепития. Чай приносят приблизительно в три тридцать. Я вышел из своего кабинета на верхнем этаже с камерой и треногой в руках. Мистер Дин прошел мимо меня. Он быстро шагал по коридору в направлении железной лестницы. Не бежал – просто шел быстрым шагом. Под мышкой он нес большую тяжелую книгу. Теперь я знаю, что это был «Атлас мира» издания газеты «Таймс». Я повернул в ту же сторону и увидел, как он начал спускаться по лестнице; это весьма крутая винтовая лестница. Он успел сделать с полдюжины шагов, когда вдруг согнулся пополам и исчез. Послышался чудовищный грохот. Можно назвать это громкой дробью – повторяющийся стук. Я побежал. В этот момент мистер Дэниелс распахнул свою дверь, вышел и зацепился ногой за мою треногу. Пока мы высвобождали его ступню, мимо нас пробежал мистер Инглби. Я услышал пронзительный крик снизу, положил камеру на пол, и мы вместе с мистером Дэниелсом помчались к лестничной площадке. Кто-то еще присоединился к нам – мисс Росситер, кажется, несколько копирайтеров и клерков. Мы увидели мистера Дина, который, как-то съездившись, лежал у подножья лестницы. Я не знал, скатился ли он по ступеням или перевалился через перила. Он лежал, как тряпичная кукла. Винтовая лестница представляет собой правостороннюю спираль с одним полным поворотом. Ступени сделаны из металла с прорезями. На перилах имеются железные шишечки размером с грецкий орех. Поскользнуться на этих ступенях нетрудно. Освещена лестница хорошо. Прямо над ней располагается световой люк, также на нее падает свет из коридора через стеклянные вставки в дверях кабинетов нижнего этажа. Я сфотографировал ее на N&D 450 вчера в три тридцать, то есть на следующий день после несчастного случая, при обычном дневном освещении, используя высокочувствительную кассету «Актинакс», при выдержке в одну секунду и диафрагме $f/16$. Освещение было такое же, как в момент смерти мистера Дина. В обоих случаях светило солнце. Коридор вытянут примерно с севера на юг. Когда покойный летел с лестницы, свет должен был падать сверху и сзади; солнечный свет никак не мог его ослепить».

Далее шли показания мистера Дэниелса:

«Я стоял у своего стола – мы с мистером Фриманом советовались относительно макета одной рекламы, – когда услышал грохот. Я подумал, что кто-то из мальчишек снова свалился с лестницы. Уже был случай, когда один из них упал с нее. Я не считаю, что эта лестница опасна. Просто мальчишка бежал по ней слишком быстро. Не помню, чтобы я слышал, как мистер Дин шел по коридору, и не видел его. Я стоял спиной к двери. Люди все время ходят по этому коридору, я бы и внимания не обратил. Из комнаты я вышел, когда услышал звук падения, и споткнулся о треногу мистера Праута. Я не упал, но покачнулся, и мне пришлось схватиться за него, чтобы устоять на ногах. Когда я выходил, в коридоре, кроме мистера Праута, никого не было. Могу поклясться. Мистер Инглби пробежал мимо нас, когда мы разбирались с треногой. Он шел не из своего кабинета, а с южного конца коридора, потом начал спускаться по лестнице, и мы с мистером Праутом последовали за ним, как только я выпутался из треноги. Я слышал, как внизу кто-то пронзительно закричал. Это случилось прямо перед тем или сразу после того, как я столкнулся с мистером Праутом. Поскольку я был в замешательстве, точно сказать не могу. Мы увидели мистера Дина, лежавшего у подножья лестницы. Вокруг стояло много людей. Потом мистер Инглби очень торопливо взбежал по лестнице вверх, крича: «Он мертв!» или «Он убит!»». За точность слов не поручусь. Сначала я ему не поверил, думал, что он преувеличивает, и продолжал спускаться. Мистер Дин лежал головой вниз. Ноги частично оставались на лестнице. Думаю, кто-то уже пытался поднять его, прежде чем я подошел. У

меня есть некоторый опыт по части смертей и несчастных случаев. Во время войны я был санитаром. Осмотрев его, я высказал мнение, что он мертв. Полагаю, мистер Аткинс еще до меня сказал то же самое. Я помог поднять тело и отнести его в зал заседаний. Мы положили его на стол и попытались оказать первую помощь, но у меня не было сомнений, что он умер. Нам не пришло в голову оставить его там, где он был, до приезда полиции, так как, конечно, он мог быть еще жив, мы не могли оставить его лежать головой вниз на лестнице».

Затем следовал рассказ мистера Аткинса, который объяснил, что является секретарем одной из групп, работающих на нижнем этаже:

«Я как раз вышел из своей комнаты, от двери которой открывается вид на железную лестницу. Она находится не строго напротив подножья лестницы, но нижние ступени от нашей двери хорошо видны. Любой, кто спускается по ней, сходя с последних ступеней, оказывается ко мне спиной. Я услышал грохот и увидел, как покойный, словно мешок, падает вниз. Не было похоже, чтобы он пытался спастись. В руках он сжимал какую-то большую книгу и, даже упав, не выпустил ее. Создалось такое впечатление, будто он пулей пролетел от одного конца лестницы до другого и шмякнулся, как мешок с картошкой, так сказать, воткнувшись головой в пол. Я как раз нес большой поднос, уставленный стеклянной посудой. Поставив его на пол, я сразу помчался к пострадавшему, попробовал поднять его, но, едва прикоснувшись к нему, понял, что он мертв. Мне показалось, что он сломал себе шею. В тот момент в коридоре была миссис Крамп. Это наша главная уборщица. Я сказал ей: «Боже милостивый! Он сломал себе шею», и она громко закричала. Почти сразу же собралась куча народу. Кто-то предположил: «Может, у него просто вывих?» Мистер Дэниелс сказал мне: «Мы не можем оставить его здесь». Кто-то, кажется, мистер Армстронг, предложил перенести мистера Дина в зал заседаний. Я помогал нести его. Покойный так крепко сжимал книгу, что мы с трудом у него ее забрали. После падения он не сделал ни единого движения, ни единой попытки что-нибудь сказать. Я ни секунды не сомневался, что он был мертв с того самого момента, как приземлился».

Миссис Крамп безоговорочно подтвердила все сказанное мистером Аткинсом:

«Я руковожу бригадой уборщиц в Рекламном агентстве Пима. В мои обязанности входит развозить чай на сервировочном столике по кабинетам каждый день в три тридцать. Я начинаю обход приблизительно в четверть четвертого и заканчиваю где-то без четверти четыре. В тот день я только что обслужила первый этаж и возвращалась к лифту, чтобы отвезти чай на верхний этаж. То есть было около половины четвертого. Идя по коридору, я видела подножье железной лестницы и видела, как упал мистер Дин. Он упал, как мешок. Это было ужасно. Падая, он не кричал и вообще не издал ни звука. Он падал, как мертвое тело. У меня сердце замерло. Я была так потрясена, что минуты две не могла двигаться. Потом мистер Аткинс подбежал, чтобы поднять его, и сказал: «Он сломал себе шею». Вот тогда я закричала. Не смогла сдержаться, так меня это ошарашило. Я считаю, что эта лестница – опасное, злополучное место, и всегда предупреждаю об этом других женщин. Если на ней поскользнуться, почти невозможно спастись, особенно если несешь что-то в руках. Люди бегают по ней вверх-вниз целый день, и края ступенек так отполированы, что вы представить себе не можете, а некоторые ступеньки стерлись и сделались покатыми».

Медицинское заключение представил доктор Эмерсон:

«Я живу на Куинс-сквер в Блумсбери. От моего дома до агентства Пима, расположенного на Саутгемптон-роу, не больше пяти минут ходьбы. Мне позвонили по телефону в три сорок пять, и я немедленно отправился на место. Пострадавший к моменту моего появления был мертв. Осмотрев его, я сделал вывод, что он был мертв уже минут пятнадцать. Шея его была сломана в районе четвертого шейного позвонка. У него также имелась рана от ушиба на правом

виске, с трещиной в черепе. Любой из этих травм было достаточно, чтобы повлечь за собой смерть. Я бы сказал, что он умер сразу же после падения. У него также имелся перелом большой берцовой кости левой ноги, которая, вероятно, во время падения попала между столбцами перил. Разумеется, на теле имелось множество небольших царапин и ушибов. Осмотр раны на голове дал возможность предположить, что пострадавший ударился виском об одну из шишечек на перилах. Не могу сказать, что именно послужило непосредственной причиной смерти – этот удар или перелом позвоночника, но в любом случае смерть была мгновенной. Признаю, что это не имеет особого значения. Я не обнаружил никаких признаков сердечных или иных заболеваний, которые позволили бы предположить, что пострадавший был предрасположен к головокружениям или обморокам. Не обнаружил я также ничего, что указывало бы на алкогольную или наркотическую зависимость. Я видел лестницу и считаю, что на ней действительно очень легко поскользнуться. Насколько я могу судить, зрение у покойного было в норме».

Мисс Памела Дин, сестра умершего, засвидетельствовала, что ее брат в момент несчастного случая пребывал в добром здравии и что с ним никогда в жизни не случалось припадков и обмороков. Он не страдал близорукостью. Время от времени его беспокоила печень. Он был прекрасным танцором и двигался легко и аккуратно. Однажды в детстве он растянул лодыжку, но, насколько ей известно, это не повлекло никаких последствий для голеностопного сустава.

Были также получены свидетельства, что прежде несколько раз с людьми, спускавшимися по железной лестнице, тоже происходили неприятности; другие свидетели выразили убеждение, что лестница не представляет опасности для человека, проявляющего разумную осторожность. Присяжные вынесли вердикт о смерти от несчастного случая, присовокупив особое мнение, касающееся необходимости замены железной винтовой лестницы на более прочную конструкцию.

Мистер Бредон покачал головой, потом взял из лежавшего перед ним лотка лист бумаги и написал:

1. Упал, как мешок.
2. Не делал попыток спастись.
3. Не выпустил из рук книгу.
4. Упал головой вниз.
5. Сломанная шея, трещина в черепе; обе травмы смертельны.
6. Хорошее здоровье; хорошее зрение; хороший танцор.

Набив трубку, Бредон некоторое время сидел, уставившись на список. Потом пошарил в ящике стола и извлек из него листок бумаги, на котором было что-то вроде неоконченного письма или черновика:

«Уважаемый мистер Пим,
считаю необходимым довести до Вашего сведения, что в агентстве происходит нечто весьма неприятное, способное привести к серьезным...»

Поразмыслив немного, Бредон отложил этот документ и начал писать на другом листе бумаги, деловито стирая и переписывая слова. Наконец губы его растянулись в улыбке.

– Готов поклясться, в этом что-то кроется, – пробормотал он себе под нос. – Что-то важное. Задача состоит в том, чтобы выяснить, что именно. Скорее всего, речь идет о деньгах – но откуда эти деньги? Думаю, не от Пима. Не похоже, чтобы это было его персональное шоу, а шантажировать целую контору невозможно. Интересно, однако. В конце концов, не исключено, что он хорошо заплатил бы, чтобы предотвратить...

Бредон замолчал и снова погрузился в раздумья.

– А что вы думаете о нашем мистере Бредоне? – спросила мисс Партон, беря очередной шоколадный эклер.

– О баловне Пимлико?¹⁴ – уточнила мисс Росситер. – Голубушка, если вы съедите все эти сладости, вы наберете много-много фунтов. Ну, что сказать? Он душка, а рубашки у него, я бы сказала, даже слишком великолепны. Продолжать такую жизнь на жалованье от Пима, с премиями или без, он не сможет. С шелковыми носками тоже придется распрощаться.

– Да, он явно вырос в достатке, – согласилась мисс Партон. – Должно быть, из новых бедных. Потерял все свои деньги во время кризиса или что-нибудь в этом роде.

– Либо так, либо семья устала его содержать и перевела на самообеспечение, – предположила мисс Росситер. Она соблюдала более строгую диету, чем ее коллега, и была менее склонна к сантиментам. – Я тут как-то спросила его, чем он занимался до того, как пришел к нам. Он ответил: «Разным» – и упомянул, что хорошо разбирается в автомобилях. Полагаю, он был одним из тех золотых мальчиков, которые торговали машинами за комиссионные, а когда спрос резко упал, ему пришлось взяться за настоящую работу, если таковой можно назвать работу копирайтера.

– Мне кажется, он очень умен, – сказала мисс Партон. – Вы видели тот идиотский заголовок, который он вчера придумал для маргарина? «Это гораздо, гораздо маслянее масла». Хэнки чуть живот не надорвал от смеха. Думаю, Баловень его просто дурачил. Уверена, он бы не додумался до такой глупости, если бы у него не было мозгов.

– Из него выйдет хороший копирайтер, – решительно объявила мисс Росситер. Она повидала на своем веку столько копирайтеров, приходивших и уходивших, как корабли в ночи, что была способна оценивать их с ходу не хуже начальников. – У него есть чутье, понимаете? С ним все будет в порядке.

– Надеюсь, – сказала мисс Партон. – У него прекрасные манеры. Он, в отличие от молодого Уиллиса, не швыряет вам свои бумажки так, словно вы какое-то ничтожество. И поджентльменски оплачивает свои счета за чай.

– Выводы делать рано, – заметила мисс Росситер. – Пока он оплатил только один счет. Меня бесит, когда некоторые делают из этого целую проблему. Взять хоть бы Гарретта. Когда я пришла к нему за деньгами в субботу, он мне просто нагрубил. Намекнул, что я наживаюсь на этих чайных деньгах. Наверное, ему это показалось забавным. Мне – нет.

– Он хотел пошутить.

– Нет, не хотел. Во всяком случае, не совсем. И он вечно ворчит. Булочки с изюмом, рулеты с джемом – все ему не так. Я ему сказала: «Мистер Гарретт, если вы готовы посвящать свое обеденное время тому, чтобы пытаться найти что-нибудь, что понравится всем, – пожалуйста!» А он: «О нет, я вам не курьер». «А я, по-вашему, кто? – спрашиваю. – Девочка на побегушках?» На это он посоветовал мне не терять хладнокровия. Все это очень мило, но от этого очень устаешь, особенно в такую жару.

Мисс Партон согласно кивнула. Эти чаепития были вечным поводом для чьего-нибудь недовольства.

– Во всяком случае, дружище Бредон хлопот не доставляет, – заметила она. – Самое простое печенье и чашка чая – вот его ежедневный заказ. При этом он сказал, что готов вносить столько же, сколько другие, хотя с него следовало бы брать не больше шести пенсов. Мне нравятся мужчины, которые проявляют щедрость и разговаривают с тобой любезно.

– О, язык у Баловня подвешен отлично, – сказала мисс Росситер. – И притом он очень любопытен.

– Они все такие, – ответила мисс Партон. – А знаете, что вчера случилось? Это было ужасно. Бредон пришел за распечатками своего текста для мистера Хэнкина. Я была в страшной запарке из-за какой-то чуши старика Копли – он ведь всегда требует, чтобы все было готово через пять минут, – и сказала: «Возьмите сами». И что вы думаете? Когда минут через десять я

¹⁴ Пимлико – фешенебельный район в центре Лондона.

подошла за чем-то к полке, выяснилось, что он унес папку с личными бумагами мистера Хэнкина. Не иначе, как он ослеп, если не увидел на папке надписи «Личное» красными буквами в дюйм высотой. Разумеется, Хэнки пришел бы в ярость, если бы узнал об этом, поэтому я бросилась к Бредону и увидела, как он сидит за столом и спокойненько читает личные бумаги Хэнки. Как вам это нравится? Я ему говорю: «Мистер Бредон, вы взяли не ту папку». А он даже не смутился. Протянул ее мне и сказал: «Я как раз подумал, что, наверное, ошибся. Но очень интересно узнать, какое у кого жалование». Дорогая моя, он читал штатное расписание! Я сказала: «О, мистер Бредон, вы не должны это читать. Это совершенно конфиденциально». А он: «В самом деле?» Мне показалось, что он был крайне удивлен.

– Вот осёл! – воскликнула мисс Росситер. – Надеюсь, вы сказали ему, чтобы держал язык за зубами? Они все так щепетильны, когда речь идет об их зарплатах. Никак не могу этого понять, но всем до смерти хочется знать, сколько получают другие, и все до смерти боятся, чтобы кто-нибудь не узнал, сколько получают они сами. Если Бредон начнет болтать, поднимется большая буча.

– Я его предупредила, – сказала мисс Партон, – но ему это, кажется, показалось очень забавным, и он спросил, сколько ему понадобится времени, чтобы дослужиться до жалования Дина.

– А сколько получал Дин?

– Шесть, – ответила мисс Партон. – И большего, по-моему, не заслуживал. Должна заметить, без него в отделе будет спокойней. Он, бывало, мутит воду.

– Если хотите знать мое мнение, – сказала мисс Росситер, – я не думаю, что это правильно – смешивать людей с университетским образованием и остальных. Что касается выпускников Оксфорда и Кембриджа, то между ними принято обмениваться колкостями и сквернословить, но остальные в эту атмосферу не вписываются. Им всегда кажется, что над ними глумятся.

– Их раздражает Инглби. Он никогда ничего не воспринимает всерьез.

– Никто из них не воспринимает, – высказала мисс Росситер свое непогрешимое, основанное на опыте мнение о причинах раздоров. – Для них это все игра, а для Копли и Уиллиса – убийственно серьезно. Если Уиллис пускается в метафизику, то Инглби декламирует лимерики. Лично я придерживаюсь широких взглядов. Мне это даже нравится. И должна сказать, что университетские не собачатся так, как остальные. Если бы Дин не свалился с лестницы, между ним и Уиллисом произошла бы очень серьезная ссора.

– Никогда не могла понять, чего они не поделили, – заметила мисс Партон, задумчиво помешивая кофе.

– Я думаю, все дело в девушке, – предположила мисс Росситер. – Раньше Уиллис очень часто проводил выходные с Дином, а потом вдруг все прекратилось. В марте между ними произошла жуткая ссора. Мисс Митъярд слышала, как они яростно ругались в кабинете Дина.

– Она поняла, из-за чего?

– Нет. Вы же знаете мисс Митъярд: она сначала постучала в стенку, а потом пошла к ним и велела заткнуться. От нее никакого толку, когда речь идет о чьих-то чувствах. Странная женщина. Ну, думаю, нам пора закругляться, а то завтра утром мы будем ни на что не годны. Где чек? Вы съели на два пирожных больше, чем я. С вас шиллинг и один пенс, с меня – девять пенсов. Если я дам вам шиллинг, а вы мне два пенса и еще два официантке и за место за столиком, мы будем в расчете.

Покинув «Корнер-хаус», девушки вышли на Ковентри-стрит, повернули направо и пересекли площадь Пикадилли, направляясь к метро. Когда они снова ступили на тротуар, мисс Росситер вдруг сжала локоть мисс Партон.

– Смотрите! Баловень! Разодет в пух и прах!

– Да ладно, это не он, – возразила мисс Партон. – Хотя нет, он! Вы посмотрите на этот смокинг! Гардения в петлице и – боже милостивый! – монокль!

Ничего не ведая об этих комментариях, джентльмен, о котором шла речь, непринужденно шагал им навстречу, дымя сигаретой. Когда они поравнялись, мисс Росситер расплылась в жизнерадостной улыбке и сказала:

– Привет!

Мужчина автоматически приподнял шляпу и кивнул. Его лицо ничего не выражало. Щеки мисс Росситер огненно зарделись.

– Это не он. Какой ужас!

– Он принял вас за уличную девицу, – сказала мисс Партон с некоторым смущением, но, возможно, и с легким злорадством.

– Это невероятно... – раздосадованно пробормотала мисс Росситер. – Я могла бы поклясться...

– Он вовсе на него и не похож, когда смотришь с близкого расстояния, – сказала мисс Партон, крепкая задним умом. – Я же говорила, что это не он.

– Вы сказали, что это он.

Мисс Росситер обернулась как раз вовремя, чтобы стать свидетельницей любопытного эпизода. Со стороны Лестер-сквер плавно подкатил лимузин и остановился напротив входа в бар «Крайтирион». Роскошно одетый мужчина подошел к нему и перекинулся несколькими словами с пассажиром, отшвырнув сигарету и взявшись за ручку дверцы, словно собирался сесть в машину. Но прежде, чем он успел это сделать, из дверей магазина неожиданно появились двое мужчин. Один из них заговорил с шофером, другой положил ладонь на руку элегантного мужчины. Они обменялись одной-двумя фразами, после чего первый сел рядом с шофером, а второй открыл дверцу лимузина. Шикарно одетый мужчина забрался внутрь. Тот, что открывал дверцу, последовал за ним, и машина отъехала. Все произошло так быстро, что мисс Партон не успела даже обернуться на восклицание мисс Росситер, как их и след простыл.

– Его арестовали! – выдохнула мисс Росситер, глаза ее блеснули. – Те двое – наверняка детективы. Интересно, что натворил наш «друг с моноклем»?

Мисс Партон была взволнована.

– А ведь мы говорили с ним, подумав, что это Бредон.

– Это я говорила с ним, – поправила ее мисс Росситер.

Хорошо было мисс Партон теперь примазываться, а ведь всего несколько минут назад она весьма демонстративно отмежевалась от невольной бестактности подруги. Это нельзя было оставить безнаказанным.

– Ну хорошо, *вы* говорили, – согласилась мисс Партон. – Я удивляюсь тому, что вы заигрываете с этим ловким мошенником. В любом случае, если мистер Бредон не объявится завтра на работе, станет понятно, что это был он.

Однако выяснилось, что это вряд ли был мистер Бредон, потому что на следующее утро он как ни в чем не бывало появился на месте. Мисс Росситер поинтересовалась, нет ли у него двойника.

– Насколько мне известно, нет, – ответил мистер Бредон. – Один из моих кузенов немного похож на меня.

О случившемся накануне мисс Росситер поведала ему с небольшими изменениями. По зрелом размышлении она решила, что лучше не упоминать о том, как ее приняли за даму легкого поведения.

– Я не думаю, что это был мой кузен, – сказал мистер Бредон. – Он ужасно добропорядочный господин, хорошо известный в Букингемском дворце и все такое.

– Продолжайте, – попросила мисс Росситер.

– Я в семье – паршивая овца. При встрече на улице он меня даже не замечает. Должно быть, это был кто-то другой.

- Фамилия вашего кузена тоже Бредон? – поинтересовалась мисс Росситер.
- О да, – ответил мистер Бредон.

Глава 3

Любопытство нового копирайтера

За ту неделю, что мистер Бредон проработал в агентстве Пима, он многому научился. Теперь он знал среднее количество слов, умещающихся в четырех дюймах текста; знал, что завоевать расположение мистера Армстронга можно искусно выстроенным макетом, между тем как мистер Хэнкин считает всякие художества пустой тратой времени для копирайтера; что слово «чистый» опасно, поскольку, использованное без должной осторожности, может повлечь судебное преследование со стороны государственных инспекторов, в то время как слова «высочайшее качество», «лучшие ингредиенты», «законсервировано в наилучших условиях» не имеют юридического смысла, а следовательно, безопасны; что выражение «давая работу бесчисленному множеству британских трудящихся и т. д.» никак не то же самое, что «исключительно британского производства»; что на севере Англии любят соленое масло и маргарин, а на юге предпочитают несоленые; что в «Морнинг стар» не принимают рекламу, содержащую слово «излечивает», хотя не возражают против таких глаголов, как «облегчает» или «улучшает», и, соответственно, любой товар, претендующий на способность «излечивать» от чего бы то ни было, обязан быть официально зарегистрирован как патентованное лекарство и иметь дорогостоящее клеймо; что наиболее убедительная реклама должна быть ироничной и – по какой-то причине – написанной в простом и категоричном стиле; что если в заголовок прокрадется сколь угодно притяннутая за уши аллюзия на непристойность, британская публика неминуемо ее учует; что величайшая цель и задача художественного отдела – вытеснить из рекламы текст, и копирайтер для них – злодей, строящий козни, чтобы, наоборот, забить всю площадь макета пустословием и не оставить пространства для рисунков; что верстальщик – безответный ишак, мечущийся меж двух зол, и всю свою жизнь проводит в попытках примирить эти противостоящие партии; а вдобавок ко всему – что все отделы единоклюны в своей ненависти к клиенту, который неумолимо портит макеты, загромождая их купонами, предложениями бесплатных подарков, списками местных агентов и реалистичными портретами жутких и совершенно неинтересных мультипликационных персонажей, тем самым нанося ущерб самому себе и доводя до озверения всех причастных.

Бредон также научился ориентироваться на обоих этажах, занимаемых агентством, без посторонней помощи и даже подниматься на крышу, где мальчишки-посыльные делали ежедневную зарядку под руководством сержанта и откуда в ясные дни открывался чудесный вид на Лондон. Он познакомился со многими руководителями групп и иногда мог даже с ходу вспомнить, какие клиенты находятся в ведении какой группы, а с большинством сотрудников своего отдела сдружился. В отделе было два руководителя – мистер Армстронг и мистер Хэнкин, каждый был по-своему блистателен, и у каждого были свои причуды. Например, мистер Хэнкин никогда не визировал заголовки, содержавшие слово «великолепный»; мистер Армстронг не любил макеты, включавшие изображения судьи или еврея, поэтому почувствовал себя совершенно несчастным, когда владельцы табачной компании «Уиффлетс» запустили новый бренд трубочного табака под названием «На суд знатоков», и предпочел передать кураторство над его рекламой со всеми потрохами мистеру Хэнкину. Мистер Копли, пожилой, серьезный человек, пришедший в профессию рекламщика еще до нынешнего безумного наплыва копирайтеров – выпускников частных школ и университетов, был известен предрасположенностью к расстройству пищеварения и фантастическим умением писать аппетитные тексты о консервированных и фасованных продуктах питания. Содержимое любой консервной банки или фирменной упаковки было для него ядом, его рацион состоял из недожаренного бифштекса, фруктов и хлеба из муки грубого помола. Единственный текст, написание которого действительно доставило ему удовольствие, был о непресеянной муке «Банбери», и он неизменно впадал в

депрессию, когда его сдержанные панегирики, снабженные полезными медицинскими сведениями, вычеркивались в пользу какой-нибудь легкомысленной глупости, сочиненной Инглби, вроде «выпечки без хлопот с непросеянной мукой «Банбери». Но когда речь заходила о сардинах и консервированном лососе, он был несгибаем.

Инглби специализировался на снобистских текстах о чае «Твентименс» («который предпочитают фавориты моды»), сигаретах «Уиффлетс» («на королевской трибуне в Аскоте, в Корлевском яхтклубе в Каусе вы увидите ценителей, которые курят «Уиффлетс») и обуви от «Фарли» («На большой охоте или на охотничьем балу в обуви от «Фарли» вы будете твердо стоять на ногах»). Он жил в Блумсбери, был прокоммунистически настроен – в литературном смысле слова – и одевался почти исключительно в пуловеры и серые брюки из шерстяной фланели. Инглби был заведомо лишен каких бы то ни было иллюзий и являлся самым многообещающим копирайтером, когда-либо пригретым Пимом. Если он не занимался табачными изделиями «Уиффлетс» или модной обувью, то обращал свой насмешливый ум почти на что угодно и имел склонность к «хитроумным» текстам там, где это не было неуместно.

Мисс Митъярд, обладавшая похожим складом ума, могла писать практически обо всем, кроме женских товаров. Более компетентны в этой области были мистер Уиллис и мистер Гарретт; первый особенно умело справлялся с корсетами и кремами для лица, о которых писал с таким слезливым умилением, что более чем заслуживал своего жалования. В целом отдел текстовой рекламы работал в счастливом единении, помогая друг другу сочинять заголовки и целый день шныряя в кабинеты друг к другу. Двумя сотрудниками, с которыми Бредону не удалось установить сердечных отношений, были мистер Копли, всегда державшийся особняком, и мистер Уиллис, недолголюбивавший нового копирайтера по самому ему непонятной причине. В остальном Бредон находил отдел забавным и дружелюбным местом.

А еще там любили поболтать. Никогда в жизни не встречал он людей столь разговорчивых и располагающих таким количеством свободного времени для сплетен. Казалось чудом, что какая-то работа здесь все же велась, но она загадочным образом выполнялась. Это напоминало ему его оксфордские годы, когда эссе писались сами собой, по некоему волшебству, в промежутках между посиделками в клубе и занятиями спортом, и где первые ученики хвастались тем, что никогда не тратили на задания более трех часов в день. Так что здешняя атмосфера ему вполне подходила. Он был человеком дружелюбным, обладал ненасытной любознательностью новорожденного слоненка, и ничто не доставляло ему большего удовольствия, чем когда заглянувший к нему поболтать коллега, которому до смерти надоело сочинять рекламный текст, отрывал его от восхваления продукции фирмы «Сопо» («которая превратит ваш понедельник в веселое воскресенье») или пылесосов «Вихрь» («Один порыв «Вихря» – и все чисто»).

– Привет! – сказала однажды утром, зайдя к Бредону, мисс Митъярд. Она пришла проконсультироваться с ним насчет способов подачи мяча в крикете. Владельцы бренда ирисок «Сорванец» заказали серию рекламы с крикетной тематикой, которая хитрыми извилистыми путями должна была вывести на достоинства ирисок. Бредон показал ей несколько приемов подачи с помощью карандаша и бумаги, а также в коридоре – используя круглую жестяную банку из-под табака «На суд знатоков» (при этом он едва не угодил ею мистеру Армстронгу в висок), а также обсудил с нею сравнительные преимущества использования в заголовке выражений «Боже мой!» и «Черт возьми!», но мисс Митъярд не думала уходить. Она села на край стола и принялась набрасывать шаржи, продемонстрировав некоторое умение в этом искусстве, и, шаря в лотке для карандашей в поисках ластика, воскликнула, словно раньше уже упоминала об этом:

– Ба! Вот и он.

– Что?

– Это скарабей крошки Дина. Нужно бы отдать его сестре покойного.

– Ах, это! Да, я его видел, но не знал, кому он принадлежит. Неплохая вещица. Настоящий оникс, хотя явно не из Египта и даже не очень старый.

– Может и так, но Дин его обожал. Считал своим талисманом и всегда носил в кармашке жилета, а когда работал за столом, клал перед собой. Если бы в тот день скарабей был при нем, может, он и не споткнулся бы на лестнице – во всяком случае, сам бы он так считал.

Бредон положил жука на ладонь. Скарабей был величиной с ноготь мужского большого пальца, тяжелый, с неглубокой резьбой, гладкий, если не считать маленького скола на боку.

– Каким человеком был Дин?

– Ну... О покойных, как говорится, либо хорошо, либо ничего, но мне он не очень нравился. Была в нем какая-то червоточинка.

– Какого рода?

– Во-первых, мне не нравились люди, с которыми он общался.

Бредон вопросительно изогнул бровь.

– Нет, – сказала мисс Митьярд, – я не имею в виду то, о чем вы подумали. По крайней мере, я не могу сказать на этот счет ничего достоверного. Но он таскался с компанией де Момери. Хотя, наверное, это было неглупо. Слава богу, его не было с ними в ту злополучную ночь, когда эта девушка, Пантер-Смит, покончила с собой. Пим не смог бы допустить, чтобы один из его сотрудников оказался замешанным в таком скандале. Пим в этом смысле особенно щепетилен.

– Сколько лет, вы сказали, было этому типу?

– Ну, думаю, лет двадцать шесть или семь.

– А как он сюда попал?

– Как обычно. Полагаю, деньги понадобились. Пришлось искать работу. Веселую жизнь с пустыми карманами вести нелегко, а он, в общем-то, ничего из себя не представлял. Его отец служил управляющим в банке или кем-то в этом роде, потом умер, поэтому, полагаю, Виктору пришлось самому зарабатывать себе на жизнь. Он вполне был способен о себе позаботиться.

– Тогда как же он сюда попал?

Мисс Митьярд усмехнулась.

– Кто-то его подцепил, я думаю. Он был по-своему весьма привлекателен. Видимо, *nostalgie de la banlieue*, а также и *de boue*¹⁵. А вы меня дурачите, мистер Дэс Бредон, потому что знаете все это не хуже меня.

– Это комплимент моей прозорливости или сомнение в моей добродетельности?

– Гораздо интересней узнать, как *вы* сюда попали, чем как попал сюда Виктор Дин. Копирайтерам без опыта здесь поначалу платят четыре фунта в неделю – едва ли достаточно, чтобы купить пару ваших туфель.

– Ах, – сказал Бредон, – как обманчива бывает внешность! Однако совершенно очевидно, милая леди, что вы свои покупки совершаете не в настоящем Вест-энде¹⁶. Вы принадлежите к тому кругу общества, который платит за вещь столько, сколько она стоит. Я это уважаю, но не собираюсь вам подражать. К сожалению, есть услуги, за которые можно заплатить только наличными: за проезд на поезде, за бензин. Но мне приятно, что вы одобрили мои туфли. Их поставляет в «Аркаду»¹⁷ Рудж, и, в отличие от «модной обуви «Фарли», их действительно можно увидеть на королевской трибуне в Аскоте и повсюду, где собираются разборчивые мужчины. У них там есть и женский отдел, и если вы сошлетесь на меня...

¹⁵ Ностальгия по пригороду... по грязи (*фр.*).

¹⁶ Вест-энд – западная часть центра Лондона, где сосредоточена театральная и концертная жизнь, музеи, правительственные учреждения, университеты и колледжи, а также элитная недвижимость и фешенебельные магазины.

¹⁷ «Берлингтонская аркада» – эксклюзивный элитный торговый центр в Лондоне с магазинами, предлагающими предметы роскоши.

– Я начинаю понимать, почему в качестве источника заработка вы выбрали рекламу. – Сомнение на угловатом лице мисс Митъярд сменилось легкой насмешкой. – Ну, наверное, мне пора возвращаться к ирискам «Сорванец». Спасибо за «секретную информацию» о правилах крикета.

Когда дверь за ней закрылась, Бредон печально покачал головой. «Какая беспечность, – пробормотал он. – Чуть не выдал себя. Вернусь-ка я лучше к работе, чтобы выглядеть правдоподобней».

Он придвинул к себе досье с переложенными закладками оттисками рекламы «Нутракса» и принялся тщательно его изучать. Однако надолго его в покое не оставили: через несколько минут в кабинет ленивой походкой вошел Инглби с вонючей трубкой в зубах и глубоко засунутыми в карманы брюк руками.

– Слушайте, у вас Брюера¹⁸ нет?

– Я его не знаю. Но, – добавил Бредон, небрежно обведя комнату рукой, – разрешаю вам поискать. Потайные убежища и лестницы – в вашем распоряжении.

Инглби покопался на книжной полке. Тщетно.

– Кто-то его свистнул. Ладно. Вы можете мне сказать, как пишется «Хронохотонтологос»?¹⁹

– О, запросто. А еще «Алдиборонтифоскофорнио», Торквемада... Разгадываете кроссворд?

– Нет, ищу заголовок для табака «На суд знатоков». Ну и жара. А теперь еще нам предстоит целую неделю дышать пылью и глохнуть от грохота.

– Почему?

– Распоряжение судьи. Железная лестница предназначена на снос.

– Кем?

– Правлением.

– Вот черт! Нельзя этого делать.

– Что вы имеете в виду?

– Это же будет признанием ответственности, разве не так?

– Вы что-то слишком разволновались. Я начинаю думать, что у вас в этом деле какой-то личный интерес.

– Господи, конечно же нет. С чего бы? Просто это дело принципа. А кроме того, эта лестница, кажется, весьма полезна для устранения неудобных. Похоже, покойный Виктор Дин не был всеобщим любимцем.

– Не знаю. Я в нем особого вреда не видел, разве что он был тут не совсем своим, не проникся пимовским духом, так сказать. Мисс Митъярд, например, его презирала.

– За что?

– О, она женщина порядочная, но слишком придирчивая. Мой девиз: живи сам и давай жить другим, но блюди свой интерес. Как у вас дела с «Нутраксом»?

– Я к нему еще и не приступал. Пытался найти слоган для чая «Твентименс». Если я правильно понял Хэнкина, у этого чая нет иных достоинств, кроме дешевизны, и делается он из отходов от других чаев. А слоган должен намекать на солидность и респектабельность.

– Почему бы не назвать его «Домашний купаж»? Ничто не вызывает большего доверия и не предполагает большей экономии.

– Хорошая идея. Я ее ему предложу. – Бредон зевнул. – Что-то я переел за ланчем. Мне кажется, никто не должен работать после половины третьего. Это противоестественно.

¹⁸ Словарь фраз и басен Брюера, иногда называемый просто Брюером, – справочник, содержащий определения и объяснения многих известных фраз, аллюзий и фигур, как исторических, так и мифических.

¹⁹ «Chrononhotonthologos» (1734) – сатирическая пьеса английского поэта Генри Кэрри, написанная абсурдистскими стихами.

– В этой работе все противоестественно. О господи! Кто-то что-то несет на подносе! Уходите! У-хо-дите!

– Прошу прощения, – бодро произнесла мисс Партон, входя с шестью тарелочками, наполненными какой-то серой массой, от которой шел пар, – но мистер Хэнкин просит вас попробовать эти образцы овсянки и высказать свое суждение.

– Голубушка, посмотрите на часы!

– Да, я знаю, это ужасно. Образцы помечены буквами «А», «Б» и «В», а это – вопросник, и если вы будете так любезны вернуть мне ложки, я их вымою для мистера Копли.

– Меня стошнит, – простонал Инглби. – Чье это изделие? Пибоди?

– Да, они собираются производить консервированную овсянку «Шотландский волынщик». Не требует ни варки, ни размешивания – нужно лишь подогреть банку. На этикетке будет изображение волынщика.

– Послушайте, – сказал Инглби, – идите-ка вы и опробуйте эту кашу на мистере Макалестере.

– Уже опробовала, но его отзыв оказался нецензурным. Вот вам сахар, соль и молоко.

– Чего не сделаешь ради служения обществу! – Инглби с отвращением понюхал массу и лениво помешал ее ложкой.

Бредон с серьезным видом подержал кашу во рту, а потом окликнул уже уходившую мисс Партон:

– Постойте, запишите, пока у меня свежи впечатления. Образец «А»: изысканный, богатый вкус, приятный аромат зрелого ореха; каша для настоящих мужчин. Образец «Б»: брют, утонченный мягкий вкус, требующий лишь...

Мисс Партон издала довольный смешок, а Инглби, ненавидевший подобное хихиканье, улизнул.

– Скажите мне, о моя райская дева, – обратился Бредон к мисс Партон, – что было не так с моим незабвенным предшественником? Почему мисс Митъярд его ненавидит, а Инглби только делает вид, будто хвалит?

Ответ мисс Партон не заставил себя ждать.

– Потому что он вел нечестную игру. Вечно околачивался в чужих кабинетах, подхватывал чужие идеи и выдавал за свои. И если кто-то подсказывал ему заголовок, который нравился мистеру Армстронгу или мистеру Хэнкину, он никогда не признавался, кто был его настоящим автором.

Ее объяснение, похоже, заинтересовало Бредона. Он проследовал по коридору и сунул голову в кабинет Гарретта. Гарретт невозмутимо сочинял отзыв об овсянке и с ворчанием поднял голову.

– Боюсь, я сорвал вам момент экстаза, – с притворным смущением проблеял Бредон, – но мне нужно кое-что у вас спросить. То есть сказать... это вопрос этикета... Послушайте, Хэнки-Пэнки²⁰ велел мне представить варианты слоганов для шиллингового чая, у меня получалась какая-то белиберда, а потом зашел Инглби, и я спросил его, как бы он назвал этот чай, и Инглби предложил назвать его «Домашний купаж». Это было именно то, что нужно, прямо в яблочко.

– Ну, и в чем дело?

– Видите ли, потом я разговорился с мисс Партон об этом парне, Дине, том, который упал с лестницы, и спросил ее, почему здесь, в конторе, некоторые люди его недолюбливали, а она сказала: это, мол, потому, что он воровал чужие идеи и выдавал их за свои. Так вот я и хотел спросить: тут что, не принято советоваться с коллегами по таким вопросам? Инглби ничего не сказал, но, конечно, если я совершил *faux pas*²¹...

²⁰ Hanky-panky (*англ.*) – проделки, плутни, козни.

²¹ Faux pas (*фр.*) – неверный шаг, промах.

– Ну, что-то вроде этого, – ответил Гарретт. – Существует неписанное правило – по крайней мере, в нашем конце коридора. Вы можете пользоваться любой помощью коллег и ставить под тем, что вам подсказали, свои инициалы, но, если Армстронг или кто-то другой начнет восхищаться и забрасывать вас цветами, вы должны пробормотать, что на самом деле это не ваша идея, однако вам она очень понравилась.

– А, понимаю. Огромное вам спасибо. А если он, наоборот, начинает метать громы и молнии и говорить, что это такая несусветная чушь, какой он не слыхивал с тысяча девятьсот девятнадцатого года, полагаю, расхлебывать нужно молча.

– Естественно. Если уж вы совершили такую глупость и, не подумав, представили ее ему.

– Ну да.

– Беда с Дином состояла в том, что он воровал идеи без ведома авторов, а потом выкладывал их Хэнкину, ни словом не обмолвившись, что они ему не принадлежат. Но на вашем месте я бы не стал прибегать к помощи Копли и Уиллиса. Это не те люди, которым нравится раздавать свои заготовки направо и налево. Они еще со школьных времен воспитаны в том духе, что каждый должен полагаться только на себя.

Бредон еще раз поблагодарил Гарретта.

– И еще я бы на вашем месте, – продолжил Гарретт, – вообще не упоминал Дина при Уиллисе. Он что-то против него имел, что именно – не знаю. Просто я вас предупредил.

Бредон снова бурно поблагодарил его.

– На новом месте так легко попасть впросак, не так ли? Я вам и правда весьма и весьма признателен.

Очевидно, мистер Бредон не отличался особой чуткостью, потому что спустя час, сидя в комнате Уиллиса, поднял вопрос о Викторе Дине. Результатом стало то, что Уиллис, отказавшись вообще говорить о покойном, недвусмысленно потребовал, чтобы мистер Бредон занялся своими делами. Вдобавок ко всему Бредон понял, что Уиллис, несмотря на то что разговор принял довольно грубый оборот, страдает от острого, болезненного чувства неловкости. Он был озадачен, но решил не сдаваться. Уиллис, какое-то время сидевший молча, вертя в руке карандаш, наконец поднял голову.

– Если вы играете в те же игры, что и Дин, – сказал он, – вам лучше убраться отсюда. Мне это неинтересно.

Ему, может, и не было интересно, но Бредону было. Он прямо-таки сгорал от любопытства.

– В какие игры? Я не был знаком с Дином. И никогда не слышал о нем, пока не попал сюда. В чем, собственно, дело?

– Если вы не знали Дина, почему о нем спрашиваете? Он якшался с бандой субъектов, до которых мне нет дела, вот и все, а по вашему виду можно сказать, что и вы из той же блистательной компании.

– Из компании де Момери?

– Бесполезно притворяться, что вы ничего об этом не знаете, – ухмыльнулся Уиллис.

– Инглби сказал мне, что Дин был прихлебателем в некой особой группе «блестящей молодежи», – мягко ответил Бредон, – но я никогда не был знаком ни с кем из них. Они бы сочли меня страшным анахронизмом. Поверьте. Некоторые из них и впрямь весьма порочны. А мистер Пим знал, что Дин принадлежит к «блестящей молодежи»?

– Не думаю, иначе он выставил бы его в два счета. А почему вас так интересует Дин?

– Безо всякой причины. Просто любопытно. Похоже, он тут был в некотором роде чужаком. Не проникся в должной мере пимовским духом, так ведь?

– Да, был. И если хотите мой совет, оставьте Дина и его драгоценных друзей в покое, иначе и вы станете здесь не очень популярны. Лучшее, что Дин сделал в своей жизни, так это свалился с лестницы.

– Жизнь он завершил достойнее, чем прожил?²² В любом случае это немного жестоко. Его тоже наверняка кто-то любил. «Ведь был он чьим-то сыном», как поется в старой песенке. У него были родственники? Сестра как минимум, кажется, была.

– Какое вам, черт возьми, дело до его сестры?

– Никакого. Просто спросил. Ну, я, пожалуй, пойду. Приятно было поболтать с вами.

Уиллис проводил его удаляющуюся фигуру сердитым взглядом, а мистер Бредон отправился дальше, собирать информацию в других местах. Машбюро, как всегда, оказалось хорошо информированным.

– У него только одна сестра, – сообщила мисс Партон. – Она имеет какое-то отношение к производству шелковых чулок. Они с Виктором вместе снимали маленькую квартиру. Я видела ее всего один раз, и она показалась мне девицей шустрой, но глупой. Наш мистер Уиллис, я думаю, был одно время в нее влюблен, но, похоже, из этого ничего не вышло.

– Понимаю, – сказал мистер Бредон, для которого многое прояснилось.

Он вернулся в свой кабинет, к рекламным подшивкам. Но не мог на них сосредоточиться: то мерил шагами комнату, то садился, то снова вставал, то смотрел в окно. Наконец он сел за стол и, выдвинув ящик, достал из него лист бумаги, на котором были проставлены прошлогодние даты, и против каждой стояла буква, примерно так:

Янв. 7 Г

«14 О?

«21 А

«28 П

Фев. 6 Г

Были в ящике и другие бумаги, написанные тем же почерком – предположительно рукой Виктора Дина, – но почему-то мистера Бредона заинтересовал именно этот листок. Он изучил его со вниманием, коего тот, на первый взгляд, едва ли заслуживал, а потом аккуратно сложил и сунул себе в карман.

«Кто кого втянул, сколько раз, он главный или нет, здесь или где? – Бредон мысленно посылал эти вопросы в никуда, а потом вдруг рассмеялся: – Вероятно, это грандиозная схема продажи «Сопо» олухам», – сказал он себе и благоразумно принял за рекламные подшивки.

Прежде чем пригласить нового сотрудника на беседу, мистер Пим, руководящий дух Рекламного агентства Пима, обычно давал ему неделю, чтобы освоиться. Он был убежден, что бесполезно читать человеку лекцию о его работе, пока он сам не составит о ней хоть какое-то представление. Мистер Пим был человеком добросовестным и особо заботился о том, чтобы поддерживать дружелюбные отношения с каждым своим служащим, будь то мужчина, женщина или ребенок, заведующий отделом или мальчик-посыльный, и, не будучи от рождения наделен легкостью и обаянием в отношениях с людьми, выработал для себя жесткую формулу. По истечении недели или около того он посылал за новичком, расспрашивал его или ее об их работе и интересах, а также произносил свою знаменитую проповедь о Служении Рекламе. Если новичок выдерживал это грозное испытание, во время которого некоторые нервные молоденькие машинистки падали в обморок, после чего получали уведомление об увольнении, его вносили в список участников ежемесячного чаепития. Оно проходило в малом конференц-зале. Двадцать человек, отобранных со всех отделов и должностных уровней, собирались под зорким официальным присмотром мистера Пима, чтобы выпить обычного офисного чая, дополненного сэндвичами с ветчиной из буфета и тортом от фирмы «Дэйри-филдс», и развлечь друг друга разговорами. Это мероприятие продолжительностью ровно час было призвано укрепить добрые отношения между отделами, и таким образом весь коллектив,

²² Цитата из «Макбета» У. Шекспира. Перевод Б. Пастернака.

включая сотрудников отдела внешней рекламы, раз в полгода проходил перед пристальным взглядом босса. Помимо этого, для руководителей отделов и групп устраивались неформальные обеды в личной резиденции мистера Пима, на которые приглашались по очереди шесть жертв; обеденная церемония утомительно заканчивалась составлением двух партий для игры в бридж, возглавляемых, соответственно, мистером и миссис Пим. Секретарям групп, младшим копирайтерам и младшим художникам дважды в год рассылались приглашения на «Домашние вечера» с оркестром и танцами до 10 вечера; старшие сотрудники должны были присутствовать на них и выполнять обязанности распорядителей. Для клерков и машинисток организовывались «Садовые вечеринки» с теннисом и бадминтоном; а для мальчиков-посыльных – «Рождественское угощение». В мае для всего коллектива устраивался «Большой ежегодный обед» с танцами, на котором оглашались размеры годовых премий сотрудникам и все выпивали за здоровье мистера Пима с восторженными изъявлениями преданности.

В соответствии с первым пунктом этой тягостной программы мистер Бредон должен был быть допущен к высокой особе в течение десяти дней с момента появления в агентстве.

– Ну, мистер Бредон, – сказал мистер Пим, автоматически включая улыбку и тут же с нервной резкостью выключая ее, – как вы у нас осваиваетесь?

– О, прекрасно, благодарю вас, сэр.

– Трудной ли кажется вам работа?

– Она сложновата, – признал Бредон, – пока не набьешь руку, так сказать. Немного озадачивает поначалу.

– Совершенно верно, совершенно верно, – согласился мистер Пим. – Ладите ли вы с мистером Армстронгом и мистером Хэнкином?

Бредон ответил, что они очень любезны и всегда готовы помочь.

– Они мне очень хорошо о вас отзывались, – сообщил мистер Пим, – и считают, что из вас получится отличный копирайтер. – Он снова улыбнулся, и Бредон ответил ему нагловатой улыбкой.

– Это весьма кстати в наших обстоятельствах, не так ли? – Мистер Пим внезапно вскочил и распахнул дверь в каморку, где сидела его секретарша. – Мисс Хартли, будьте любезны, сходите к мистеру Викерсу и попросите его найти подробный финансовый отчет по фирме «Дарлинг», он мне нужен прямо сейчас. Можете подождать, принесете его сами.

Мисс Хартли, испытав облегчение от того, что не придется слушать речь мистера Пима о Служении Рекламе – которую в силу тонкости деревянной перегородки и зычности голоса мистера Пима она знала едва ли не наизусть, – послушно встала и удалилась. Формулировка полученного задания означала, что она сможет приятно поболтать с мисс Росситер и мисс Партон, пока мистер Викерс будет собирать нужные бумаги. Она и сама не собиралась спешить. Мисс Росситер намекнула ей, что мистер Уиллис, в свою очередь, намекнул ей на какие-то страшные опасения, касающиеся мистера Бредона, и мисс Хартли жаждала узнать, в чем там дело.

– Итак, – сказал мистер Пим, быстро облизнув губы и собравшись с духом перед неприятным разговором. – Что вы имеете мне сообщить?

Мистер Бредон, совершенно непринужденно наклонившись и опершись локтями о стол исполнительного директора, довольно долго говорил приглушенным голосом, при этом щеки мистера Пима бледнели все больше и больше.

Глава 4

Виртуозные акробатические трюки Арлекина

Вторник в отделе текстовой рекламы агентства Пима был днем всеобщей сумятицы. Неприятности создавали господу Тул и Джоллоп, владельцы «Нутракса», «Малтоджина» и «Говяжьих консервов для путешественников». В отличие от большинства клиентов – поголовно надоедливых, хоть и в разной степени, – проявлявших свою надоедливость удаленно, посредством почты и с разумными интервалами, господа Тул и Джоллоп совершали набег на агентство Пима лично, каждый вторник, для еженедельного совещания. По прибытии они изучали рекламу на следующую неделю, отменяя решения, принятые на предыдущем совещании, неожиданно огорошивая мистера Пима и мистера Армстронга новыми замыслами и часами задерживая их в конференц-зале, что нарушало рабочий процесс во всем агентстве, и досаждая всем. Одним из пунктов обсуждения на нынешнем еженедельном сеансе была полноформатная одиннадцатидюймовая реклама для пятничного выпуска «Морнинг стар», занимавшая в этом ведущем средстве массовой информации важную позицию в верхнем правом углу главной полосы, рядом со специальным пятничным репортажем. В дальнейшем, разумеется, эта реклама занимала свое место и в других газетах и журналах, но пятничная «Морнинг стар» была делом особой важности.

Обычная процедура в отношении этой изматывающей рекламы была такова. Примерно каждые три месяца мистер Хэнкин слал SOS в отдел текстовой рекламы о том, что срочно требуется новая реклама для «Нутракса». Общими творческими усилиями отдела немедленно создавалось и представлялось на суд мистера Хэнкина около двадцати вариантов. Под сурово-критическими росчерками его синего карандаша это количество сокращалось до двенадцати, и выжившие тексты направлялись в художественный отдел, где делались макеты с эскизами иллюстраций, каковые отсылались господам Тулу и Джоллопу, раздраженно отвергавшим половину из них и портившим остальные глупыми поправками и добавлениями. После этого отдел текстовой рекламы наказывался распоряжением изготовить еще двадцать вариантов, из которых после аналогичной процедуры кромсания и поправок выжить под ударами критики удавалось другой полудюжине; таким образом получали необходимые двенадцать полудублей для работы в предстоявшие три месяца. Отдел временно переводил дыхание, отобранные двенадцать проектов помечались красной печатью «Одобрено заказчиком» и нумеровались в предлагаемом порядке выхода.

В понедельник мистер Толбой, руководитель группы, ответственной за «Нутракс», расправлял плечи и садился за работу по благополучной проводке очередного пятничного полудубля в «Морнинг стар». Он находил предназначенный для данной недели оттиск и посылал за окончательным макетом в художественный отдел. Если окончательный макет был действительно закончен (что случалось редко), он отсылал его вниз, цинкографам, вместе с текстом и подробной разметкой. Цинкографы, ворча, что им никогда не дают достаточно времени на выполнение работы, изготавливали штриховое клише, которое дальше передавалось в типографию, где делался набор заголовков и текста, добавлялось клише с названием рекламода-теля – обычно не того размера, – печатная форма закреплялась в машине и делался оттиск верстки, который отсылали обратно мистеру Толбою, сварливо указав, что оттиск вышел на дюйм длиннее, чем нужно. Мистер Толбой исправлял опечатки, проклинал наборщиков за неправильный размер клише, доводил до их сведения, что они набрали заголовок не тем шрифтом, кромсал верстку на части, склеивал ее заново, обеспечивая нужный размер, и возвращал обратно. Обычно этот момент приходился на одиннадцать утра вторника, и мистер Тул или мистер Джоллоп, а иногда и они оба, закрывались в конференц-зале с мистером Пимом и мистером Армстронгом, раздраженно требуя принести наконец их макет. Как только исправ-

ленная верстка доставлялась из типографии, мистер Толбой отправлял ее с посыльным в конференц-зал и, если удавалось, сбегал на второй завтрак. Тем временем мистер Тул или мистер Джоллоп указывали мистеру Пиму и мистеру Армстронгу на огромное количество недочетов как в тексте, так и в рисунках. Мистер Пим и мистер Армстронг, подобострастно соглашаясь со всем, что говорил клиент, признавались, что они в растерянности, и спрашивали, какие предложения есть у мистера Тула (или мистера Джоллопа). Последний, будучи, как большинство заказчиков, мастером скорее деструктивной, чем конструктивной критики, начинал ломать голову, пока не доводил себя до ступора и не впадал в прострацию, в каком состоянии убеждения мистера Пима и мистера Армстронга могли оказать на него гипнотическое воздействие. После получаса искусных заискиваний с их стороны мистер Джоллоп (или мистер Тул) с чувством облегчения, восстановив утраченные силы, возвращался к ранее отвергнутому исходному макету, обнаружив, что на самом деле это почти то, что ему было нужно. Требовалось лишь изменить одну фразу и вмонтировать в макет узкий фотоснимок подарочного купона. После этого мистер Армстронг снова отсылал макет наверх мистеру Толбою, с просьбой внести необходимые изменения. Мистер Толбой, с восторгом осознав, что для этого нужно всего лишь сделать совершенно новую верстку и полностью переписать текст, находил копирайтера, чьи инициалы стояли на машинописном оригинале, и отдавал распоряжение выкинуть три строки и внести сделанные заказчиком «улучшения», пока он сам будет делать новый макет.

Когда все было готово, текст возвращался в типографию для нового набора, потом отправлялся цинкографам, и они изготавливали новый оттиск всей рекламы, каковой и отсылался обратно. Если, при редком везении, оказывалось, что в клише нет дефектов, к работе приступали стереотипёры, которые изготавливали достаточное количество стереотипов рекламы «Нутракса» для рассылки в другие газеты, с приложением бумажной распечатки. К середине дня стереотипы бывали разосланы диспетчерским отделом в лондонские газеты с курьером, а в провинциальные – по почте и поездами, и если на этапах этого процесса не случилось ничего непредвиденного, реклама должным образом появлялась в пятничном выпуске «Морнинг стар» и в других изданиях в соответствующие сроки. Открывая номер «Морнинг стар» в вагоне где-нибудь между Гайд-парком и Ливерпуль-стрит и видя бросающуюся в глаза рекламу «Нутракс» питает ваши нервы», читатель даже представить себе не мог, какой долгий и трудный процесс она прошла на своем пути в газету.

В данный конкретный вторник всеобщее раздражение было острее обычного. Начать с того, что погода стояла особенно жаркая и влажная, чувствовалось приближение грозы, и верхний этаж агентства Пима, под широкой оцинкованной крышей с огромными стеклянными световыми люками, напоминал хорошо разогретую духовку. Во-вторых, ожидался визит двух директоров «Бразерхудс лимитед», чрезвычайно старомодной и религиозно ориентированной фирмы, выпускавшей карамель и безалкогольные напитки. Было распространено предупреждение: сотрудницы женского пола должны воздержаться от курения, а все распечатки рекламы пива и виски следует убрать с глаз долой. Первый запрет очень огорчил мисс Митьярд и машинисток отдела текстовой рекламы, чье курение если и не поощрялось открыто, то никак не возбранялось. Мистер Хэнкин мягко дал понять мисс Партон, что ее одежда демонстрирует намного больше обнаженного тела, чем одежда директоров «Бразерхудс лимитед», и ее это тоже расстроило: она демонстративно закрыла «нескромную плоть» тяжелым свитером и теперь жарилась в нем, рыча и огрызаясь на каждого, кто к ней приближался. Мистер Джоллоп, который считался немного более придиричивым, чем мистер Тул, прибыл на еженедельное совещание раньше обычного и отличился тем, что зарубил не менее трех вариантов рекламы, ранее одобренных мистером Тулом. Это означало, что мистер Хэнкин был обязан послать сигнал SOS почти на месяц раньше обычного. У мистера Армстронга болел зуб, и он исключительно резко обошелся с мисс Росситер, а у самой мисс Росситер что-то случилось с пишущей машинкой: та стала делать интервалы совершенно произвольно.

Мистер Инглби потел над своими рекламными досье, когда к нему с листом бумаги в руке вошел мистер Толбой, всем своим видом демонстрировавший недовольство.

– Это ваш текст?

Мистер Инглби лениво протянул руку, взял бумагу, взглянул на нее и вернул мистеру Толбою.

– Сколько раз можно повторять, – дружелюбно произнес он, – что инициалы стоят под текстом для того, чтобы знать, кто его автор. Если вы думаете, что мои инициалы Д.Б., то вы либо слепы, либо чокнулись.

– Тогда кто такой Д.Б.?

– Новый коллега, Бредон.

– И где он?

Мистер Инглби указал большим пальцем в сторону соседнего кабинета.

– Там пусто, – сообщил мистер Толбой, возвращаясь после короткой экскурсии.

– Ну так поищите его, – предложил Инглби.

– Ладно, но взгляните сюда, – не отступал мистер Толбой. – Хотелось бы знать ваше мнение: что должны делать художники вот с этим? Неужели Хэнки пропустил такой заголовок?

– По-видимому, – сказал Инглби.

– Ну, и как он или Бредон, или как его там, предлагают нам его иллюстрировать? Заказчик это видел? Они никогда такого не допустят. Какой смысл делать макет? Не понимаю, как Хэнкин мог это пропустить.

Инглби снова протянул руку.

– А что? Кратко, красочно и по-братски, – заметил он. – Что вам не так?

Заголовок гласил:

_____!
ЕСЛИ ЖИЗНЬ ПУСТА,
ПРИМИ «НУТРАКС»

– В любом случае, – проворчал Толбой, – «Морнинг стар» это не примет. Они никогда не печатают ничего, в чем содержится хотя бы отдаленный намек на сквернословие.

– Это ваше мнение, – сказал Инглби. – Почему бы не спросить их самих?

Толбой пробормотал что-то нелестное.

– В любом случае, раз Хэнкин это пропустил, полагаю, нужно делать макет, – сказал Инглби. – Не сомневаюсь, что художники... О, привет! Вот тот, кто вам нужен. Озадачьте лучше его. Бредон!

– Я тут, – отозвался мистер Бредон. – В полном составе и на месте.

– Где вы прятались от Толбоя? Он вас обыскался.

– Я был на крыше, – признался Бредон извиняющимся тоном. – Там прохладней, чем здесь. А в чем дело? Что я сделал не так?

– Дело в этом вашем заголовке, мистер Бредон. Как, по-вашему, его можно проиллюстрировать?

– Не знаю. Предоставляю это художникам. Я всегда стараюсь оставить простор для чужого воображения.

– Как, черт возьми, можно проиллюстрировать пустоту?!

– Пусть купят билет лотереи «Айриш свип», это их кое-чему научит, – вставил Инглби.

– Думаю, изображение пустоты могло бы напоминать изображение множества, – предположил Бредон. – «Вы когда-нибудь видели, как рисуют множество?»²³ Это Льюис Кэрролл, помните?

²³ Перефразированная цитата из «Алисы в Стране чудес»: «Ты когда-нибудь видела, как рисуют множество?»

– Не валяйте дурака, – прорычал Толбой. – С этим надо что-то делать. Мистер Бредон, вы действительно считаете, что это хороший заголовок?

– Лучший из всего написанного мною до сих пор, – горячо подтвердил Бредон, – если не считать того, который не пропустил Хэнки. Разве нельзя, например, изобразить человека пустым? Или, по крайней мере, с пустым лицом, как в той рекламе: «Не ваши ли это отсутствующие черты?»

– Ну, наверное, можно, – нехотя признал Толбой. – Ладно, делать нечего, пошлю так. Спасибо, – добавил он запоздало, уже выскакивая из комнаты.

– Сердится, – заметил Инглби. – Все из-за этой ужасной жары. Что вас заставило подняться на крышу? Там же, должно быть, как на гридироне?²⁴

– Это точно, но мне захотелось попробовать. Вообще-то я бросал монетки через парапет на ту медную ленту внизу, знаете? Дважды попал, звук – как из бомбарды²⁵. Монетка падает на нее с жутким грохотом, и внизу все задирают головы, чтобы посмотреть, откуда он доносится, а тебя из-за парапета не видно. Это очень высокий парапет. Наверное, строители хотели, чтобы здание выглядело выше, чем оно есть на самом деле, хотя оно и так самое высокое на улице. Оттуда открывается превосходный вид. «Нет ничего прекрасней в мирозданье!»²⁶ Вот вот пойдет дождь. Посмотрите, как потемнело за окном.

– Надо сказать, что вы изрядно там изгваздались, – заметил Инглби. – Посмотрите на свои брюки сзади.

– Чего же вы хотите? Я сидел на световом люке, а там все в саже, – пожаловался Бредон, изгибая позвоночник, чтобы увидеть себя со спины.

– А выглядите так, словно поработали трубочистом.

– Нет, по дымоходам я не лазал. Только по одной водосточной трубе – очень симпатичной. Она привлекла мое внимание.

– Видать, вы немного не в себе, – сказал Инглби, – если выделяете акробатические трюки на грязных водосточных трубах в такую жару. Что вас к этому подвигло?

– Я кое-что уронил, – пожаловался Бредон. – Оно скатилось на стеклянную крышу умывальни. Я чуть не пробил ее ногой. Вот бы удивился старик Смейл, если бы я рухнул прямо ему на голову. Только потом я увидел, что не было необходимости съезжать по трубе, можно было спуститься по лестнице: двери, ведущие на крышу, были открыты на обоих этажах.

– В жаркую погоду их всегда держат открытыми, – подтвердил Инглби.

– Если бы я знал! Сейчас я бы не отказался что-нибудь выпить.

– Ну и что же вам мешает? Выпейте стаканчик игристого помпанского.

– Это что?

– Один из безалкогольных освежающих напитков «Бразерхудс», – ухмыльнулся Инглби. – Изготавливается из отборных девонских яблок, имеет бодрящий вкус, искрится, как шампанское. Обладает противоревматическим действием, не токсичен. Врачи рекомендуют. Бредона передернуло.

– Мне порой кажется, что наша работа чудовищно аморальна. Нет, в самом деле. Подумайте только, как мы портим пищеварение публики.

– О да, но, с другой стороны, подумайте, как честно мы стараемся наладить его снова. Одной рукой подрываем, другой возрождаем. Витамины, которые мы разрушаем посредством консервов, мы же восстанавливаем с помощью «Ревитро», грубые ингредиенты, которые исключаем из овсянки «Шотландский волынщик» Пибоди, спрессовываем в брикеты и продаем под маркой «Сухой завтрак из отрубей Банбери»; желудки, которые портим помпан-

²⁴ Гридирон – решетка для пытки огнем.

²⁵ Бомбарда – большой басовый духовой музыкальный инструмент.

²⁶ Уильям Вордсворт. Сонет, сочиненный на Уэстминстерском мосту 3 сентября 1802 года. Пер. А. Лукьянова.

ским, излечиваем «Пеплетками для пищеварения». А чтобы заставить тупую публику платить дважды – один раз за то, чтобы есть бесполезную пищу, второй – чтобы вернуть себе жизненные силы, – мы поддерживаем вращение маховика торговли и обеспечиваем работой тысячи людей, в том числе и нас с вами.

– О, дивный мир! – притворно восторженно воскликнул Бредон. – Как вы думаете, Инглби, сколько пор в человеческой коже?

– Будь я проклят, если знаю. А вам зачем?

– Для заголовка рекламы «Санфект». Можно навскидку сказать, что их девяносто миллионов? Хорошее круглое число. «Девяносто миллионов дверей, открытых для микробов. Заприте эти двери «Санфектом». Убедительно, как вы считаете? Или вот еще: «Вы бы оставили своего ребенка в львином логове?» Это должно найти отклик у матерей.

– Недурственная зарисовка. А вот и гроза!

Вспыхнула молния, и прямо над их головами грянул оглушительный раскат грома.

– Я ждал этого, – сказал Бредон. – Именно поэтому и совершил восхождение на крышу.

– Что вы имеете в виду?

– Я ее там высматривал, – объяснил Бредон. – И вот она здесь. Эх, хороша! Обожаю грозы. Кстати, что Уиллис имеет против меня?

Инглби замялся, нахмурившись.

– Кажется, он считает меня недостаточно сообразительным, чтобы это заметить, – добавил Бредон.

– Ну... Я же предупреждал, чтобы вы не говорили с ним о Викторе Дине. Похоже, он вбил себе в голову, что вы были его другом или что-то в этом роде.

– Но *что же* было не так с Виктором Дином?

– Он водился с дурной компанией. А почему вас так интересует Виктор Дин?

– Наверное, я просто любопытен от природы. Мне всегда хочется все знать о людях. Например, об этих мальчишках-посыльных. Они ведь занимаются зарядкой на крыше, правда? А их туда пускают только в это время?

– Да уж. Не дай им бог быть застигнутыми там сержантом в рабочие часы. А что?

– Просто интересно. Они озорники, полагаю; мальчишки все такие. Мне они нравятся. Как зовут того, рыжеволосого? Он кажется смышленным парнишкой.

– Это Джо, они его, разумеется, окрестили Рыжим. А что он натворил?

– О, ничего. Похоже, здесь много кошек.

– Кошек? Никогда их не видел. Разве что в буфете обретается одна, но сюда, наверх, она не ходит. А зачем вам кошка?

– Мне – незачем. А кстати, там, наверху, должно быть, полно воробьев.

Инглби уже начинал думать, что от жары у Бредона поехала крыша. Его ответ потонул в очередном раскате грома. В последовавшей за ним тишине снаружи слабо донеслись уличные шумы, а потом по оконным стеклам забарабанили дождевые капли. Инглби встал и закрыл окно.

Дождевые струи длинными спицами пронзали воздух и грохотали по крыше. В освинцованных желобах вода плясала и бурлила, сливаясь в маленькие ручейки и образуя воронки. Мистер Праут, поспешно выйдя из своего кабинета, получил за шиворот ушат воды с крыши и закричал посыльному, чтобы тот сбежал закрыть люки. Духота и подавленность улетучились из офиса, как выпущенный на ветер гагачий пух. Стоя у окна своей комнаты, Бредон наблюдал, как внизу на улице пешеходы спешили, прикрываясь зонтами от ливня, или, застигнутые врасплох, прятались в дверях магазинов. В конференц-зале мистер Джоллоп вдруг улыбнулся и без придинок разом одобрил шесть макетов газетной рекламы и трехцветный

рекламный проспект, а также разрешил на текущей неделе не вставлять в полудубль рекламы часов с боем купон на пятьдесят шесть бесплатных экземпляров.

Лифтер Гарри пропустил внутрь промокшую насквозь молодую женщину, выразил ей сочувствие и предложил полотенце, чтобы вытереться. Посетительница улыбнулась, заверила его, что с ней все в порядке, и спросила, может ли она увидеть мистера Бредона. Гарри поручил ее заботам Томпкина, дежурного по приему посетителей, который любезно спросил, как о ней доложить.

– Мисс Дин. Мисс Памела Дин. По личному делу.

Томпкин преисполнился сочувственного интереса.

– О, вы сестра мистера Дина, мисс?

– Да.

– О, мисс, какая ужасная трагедия. Мы все так сокрушаемся по поводу того, что произошло с мистером Дином. Если соблаговолите присесть, мисс, я сообщу мистеру Бредону, что вы его ожидаете.

Памела Дин села и огляделась. Вестибюль помещался на нижнем этаже агентства, в нем не было ничего, кроме полукруглой стойки администратора, двух жестких кресел, жесткого диванчика и настенных часов. Он располагался строго под тем местом, которое на первом этаже занимала курьерская служба; прямо за входной дверью находились лифт и главная лестница, которая вилась вокруг шахты лифта до самого выхода на крышу, хотя лифт ходил только до верхнего этажа. Часы показывали двенадцать сорок пять, и сверху через вестибюль уже устремился поток служащих, спешивших на ланч. Мистер Бредон попросил передать, что спустится через минуту, и мисс Дин коротала время, разглядывая проходивших мимо нее незнакомых сотрудников. Бойкий подтянутый молодой человек с безукоризненной шевелюрой волнистых каштановых волос, тонкими аккуратными усиками и ослепительно белыми зубами (мистер Смейл, руководитель группы, ответственной за рекламу «Дэйрифилдс»); крупный лысый мужчина с красноватым гладковыбритым лицом и масонской эмблемой на лацкане (мистер Харрис из отдела внешней рекламы); мужчина лет тридцати пяти, привлекательный, но хмурый, с бегающим взглядом светлых глаз (мистер Толбой, погруженный в раздумья о безобразиях, чинимых господами Тулом и Джоллопом); худой чопорный пожилой человек (мистер Дэниелс); пухлый маленький человечек со светлыми волосами и добродушной улыбкой болтал на ходу с рыжеволосым курносый мужчиной с квадратной челюстью (мистер Коул, руководитель группы, ответственной за мыльную славу «Хэррогейт бразерс», и мистер Праут, фотограф); красивый мужчина лет сорока с небольшим, с проседью, чем-то озабоченный, сопровождал явно преуспевающую «лысину в пальто» (мистер Армстронг вел мистера Джоллопа в ресторан, чтобы умиловить дорогим обедом); мрачная взъерошенная личность с руками, глубоко засунутыми в брючные карманы (мистер Инглби); тощая, хищного вида сутулая фигура со злым взглядом (мистер Копли, размышлявший о том, найдет ли обед общий язык с его желудком) и, наконец, стройный светловолосый, чем-то взволнованный молодой человек, который, увидев ее, остановился как вкопанный, покраснел, потом двинулся дальше. Это был мистер Уиллис. Мисс Дин коротко взглянула на него и холодно кивнула, получив в ответ такой же холодный кивок. Томпкин, администратор, от которого ничто не ускользало, заметив и замешательство, и румянец, и холодные кивки, мысленно внес еще одну заметку в свой фонд полезных сведений. Затем появился статный мужчина лет сорока, с длинным носом, волосами цвета соломы, в очках с роговой оправой и в хорошо скроенных, но явно пострадавших от неаккуратности хозяина серых брюках; он подошел к Памеле и не столько спросил, сколько констатировал:

– Мисс Дин.

– Мистер Бредон?

– Да.

– Вам не следовало сюда приходить, – сказал мистер Бредон, укоризненно качая головой, – это немного неблагоразумно, знаете ли. Тем не менее... Привет, Уиллис, вы меня ищете?

День для Уиллиса явно не задался. Справившись с нервным возбуждением, он вернулся было назад с очевидным намерением поговорить с Памелой, но увидел, что она беседует с Бредоном, и ответил: «Нет-нет, вовсе нет» – с такой нарочитой искренностью, что Томпкинс мысленно сделал еще одну восторженную пометку и был вынужден тут же нырнуть под свою стойку, чтобы скрыть светящееся удовольствием лицо. Бредон приветливо улыбнулся, и Уиллис, слегка замешкавшись, выскользнул за дверь.

– Простите, – сказала мисс Дин. – Я не знала...

– Ничего страшного, – успокоил ее Бредон и уже громче добавил: – Вы пришли за вещами своего брата, не так ли? Я их принес; я ведь работаю в его кабинете, как вы, вероятно, знаете. Э-э, как насчет... э-э... того, чтобы оказать мне честь пообедать со мной?

Мисс Дин согласилась; Бредон взял шляпу, и они направились к выходу.

«Хо-хо! – сказал себе Томпкинс. – Интересно, как это понимать? А она шустрая девица. Одного щелкнула по носу и тут же подцепила другого. Удивляться нечему. И не знаю, следует ли ее за это укорять».

Мистер Бредон и мисс Дин неторопливо, в полном молчании прошли мимо лифтера Гарри, не дав пищи его любопытным ушам, но как только оказались на Саутгемптон-роу, девушка повернулась к своему спутнику.

– Я очень удивилась, получив ваше письмо...

Мистер Уиллис, как раз выходящий из табачной лавки, услышал ее слова и нахмурился. Потом, поглубже нахлобучив шляпу и доверху застегнув макинтош, последовал за ними. Под ослабевшим дождем они дошли до ближайшей стоянки и взяли такси. Подождав, пока они отъедут, мистер Уиллис сел в следующую машину.

– Вон за тем такси, – скомандовал он, прямо как персонаж детективного романа.

Водитель, совершенно невозмутимо, словно и он сошел со страниц книг Эдгара Уоллеса, ответил:

– Слушаюсь, сэр, – и выжал сцепление.

Преследование прошло без катаклизмов и завершилось самым спокойным образом на Стрэнде, у «Симпсонс». Расплатившись с таксистом, мистер Уиллис в кильватере пары поднялся в верхний зал ресторана, где дамы великодушно позволяли развлекать себя. Его «добыча» расположилась за столиком у окна; мистер Уиллис, игнорируя попытки официанта усадить его в тихом уголке, протиснулся к соседнему с ними столу; мужчина и женщина, уже сидевшие за ним и явно рассчитывавшие пообедать наедине, недовольно подвинулись. Но даже здесь он не был доволен своим местоположением, поскольку хоть и видел Бредона и девушку, но только со спины, и о чем они говорили, почти не слышал.

– За соседним столом полно места, сэр, – сказал официант.

– Мне и здесь хорошо, – раздраженно огрызнулся Уиллис.

Его сосед недоуменно уставился на официанта, тот ответил ему взглядом, говорившим: «Чокнутый, что поделаешь» – и протянул Уиллису меню. Тот рассеянно заказал седло барашка с картошкой и желе из красной смородины и вперил взгляд в спину Бредона.

– ...очень хороша сегодня, сэр, – донесся до него обрывок фразы официанта.

– Что?

– Цветная капуста, сэр, очень хороша сегодня, – невозмутимо повторил официант.

– Как хотите.

Соломенная мужская шевелюра и элегантный желтый дамский берет придвинулись близко друг к другу. Бредон достал из кармана какой-то маленький предмет и показывал его девушке. Кольцо? Уиллис напряг зрение...

– Что будете пить, сэр?

- Лагер, – наобум выпалил Уиллис.
- «Пилснер», сэр, или «Барклай»?
- «Пилснер».
- Светлое или темное, сэр?
- Светлое... темное... нет, я имел в виду светлое.
- Большую светлого «Пилснера», сэр?
- Да. Да!
- В кружке, сэр?
- Да. Нет. Черт! Несите, в чем угодно, только чтобы отверстие сверху было.

Казалось, вопросам о пиве не будет конца. Между тем девушка взяла предмет и что-то с ним делала. Но что? Господи, что?!

- Картофель жареный или молодой отварной, сэр?
- Молодой.

Официант, слава богу, наконец ушел. Бредон взял Памелу за руку... Нет, он перевернул предмет, лежавший у нее на ладони. Женщина, сидевшая напротив Уиллиса, потянулась за сахарницей – нарочно, как он счел, чтобы закрыть ему обзор. Потом снова отодвинулась. Бредон продолжал рассматривать предмет.

Рядом с Уиллисом появился большой сервировочный столик с блюдами, накрытыми серебряными крышками. Официант поднял первую крышку – аромат жареного барашка ударил в нос.

- Прожарить еще, сэр? Или вы предпочитаете с кровью?

Господи милостивый! В этом месте могут уморить бесконечным предложением услуг! Как отвратительна была ему эта баранина! Как омерзительны эти круглые желтые картофелины, которые официант продолжал накладывать ему в тарелку! Как противно выглядели комки цветной капусты! С тошнотворным отвращением ткнув вилкой в нежнейшую во всем Лондоне баранину, Уиллис почувствовал ледяную тяжесть в желудке, а его ноги свело судорогой.

Ненавистный обед тянулся и тянулся. Возмущенная пара за его столом, покончив с крыжовенным пирогом, демонстративно удалилась, не дожидаясь кофе. Теперь обзор стал лучше. Объекты его наблюдения смеялись и оживленно болтали. Во внезапно наступившей тишине до Уиллиса отчетливо донеслось несколько слов, произнесенных Памелой:

– ...это будет занятный костюм, он вам подойдет. – Потом она снова понизила голос. – Не желаете ли еще баранины, сэр?

Как ни старался, больше Уиллис ничего разобрать не смог. Покончив с едой, он упорно продолжал сидеть в «Симпсонс», пока Бредон, взглянув на часы, не решил напомнить себе и своей спутнице, что копирайтеры должны иногда работать. Уиллис, заранее оплативший счет, был готов следовать за ними. Оставалось только спрятаться за газетой, которую он принес с собой, дожидаться, когда они пройдут мимо него, и... И что? Идти следом? Снова гнаться за ними в такси, терзаясь догадками: насколько близко они там сидят, что говорят друг другу, какие строят планы, какие еще развлечения ожидали Памелу теперь, когда помеха в лице Виктора Дина устранена, и что еще он сам захочет или сможет сделать для того, чтобы ее жизнь в этом мире стала более безопасной?

Ему не пришлось принимать решение. Когда эти двое проходили мимо него, Бредон вдруг, заглянув за его дневной выпуск «Ивнинг бэннер», весело сказал:

– Привет, Уиллис! Как вам понравился обед? Превосходный барашек. Но вы непременно должны попробовать здешний горошек. Подбросить вас на нашу молотилку?

– Нет, благодарю, – проворчал Уиллис, но тут же сообразил, что, согласившись, мог бы сорвать им пылкий тет-а-тет в такси. Однако и ехать в одной машине с Памелой Дин и Бредоном он был не в силах.

– Мисс Дин, к сожалению, вынуждена нас покинуть, – продолжал Бредон. – Вы могли бы утешить меня, подержав за руку.

Памела была уже на полпути к выходу. Уиллис не мог решить: то ли она знала, с кем разговаривает ее спутник, и хотела избежать встречи, то ли подумала, что Бредон остановился поговорить с приятелем, ей незнакомым. Внезапно он все же принял решение.

– Впрочем, – сказал он, – время поджидает. Если вас ждет такси, я поеду с вами.

– Вот это дело, – одобрил Бредон.

Уиллис встал, и они вместе направились туда, где ждала Памела.

– Полагаю, вы знакомы с нашим мистером Уиллисом?

– О да! – Памела изобразила натянутую холодную улыбку. – Когда-то они с Виктором были большими друзьями.

Дверь. Лестница. Выход – и вот они наконец на улице.

– Ну, мне пора, – сказала Памела. – Большое спасибо за обед, мистер Бредон. Так вы не забудете?

– Конечно, нет. Разве на меня это похоже?

– Всего доброго, мистер Уиллис.

– Всего доброго.

Она удалилась бодрой походкой, стуча высокими каблуками своих маленьких туфелек. Ревущий Стрэнд проглотил ее. А к ним подкатило такси.

Бредон назвал адрес и жестом предложил Уиллису садиться первым.

– Прелестное дитя эта сестренка Дина, – заметил он весело.

– Послушайте, Бредон, я толком не знаю, в какую игру вы играете, но берегитесь. Я говорю Дину и скажу вам: если вы втянете мисс Дин в свои грязные делишки...

– В какие грязные делишки?

– Вы прекрасно знаете, что я имею в виду.

– Возможно. Ну, и что тогда? Мне сломают шею, как Виктору Дину? – Бредон развернулся к Уиллису и пристально посмотрел ему в глаза.

– Вы получите... – Уиллис осекся. – Неважно, – мрачно произнес он. – Вы получите по заслугам. Я об этом позабочусь.

– Не сомневаюсь, что вы исполните это со всем знанием дела, – ответил Бредон. – Но не откажите в любезности сообщить мне, при чем тут вы? Из того, что я вижу, мисс Дин, похоже, не слишком нравится ваше заступничество.

Уиллис побагровел.

– Разумеется, это не мое дело, – беззаботно продолжал Бредон, пока водитель такси нетерпеливо пытался, негодуя на пробку возле станции метро «Холборн», – но, с другой стороны, непохоже, чтобы и вас это особо касалось, не так ли?

– Разумеется, меня это касается, – огрызнулся Уиллис. – Это касается любого порядочного мужчины. Я слышал, вы с мисс Дин назначили встречу, – сердито добавил он.

– Из вас вышел бы прекрасный сыщик, – восхищенно воскликнул Бредон. – Но вам нужно быть внимательней, когда вы за кем-то следите, чтобы ваш объект не оказался сидящим напротив зеркала или чего-нибудь другого, что может служить зеркалом. Перед столом, за которым сидели мы, висит застекленная картина, в которой отражается ползала. Элементарно, мой дорогой Ватсон. Со временем вы научитесь обращать внимание на такие вещи. Впрочем, насчет нашей встречи – никакого секрета. В пятницу мы отправляемся на маскарад. В восемь часов я веду мисс Дин на ужин в «Булестен», оттуда мы отправимся дальше. Может, хотите к нам присоединиться?

Регулировщик опустил жезл, и такси рвануло вперед по Саутгемптон-роу.

– Поостерегитесь, – проворчал Уиллис, – я могу поймать вас на слове.

– Лично я буду очень рад, – ответил Бредон. – А уж будет ли мисс Дин испытывать неловкость от вашего присутствия, решать вам. Но вот мы и прибыли в наш маленький второй дом. Пора закончить болтовню и посвятить себя снова «Сопо», помпанскому и овсянке «Шотландский волынщик» Пибоди. Восхитительное занятие, хотя и бедноватое событиями. Но не будем жаловаться. Нельзя ожидать сражений, убийств и внезапных смертей чаще, чем раз в неделю. Кстати, где вы были, когда Виктор Дин упал с лестницы?

– В уборной, – коротко ответил Уиллис.

– В самом деле? – Бредон посмотрел на него внимательней. – В уборной? Вы все больше меня интригуете.

* * *

Ко времени чаепития атмосфера в отделе текстовой рекламы немного разрядилась. Господа из «Бразерхуд» побывали там и уже ушли, не обнаружив ничего, что могло оскорбить их чувство приличия; мистер Джоллоп, подобревший после ланча, завизировал макеты трех больших постеров с почти безрассудной готовностью и теперь сидел у мистера Пима, которому практически удалось уговорить его увеличить ассигнования на осеннюю кампанию. Страдалец мистер Армстронг, избавившись от общества мистера Джоллопа, отправился к дантисту. Мистер Толбой, явившись к мисс Росситер, чтобы купить марку для своей частной корреспонденции, с удовольствием объявил, что полудубль «Нутракса» уже в типографии.

– Это про «Китл-Кэтл»? – поинтересовался Инглби. – Вы меня удивили. Я думал, с ним будут проблемы.

– Они и были, – ответил Толбой. – Это что, шотландский язык? А как люди поймут, что это значит? Не покажется ли кому-нибудь, что мы называем женщин коровами? Не слишком ли модернистский этот рисунок? Но Армстронг каким-то образом все уладил. Можно мне положить это в корзину «Исходящие», мисс Росситер?

– *Бесс-порно*, – с изысканным юмором ответила дама, подставляя ему корзинку. – Ко всем любовным посланиям мы проявляем повышенное внимание и мгновенно направляем их в пункт назначения кратчайшим и надежнейшим путем.

– Дайте-ка посмотреть, – сказал Гарретт. – Держу пари, это адресовано даме, а ведь он – женатый человек! Нет-нет, не трогайте, Толбой. Ах вы, старый чертяка! Стойте смирно. Мисс Росситер, скажите нам, кому адресовано письмо.

– К. Смиту, эсквайру, – сказала мисс Росситер. – Вы проиграли пари.

– Какая неудача! Но скорее всего это камуфляж. Подозреваю, что Толбой где-то держит гарем. Этим голубоглазым красавцам доверять нельзя.

– Заткнитесь, Гарретт, – сказал Толбой, вырываясь из его цепкой хватки и шуточно изображая хук справа. – Никогда не встречал такого сборища любопытных проныр, как в этом отделе. У вас нет ничего святого, вы даже в личную корреспонденцию носы суετε.

– Что может быть свято для рекламщика? – ухмыльнулся Инглби, кладя себе в чашку четыре куска сахара. – Мы всё свое время проводим, задавая интимные вопросы совершенно незнакомым людям, и это, разумеется, притупляет наши чувства. «Мама! Ваш ребенок освоил естественные физиологические навыки?», «Беспокоит ли вас тяжесть в желудке после еды?», «Вас устраивают ваши канализационные трубы?», «Вы уверены, что в вашей туалетной бумаге нет микробов?», «Самые близкие друзья не смеют задать вам этот вопрос», «Страдаете ли вы чрезмерной волосатостью?», «Готовы ли вы продемонстрировать другим свои руки?», «Вы когда-нибудь задавались вопросом о запахе своего тела?», «Если с вами что-нибудь случится, хотите ли вы, чтобы положение ваших близких было надежным?», «Зачем проводить так много времени на кухне?», «Вы считаете, что ваш ковер чист, но так ли это?», «Страдаете от пер-

хоти?». Положа руку на сердце, я иногда спрашиваю себя: почему многострадальная публика еще не восстала и не расправилась с нами?

– Она не подозревает о нашем существовании, – ответил Гарретт. – Люди думают, что реклама пишется сама собой. Когда я говорю кому-нибудь, что работаю в рекламном агентстве, они полагают, что я рисую постеры, мысль о текстах им и в голову не приходит.

– Они считают, что производитель пишет их сам, – подхватил Инглби.

– Им бы следовало почитать то, что сочиняет производитель, когда ему удается поупражняться в этом искусстве.

– Да, было бы неплохо, – усмехнулся Инглби. – Например, помните тот идиотизм, который на днях выдали в «Дарлинге»: надувная подушка для путешественников с сидящей на ней куклой, у которой в руках табличка «Занято»?

– Зачем? – спросил Бредон.

– А затем, чтобы класть ее в железнодорожном вагоне на соседнее сиденье – оно, мол, занято.

– Но для этого хватило бы и просто подушки, без куклы.

– Конечно, хватило бы, но вы же знаете, как глупы люди. Они любят всякие излишества. В любом случае они – я имею в виду «Дарлинг» – придумали собственную рекламу, нелепость, которая тешила их мелкие душонки, и были чрезвычайно собой довольны. Хотели, чтобы мы ее оформили, пока Армстронг не взорвался своим ядреным смехом, который заставил их покраснеть.

– И что там было?

– Там была изображена симпатичная девушка, которая, стоя к зрителю спиной и наклонившись, устраивала подушку в уголке купе. Заголовок? «Не позволяйте никому зажимать ваше *посадочное место*».

– Bravo! – воскликнул Бредон.

В тот день новый копирайтер был на удивление трудолюбив. Он все еще сидел у себя в кабинете, корпя над рекламой «Санфекта» («Там, где грязь, – там опасность!», «Скелет в туалете», «Убийцы шныряют в вашей посудомойке!», «Смертельной артиллерийского огня – микробы!»), когда миссис Крамп вывела свою женскую армию, вооруженную, увы, не «Санфектом», а обычным желтым мылом и водой, на борьбу со скопившимся за день мусором.

– Входите, входите! – добродушно крикнул мистер Бредон милой женщине, которая, увидев его, замешкалась в дверях. – Входите и выметите меня отсюда вместе с моими трудами и прочим хламом.

– О, сэр, простите, – сказала миссис Крамп, – я не хотела вам помешать.

– Да я уже, в сущности, закончил, – ответил Бредон. – Вы, должно быть, каждый день выгребаете отсюда чертову кучу мусора.

– Да, сэр, точно, вы не поверите сколько. Бумага! Наверное, она очень дешевая, раз ее столько тратят. Конечно, ее отправляют на переработку, но все равно это должно быть очень дорого. Каждый вечер увозят много-много мешков. А еще коробки, картон и всякая всячина. Вы бы удивились, если бы увидели: чего только мы ни находим. Я иногда думаю, что леди и джентльмены приносят сюда все домашнее старье, чтобы здесь выбросить.

– Поверьте, я бы не удивился.

– И все бросают на пол, – подвела итог миссис Крамп, явно увлеченная своей работой, – в корзины – почти никогда, хотя, видит бог, они достаточно большие.

– Это наверняка создает для вас большие неудобства.

– Да ни боже мой, сэр, мы об этом и не думаем. Просто сметаем все и в мешках спускаем вниз на лифте. Хотя иногда находим такие забавные штуки, что животы от смеха надрываем. Я их обычно показываю сотрудникам, чтобы по ошибке не выбросить что-нибудь ценное.

Однажды нашла на полу у мистера Инглби две фунтовые купюры. Он очень беспечный человек, это уж точно. А не так давно – в тот самый день, когда произошел несчастный случай с бедным мистером Дином, – я нашла какой-то резной камень там, в коридоре, похожий на оберег или безделушку какую-то. Но мне кажется, что он выпал из кармана несчастного джентльмена, когда он падал, потому что миссис Дулитл сказала, что видела его в комнате мистера Дина, поэтому я принесла его сюда и положила в ту коробочку.

– Вот этот? – Бредон выудил из жилетного кармана и протянул ей ониксового скарабея, которого почему-то не вернул Памеле Дин.

– Да, сэр, этот. Смешная штучка, правда? Вроде как какой-то жук. Он лежал в темном углу под железной лестницей, и поначалу я подумала, что это просто такой же камешек, как тот, другой.

– Какой другой?

– Видите ли, сэр, за несколько дней до того я в том же углу нашла круглый камешек. Я тогда сказала себе: «Как странно найти здесь такое». Но потом догадалась, что он, наверное, из комнаты мистера Аткинса, потому что мистер Аткинс в этом году отдыхал на море, лечился, а вы же знаете, как люди любят набивать карманы ракушками, голышами и всем, что валяется на берегу.

Бредон снова пошарил в кармане.

– Что-то вроде этого? – Он показал миссис Крамп гладкий, обтесанный водой камушек размером с ноготь его большого пальца.

– Очень похож, сэр. Могу я спросить, его вы тоже нашли в коридоре?

– Нет, его я нашел на крыше.

– А-а! – сказала миссис Крамп. – Это мальчишки унесли его туда для своих игр. Когда сержант за ними не присматривает, они бог знает что могут натворить.

– Они ведь там занимаются физкультурой, не так ли? Полезная вещь. Укрепляет мышцы и формирует фигуру. Когда они это делают? В обеденный перерыв?

– О нет, сэр. Мистер Пим не позволяет им бегать после обеда. Он говорит, что это вредно для пищеварения и может вызвать колики. Мистер Пим, он человек обстоятельный. В половине девятого мальчишки должны быть готовы, сэр, в шортах и майках. Занимаются двадцать минут, потом переодеваются – и приступают к выполнению своих обязанностей. А после обеда они сидят в комнате для посыльных, читают или играют в какие-нибудь тихие игры: в монетку на доске или в блошки, или еще во что-нибудь. Но, сэр, при этом они должны оставаться в своей комнате; мистер Пим не терпит, когда кто-то слоняется по офису в обеденный перерыв, – ну, конечно, кроме мальчика, который обходит кабинеты с дезинфицирующим средством.

– Ну да, конечно! «Обрызгайте все «Санфектом» – и вы в безопасности».

– Точно, сэр, только они используют «Жидкость Джеса».

– Вот как? – сказал мистер Бредон, в который раз удивившись забавному нежеланию рекламных агентств использовать товары, которые они расхваливают публике. – Что ж, миссис Крамп, о нас тут, как вижу, хорошо заботятся.

– О да, сэр. Мистер Пим уделяет большое внимание здоровью. Очень любезный джентльмен. На следующей неделе, сэр, у нас будет «Чай для уборщиц», внизу, в буфете, – бег с яйцом в ложке, кадка с отрубями, в которой прячут подарки, и можно приводить с собой детишек. Малышки моей дочери всегда ждут этого праздника с нетерпением, сэр.

– Не сомневаюсь, – сказал мистер Бредон. – И надеюсь, они порадуются новым ленточкам для волос или чему-то, что вы сочтете нужным...

– Вы очень добры, сэр, благодарю, – сказала миссис Крамп, весьма довольная.

– Не за что. – Звякнуло несколько монеток. – Ну, я удаляюсь, не буду вам мешать.

Очень приятный джентльмен, решила миссис Крамп, и совсем не чванливый.

Получилось именно так, как задумал мистер Уиллис. Он преследовал свою добычу от «Булестена» и на сей раз был уверен, что его не засекли. Его костюм члена фемгерихта²⁷ – черная ряса с черным колпаком-капюшоном, закрывавшим голову и плечи и имевшим лишь прорези для глаз, – легко надевался поверх повседневной одежды. Укутанный в старый клетчатый тренч, он наблюдал из-за удобно расположившегося перед Ковент-Гарденом фургона, пока Бредон и Памела Дин не вышли из ресторана; такси ждало его за ближайшим углом. Его задача облегчалась тем, что объекты наблюдения ехали не в такси, а в огромном лимузине, которым управлял сам Бредон. Театральная публика рассосалась еще до начала преследования, так что не было необходимости держаться в подозрительной близости от автомобиля Бредона. Путь пролегал на запад через Ричмонд и дальше, пока не привел к большому дому у реки, стоявшему на частной земле. В конце путешествия к ним присоединились другие машины и такси, ехавшие в одном направлении; а прибыв на место, они обнаружили, что вся стоянка и подъездная дорожка уже забиты многочисленными автомобилями. Бредон и мисс Дин проследовали напрямик в дом, ни разу не оглянувшись.

Уиллис, натянувший свой маскарадный костюм в такси, предвидел сложности с проникновением внутрь, но их не случилось. Слуга, встретивший его у входа, спросил лишь, является ли он членом клуба. Уиллис смело ответил, что является, и назвал Уильямом Брауном²⁸, что показалось ему остроумной и правдоподобной придумкой. Очевидно, клуб был полон Уильямов Браунов, поскольку слуга не стал чинить препятствий, а сразу проводил его в красиво обставленный зал. Прямо перед собой, на краю толпы, угощавшейся коктейлями, он увидел Бредона в черно-белом костюме Арлекина, который Уиллис различил под его пальто, еще когда тот садился в машину после обеда в ресторане. Памела Дин, в весьма смелом костюме, украшенном лебяжьим пухом и изображавшем пуховку для пудры, стояла рядом с ним. Из дальнего помещения, выходящего в зал, неслись натужные звуки саксофона.

«Это место, – мысленно сказал себе мистер Уиллис, – логово греха», – и на этот раз был не так уж далек от истины.

Он был поражен вольностью организации бала. Все двери открывались перед ним без вопросов и колебаний. Тут и там играли в азартные игры, пили без меры, танцевали, участвовали в том, что мистер Уиллис определил как оргии. А под спудом всего этого он нутром чуял что-то еще – что-то, чего не мог понять, что не мог опознать, хотя это от него и не прятали.

Разумеется, у него не было партнерши, но довольно скоро он оказался втянут в какую-то чрезмерно веселую компанию молодежи и наблюдал за превращениями танцовщицы, которые привели к тому, что в конце концов она оказалась почти полностью нагой, если не считать монокля, лакированных сапожек и надетого на голову цилиндра. Ему то и дело подносили напитки – за некоторые он платил, но большую их часть ему навязывали, и в какой-то момент он осознал, что из него вышел бы куда лучший сыщик, будь он привычней к смешиванию разных видов алкоголя. В голове у него пульсировало, и он упустил из виду Бредона и Памелу.

Уиллис сходил с ума от мысли, что они уединились в одной из внушающих ужас каморок, которые он успел заметить: каждая была задрапирована тяжелыми шторами и снабжена кроватью и зеркалом. Вырвавшись из окружавшей его компании, он стал лихорадочно обшаривать дом. Его костюм был тяжелым и слишком теплым, под удушающими складками капюшона пот градом катился по его лицу. Сначала он обнаружил зимний сад, набитый пьяными любовными парами, но тех, кого он искал, среди них не было. Потом, толкнув какую-то дверь, очутился в саду. Его привлекли крики и плеск воды. Бросившись вдоль длинной аллеи-беседки, увитой

²⁷ Фемгерихт, или фемический суд, – тайная судебная организация, существовавшая в Вестфалии в конце XII – начале XIII вв. Фемические суды выносили только два вида приговоров: казнь или изгнание.

²⁸ Уильям Браун – герой серии книг Ричмала Кромптона «Просто Уильям» о приключениях непослушного школьника, которые публиковались начиная с 1922 г. и были широко известны также благодаря экранизациям, театральным и радиопостановкам. Существовали даже общества поклонников Уильяма Брауна.

душистыми плетистыми розами, он выбежал на открытую площадку, в центре которой стоял круглый фонтан.

Какой-то мужчина, раскрасневшийся и икающий от смеха, пронесся мимо него с девушкой на руках, туника из леопардовой шкуры сползла у него с плеча, виноградные листья, из которых был сплетен веночек, красовавшийся у него на голове, разлетались в стороны. Девушка визжала, как паровозный свисток. Мужчина был широкоплеч, и мускулы на его спине блеснули в лунном свете, когда он, размахнувшись, швырнул свою сопротивляющуюся ношу в бассейн. Устроенное им представление было встречено взрывами смеха, которые еще более усилились, когда девушка, в обвисшей одежде, с которой лилась вода, выкарабкалась на бортик бассейна и разразилась потоком ругательств.

А потом Уиллис увидел черно-белого Арлекина. Тот карабкался на скульптуру в центре фонтана – переплетенные изваяния русалок и дельфинов поддерживали огромную чашу, в которой присевший на корточки амур выдувал из спиральной раковины высокую пляшущую струю воды. Стройная фигура в клетчатом костюме Арлекина взбиралась все выше, мерцая в струящейся по ней воде, как фантастическое водяное существо. Ухватившись за край верхней чаши и раскачавшись, мужчина подтянулся. В этот момент даже Уиллис испытал невольное восхищение. Мужчина двигался с легкостью и уверенной грацией атлета, без малейшего усилия демонстрируя силу мышц. Потом, упершись коленом в край чаши, перевалился в нее и стал взбираться на бронзового купидона. Еще мгновение – и он стоял на плечах согнувшегося амура во весь рост, омываемый бьющей вверх струей.

«Боже милостивый, – подумал Уиллис, – да он канатоходец или пьян в стельку». Снизу гремели аплодисменты, а какая-то девушка начала истерично кричать. И тут очень высокая женщина в переливающимся шелковом платье устричного цвета, которая всегда бывала душой здешних самых разнузданных вечеринок, протиснулась мимо Уиллиса и встала у бортика фонтана. Ее взъерошенные светлые волосы образовывали бледный ореол вокруг оживленного лица.

– Прыгай! – закричала она. – Ныряй! Ну же! Ныряй!

– Заткнись, Дайана! – Один из более трезвых мужчин обхватил ее за плечи и закрыл ей рот ладонью. – Тут слишком мелко, он сломает себе шею.

Она оттолкнула его.

– Не волнуйся. Он нырнет. Я так хочу. Иди к черту, Дики. Ты бы не рискнул, а он рискнет.

– Я бы уж точно не сделал такую глупость. Можешь не сомневаться.

– Давай, Арлекин, прыгай!

Черно-белая фигура с поднятыми над головой руками балансировала на плечах амура.

– Не будь дураком, парень! – закричал Дики.

Но его голос потонул в хоре голосов других женщин, воодушевившихся идеей Дайаны.

– Ныряй, Арлекин, ныряй! – вопили они.

Стройная фигура стрелой метнулась сквозь струю, пронзила поверхность воды почти без всплеска и проскользила под ней, как рыба. Уиллис затаил дыхание. На миг он забыл о своей яростной ненависти к этому человеку и аплодировал ему вместе со всеми. Дайана выбежала вперед и обняла пловца, как только он вынырнул из воды.

– О, ты великолепен, великолепен! – закричала она, прижимаясь к нему и не обращая внимания на то, что ее шелковое платье пачкается и намокает. – Арлекин, отвези меня домой, я тебя обожаю!

Арлекин склонил к ней закрытое маской лицо и поцеловал ее. Мужчина по имени Дики попытался оттащить его, но был аккуратно отстранен и, споткнувшись, упал в бассейн под всеобщий оглушительный хохот. Арлекин перекинул высокую женщину через плечо, выкрикнув:

– Приз! Приз! – Потом осторожно поставил ее на ноги и взял за руку. – Беги! – шепнул он ей. – Давай убежим, и пусть они попробуют нас поймать.

Внезапно возникла какая-то заварушка. Уиллис увидел рассерженное лицо Дики, который бросился за ними, отчаянно ругаясь. Кто-то схватил Уиллиса за руку и увлек за собой по розовой аллее. Но он обо что-то споткнулся и упал. Его спутник, бросив его, с гиканьем помчался дальше, а он очутился сидящим на земле, с головой, плотно обернутой собственным капюшоном, из которого никак не мог выпутаться.

Кто-то тронул его за плечо.

– Пойдемте, мистер Уиллис, – насмешливо произнес прямо ему в ухо чей-то голос. – Мистер Бредон попросил меня отвезти вас домой.

Уиллису удалось наконец сорвать с головы капюшон и не без труда встать на ноги.

Рядом с ним стояла Памела Дин. Она сняла маску, в глазах ее светилось озорство.

Глава 5

Удивительные метаморфозы мистера Бредона

Лорд Питер Уимзи нанес визит главному инспектору Скотленд-Ярда Паркеру, доводившемуся ему зятем, домой, в Блумсбери. Напротив него, расположившегося в просторном удобном кресле, на длинном мягком диване сидела, подобрав ноги, его сестра, леди Мэри Паркер, и прилежно вязала детскую кофточку. Сам мистер Паркер скрючился в глубокой оконной нише и курил трубку. На журнальном столике стояли два графина и сифон с содовой. На коврике перед камином развалилась большая полосатая кошка. Сцена была едва ли не демонстративно мирная и домашняя.

– Значит, Питер, теперь ты один из трудящихся, – сказала леди Мэри.

– Да, я получаю целых четыре фунта в неделю. Удивительное ощущение. Первый раз в жизни зарабатываю свой цент. Каждый раз, когда мне вручают конверт с жалованием, я сияю от неподдельной гордости.

Леди Мэри улыбнулась, взглянув на мужа, тот ответил ей веселой усмешкой. Трудности, которые возникают, когда бедный мужчина женится на богатой женщине, в их случае были полюбовно улажены изобретательным соглашением, в соответствии с которым все деньги леди Мэри были переданы в доверительное управление ее братьев в пользу будущих маленьких Паркеров, при этом доверенным лицам вменялось в обязанность каждый квартал выдавать жене сумму, равную той, что зарабатывал за этот период ее муж. Таким образом поддерживался подобающий финансовый баланс между супругами; а пустяшная странность того, что главный инспектор Паркер был, в сущности, нищим по сравнению с маленьким Чарлзом-Питером и еще более юной Мэри-Лукастой, мирно спавшими в тот момент в своих кроватках этажом выше, никого ничуть не смущала. Мэри нравилось управлять их скромными общими доходами, и в итоге это действительно шло им на пользу. Так что сейчас она разговаривала со своим богатым братом с превосходством, какое ощущает трудящийся человек по отношению к тому, кто просто владеет деньгами.

– Но в чем же именно там дело? – спросил Паркер.

– Да черт его знает, – откровенно признался Уимзи. – Я ввязался в него из-за жены Фредди Арбетнота, Рейчел Леви. Она знакома со стариком Пимом; они повстречались на каком-то званом обеде, и он рассказал ей о письме, которое его встревожило, а она спросила его: почему бы, мол, вам не нанять кого-нибудь, чтобы расследовать это дело? Он поинтересовался: кого же? И она сказала – не упоминая моего имени, – что у нее есть такой человек и что она может попросить его все разнюхать у него в конторе, вот я и разнюхиваю.

– Твой стиль изложения, – сказал Паркер, – хоть и колоритен, но несколько туманен. Ты бы не мог начать сначала, последовательно дойти до конца и только тогда остановиться?

– Попробую, – сказал его светлость, – хотя мне всегда трудно определить, где именно следует остановиться. Ну, слушай! В понедельник днем – чтобы быть точным, двадцать пятого мая, – молодой человек по имени Виктор Дин, работавший копирайтером в Рекламном агентстве Пима, располагающемся на Саутгемптон-роу, упал в помещении агентства с железной винтовой лестницы и скончался на месте от полученных травм: у него оказались сломаны шея и нога, имелась трещина в черепе, а также незначительные порезы и ушибы на теле. Происшествие имело место в половине четвертого, насколько точно это можно установить.

– Гм-м! – задумчиво произнес Паркер. – Не чересчур ли серьезные и многочисленные травмы для такого падения?

– Я тоже так думал, пока не увидел ту лестницу. Итак, продолжаю. На следующий день после этого события сестра покойного посылает мистеру Пиму фрагмент незаконченного письма, найденного ею в письменном столе брата. В письме содержится предупреждение о том,

что в его агентстве происходит нечто подозрительное. Письмо было начато за десять дней до смерти автора и, судя по всему, отложено, словно автор решил обдумать его более тщательно. Отлично. Далее. Мистер Пим – человек строгих моральных правил, если, конечно, не принимать во внимание его профессию, суть которой состоит в том, чтобы втюхать людям за деньги правдоподобную ложь...

– Что же, в рекламе совсем нет правды?

– Конечно же, какая-то правда в рекламе есть. Дрожжи в хлебе тоже есть, но из одних дрожжей хлеб не испечешь. Правда в рекламе, – провозгласил лорд Питер, – все равно что закваска, которую кухарка замешивает в тесто: она способствует выделению газа в количестве, достаточном, чтобы в поднимающейся массе спрятать грубый обман и придать ей форму, способную привлечь публику. Что подводит меня к деликатной и важной теме различия между предложениями «из» и «с». Предположим, вы рекламируете лимонад или, скажем, грушевый сидр. Если сказать: «Наш сидр делается только из свежесобранных груш», – это будет означать, что напиток сделан *только* из груш. Если это не так, вас могут привлечь к ответственности. Если вы говорите, что этот сидр делается из груш, без «только», можно предположить, что он делается главным образом из груш. Но если вы говорите «сделан с грушами», то обычно имеете в виду, что добавляете кусочек груши к тонне репы, и остаетесь неприкосновенны для закона – таковы тонкости языка.

– Возьми на заметку, Мэри, когда в следующий раз пойдешь в магазин, не покупай ничего, что не сделано «только из». Продолжай, Питер, и давай сократим упражнения в лингвистике.

– Хорошо. Так вот, мы имеем молодого человека, который начинает писать письмо с предупреждением, но, не закончив его, падает с лестницы и умирает. Не кажется ли тебе такое печальное развитие событий подозрительным?

– Настолько подозрительным, что я бы не исключил вероятности простого совпадения. Но поскольку ты склонен к мелодраме, допустим, что оно действительно подозрительно. Кто видел, как он падал?

– Я бы сказал, летел. Некто мистер Аткинс и некая миссис Крамп, наблюдавшие за его падением снизу, и некий мистер Праут, наблюдавший за ним сверху. Их свидетельства весьма интересны. Мистер Праут утверждает, что лестница была хорошо освещена и что покойный спускался не слишком быстро, между тем как двое тех, что снизу, говорят, будто он падал, как тюфяк, сжимая «Атлас мира» с такой силой, что потом его с трудом вырвали у него из рук. О чем это тебе говорит?

– Только о том, что смерть была мгновенной, как и бывает при переломе шеи.

– Это я знаю. Но обрати внимание: ты спускаешься по лестнице, и у тебя скользит нога. Что происходит? Неужели ты полетишь головой вперед, как тюфяк? Или ты приземлишься на пятую точку и дальше поедешь на ней?

– Бывает по-разному. Если бы я действительно поскользнулся, наверное, съехал бы на пятой точке. А если бы споткнулся, то, весьма вероятно, полетел бы вниз головой. Нельзя точно сказать, не зная, что именно случилось.

– Ладно. У тебя на все есть ответ. Тогда скажи, стал бы ты держать мертвой хваткой то, что нес, или выпустил бы и попытался спастись, ухватившись за перила?

Мистер Паркер помолчал.

– Пожалуй, что ухватился бы за перила, если бы не нес поднос с ценной посудой или что-то в этом роде. Но даже и в этом случае... не знаю. Может, это инстинкт – держаться за то, что у тебя в руках? Но, с другой стороны, инстинкт подсказывает и попытаться спасти себя. Не знаю. Все эти рассуждения на тему, что бы сделали мы с тобой и что бы сделал разумный человек, очень ненадежны.

Уимзи застонал.

– Пусть будет по-твоему, Фома неверующий. Если эта мертвая хватка – результат моментального паралича, то он, должно быть, умер так быстро, что даже не успел подумать о том, чтобы спастись. Итак, мы имеем две вероятных причины смерти: перелом шеи, который, скорее всего, случился, когда он ткнулся головой в пол, и трещина в височной кости, которая, как полагают, получена при ударе головой об одну из шишечек на перилах. Далее: падать с лестницы – не то же самое, что падать с крыши. С лестницы падаешь постепенно, и у тебя есть время что-то сообразить. Если он умер от удара о перила, он должен был сначала упасть, а потом удариться. То же самое – только еще в большей степени – относится к перелому шеи. Почему, почувствовав, что падает, он не бросил все, что было у него в руках, и не попробовал смягчить падение?

– Я понимаю, что ты хочешь сказать. Что его сначала оглушили и, когда падал, он был уже как минимум без сознания. Но я так не думаю. Я бы предположил, что он зацепился за что-то мыском туфли, отчего наклонился вперед, упал вниз головой и разбился насмерть. В этом нет ничего невозможного.

– Тогда попробую еще раз. Как тебе это? В тот же вечер миссис Крамп, бригадирша уборщиц, нашла вот этого ониксового скарабея в коридоре, как раз под железной лестницей. Вещица, как видишь, круглая, гладкая и довольно тяжелая для своих размеров, вполне сравнимая с железными шишечками на перилах. Вот здесь, как ты опять же видишь, есть небольшой скол. Этот жук принадлежал покойному, который имел обыкновение носить его в жилетном кармане или класть перед собой на стол во время работы. Что скажешь?

– Скажу, что он выпал из его кармана при падении.

– А скол?

– Если его раньше не было...

– Не было. Сестра покойного утверждает, что она в этом уверена.

– Тогда кусочек откололся при падении.

– Ты так считаешь?

– Да.

– Я знал, что ты это скажешь. Но я продолжаю: несколькими днями раньше миссис Крамп нашла голыш такого же размера, как скарабей, на том же самом месте, у подножья железной лестницы.

– Вот как? – Паркер выбрался из оконной ниши и направился к графинам. – И что она говорит по этому поводу?

– Говорит: вы бы, мол, не поверили, сколько занятных вещей я нахожу, когда убираю помещение. Думает, что голыш принадлежал мистеру Аткинсу, который незадолго до того поправлял здоровье на морском берегу.

– Ну и почему бы нет? – сказал Паркер, нажимая на рычажок сифона.

– И в самом деле, почему бы нет? А вот этот голыш я нашел на крыше уборной. Чтобы достать его, мне пришлось спуститься по водосточной трубе, пожертвовав своими фланелевыми брюками.

– Вот как?

– Да, капитан. Именно там я его и нашел. А еще я нашел место, где со светового люка содрана краска.

– Какого светового люка?

– Того, который находится как раз над железной лестницей. Ну, такой конусообразный, как в теплицах, с окнами, которые открываются на все стороны, их держат открытыми в жаркую погоду. А когда Дин расстался с жизнью, стояла жара.

– Ты хочешь сказать, что кто-то метнул в него камень через световой люк?

– Ты сам это сказал, шеф. А если точнее – не какой-то камень, а именно *этот* камень. То есть скарабея.

– А при чем здесь тогда другие камни?

– Тренировка в стрельбе. Я убедился, что в обеденный перерыв офис практически пустеет. На крышу вообще никто никогда не вылезает, кроме мальчиков-посыльных, которые делают там зарядку в восемь тридцать утра.

– Если живешь под стеклянным потолком, не бросайся камнями. Ты считаешь, что, швырнув такой маленький камешек в человека, можно проломить ему череп и сломать шею?

– Конечно, нет, если просто швырнуть его. Но как насчет рогатки или какой-нибудь катапульты?

– Ну, в этом случае тебе нужно всего лишь опросить людей в близлежащих учреждениях, не видели ли они, как кто-то на манер Давида с Голиафом упражнялся на Пимовой крыше, – и он у тебя в кармане.

– Все не так просто. Крыша этого здания намного выше, чем соседние, и окружена каменным парапетом в три фута высотой – видимо, чтобы придать строению еще большее величие. Чтобы метнуть камень на железную лестницу, нужно встать на колени в определенном месте между этим люком и соседним, а в такой позиции человек оказывается, как за каменной стеной, его ниоткуда не видно никому, кроме того, кто в этот момент находится на лестнице и смотрит вверх. И таким человеком, очевидно, не мог быть никто, кроме бедолаги Виктора Дина.

– Ну что ж, выясни, кто из сотрудников часто оставался в офисе во время обеденного перерыва.

Уимзи покачал головой.

– Не выйдет. Сотрудники отмечают время прихода на работу каждое утро, но в час дня никто учета не ведет. Дежурный в вестибюле уходит на обед, его место за стойкой занимает один из старших посыльных – на тот случай, если в это время поступит какое-нибудь сообщение или принесут пакет, но он не всегда бывает на месте. Есть еще один, который в обеденный перерыв обходит помещения с дезинфицирующей жидкостью «Джес», но на крышу он не взбирается. Ничто никому не мешает подняться туда, скажем, в половине первого, сделать свое дело и спокойно спуститься по другой лестнице. Лифтер или тот, кто временно исполняет его обязанности, должен быть на месте, но, когда едешь в закрытом лифте, ничего не видишь, и тебя никто не видит. Кроме того, лифт может уехать в подвал. Кто бы это ни сделал, ему нужно было всего лишь выждать время и спокойно вернуться незамеченным. В этом нет ничего трудного. Так было и в день смерти Дина. Человек идет в туалет, расположенный рядом с лестницей, и, когда поблизости никого нет, поднимается по ней на крышу. Там он сидит, притаившись, а когда видит, что жертва начинает спускаться по железной лестнице, как делают все по пятьдесят раз на дню, выпускает свой снаряд и удаляется. А пока все суетятся вокруг тела и причитают над ним, наш друг спокойно, с невинным видом, выходит из туалета и присоединяется к остальным. Проще простого.

– Но неужели никто не заметил бы, что он так долго отсутствовал?

– Дорогой мой, если бы ты знал пимовские порядки! Никого никогда не застанешь на рабочем месте. Если не болтать с кем-нибудь из коллег, не ошиваться в машбюро, не торчать у художников, собачась с ними из-за макета, или в бухгалтерии – насчет каких-нибудь выплат, или в отделе выпуска, требуя свои копии обратно, а если не в этих, то еще в каком-нибудь месте, то можно тайком выскользнуть в кофейню или парикмахерскую. Слово «алиби» не имеет никакого смысла в таких местах, как агентство Пима.

– Как я догадываюсь, ты там прекрасно проводишь время, – заметил Паркер. – Но что такого страшного могло случиться в учреждении, подобном агентству Пима, чтобы привести к убийству?

– Вот мы и подошли к главному. Молодой Дин водился с компанией де Момери...

Паркер присвистнул.

– То есть решил не по чину?

– Очень даже. Ты же знаешь Дайану де Момери. Она находит удовольствие в том, чтобы развращать буржуа, обожает искушать их не слишком крепкую совесть. Эта девица та еще мерзавка. Вчера вечером я отвезил ее домой, так что мне ли не знать.

– Питер! – воскликнула леди Мэри. – Оставим в стороне твои моральные устои, которые меня очень беспокоят, но все же как тебя угораздило попасть в такую компанию? Ими же скоро заинтересуется мой Чарлз или главный комиссар.

– Не волнуйся, я там был инкогнито. На костюмированном балу. И насчет моих моральных устоев можешь не тревожиться. Дама была мертвецки пьяна, так что я втащил ее в ее элегантную двухэтажную квартирку на Гарлик-Мьюз и уложил на диван в гостиной – то-то ее горничная удивилась на следующее утро. Хотя, возможно, и не удивилась. Но смысл в этом был, я много чего узнал о Викторе Дине.

– Одну минутку, – перебил его Паркер, – он принимал наркотики?

– Судя по всему, нет, и если это так, то, могу поклясться, дело не в «недоработке» Дайаны. По словам его сестры, Виктор был человеком здравомыслящим. Вероятно, попробовал разок и почувствовал себя так паршиво, что больше не притрагивался... Да, я знаю, о чем ты подумал: если он был наркоманом, то мог упасть с лестницы без посторонней помощи. Но я так не считаю. Подобные вещи обнаруживаются при вскрытии. Этот вопрос вставал, но – нет, ничего найдено не было.

– А у Дайаны есть какие-нибудь соображения на этот счет?

– Она говорит, что славным малым он не был. Тем не менее она, похоже, держала его на поводке с конца ноября до конца апреля – почти полгода, а для Дайаны это долгий срок. Интересно, чем он ее зацепил? Полагаю, в этом парне было что-то привлекательное.

– Это все тебе его сестра рассказала?

– Да, но она говорит, что у Виктора были «большие амбиции». Но я не знаю, что она имела в виду.

– Полагаю, она знала, что Дайана была его любовницей. Или не была?

– Скорее всего, была. Однако его сестра считала, что он подумывал о женитьбе.

Паркер рассмеялся.

– В конце концов, – вставила леди Мэри, – вероятно, он не все рассказывал сестре.

– Можно предположить, что он рассказывал ей чертовски мало. Она была искренне шокирована вчерашним действием. Очевидно, те вечеринки, на которые он брал ее с собой, не были такими разнузданными. Зачем он вообще водил ее на них? Это еще один вопрос. Он говорил, что хочет познакомить ее с Дайаной; несомненно, парень воображал, что представляет ее будущей родственнице. Наверняка он не хотел втягивать сестру во все это и развращать ее, как выразился Уиллис.

– Кто такой Уиллис?

– Это молодой человек, у которого пена на губах выступает при упоминании Виктора Дина, хотя некогда тот был его лучшим другом. Он влюблен в сестру Дина, бешено ревнует ее ко мне, считает, что мы с Виктором одного поля ягоды, и ходит за мной по пятам с неумелым рвением пятидесяти Ватсонов. Сочиняет тексты к рекламам корсетов и кремов для лица. Он сын провинциального торговца мануфактурой, учился в классической средней школе и носит, к моему величайшему сожалению, двубортный жилет. Это его самая неприглядная черта – если не считать того, что, по его собственному признанию, он находился в туалете, когда Дин упал с лестницы, а из туалета, как я уже говорил, ничего не стоит попасть на крышу.

– Кто-нибудь еще был тогда в туалете?

– Я его еще об этом не спрашивал. Не представилось случая. Ужасно сложно вести расследование, когда надо скрывать, что ты его ведешь, – нельзя задавать слишком много вопросов. Если бы кто-нибудь узнал, что я это делаю, то я бы не получил ответов ни на один свой вопрос. И это было бы не так важно, если бы я имел хоть малейшее представление о том, кого

или что я ищу. Но искать среди сотни людей того, кто совершил неизвестно какое преступление, очень нелегко.

– Я думал, ты ищешь убийцу.

– Ищу, но не думаю, что смогу его найти, пока не узнаю, почему он совершил убийство. А кроме того, Пим попросил меня разузнать насчет вероятных нарушений закона, происходящих в его агентстве. Разумеется, убийство – преступление, но это не единственное, что мне поручено раскрыть. А единственным, у кого, по моим наблюдениям, был мотив совершить убийство, – это Уиллис, но у него мотив не такого рода, какой я ищу.

– Из-за чего поссорились Уиллис и Дин?

– По глупейшему поводу. Уиллис прежде часто проводил выходные у Дина. Дин жил в квартире с сестрой – кстати, у них нет ни родителей, ни других родственников. Уиллис влюбился в его сестру. Та горячей взаимностью ему не отвечала. Дин взял сестру с собой на одну из рискованных вечеринок у Дайаны. Уиллис узнал об этом. Будучи болваном, стал выговаривать за это сестре Дина, как старый зануда. Сестра назвала его отвратительным, высокомерным, настырным идиотом-резонером. Уиллис устроил нагоняй Дину. Дин велел Уиллису убираться ко всем чертям. Произошла бурная ссора. Сестра не осталась в стороне. Семья объединилась и потребовала, чтобы Уиллис больше не показывался им на глаза. Уиллис заявил, что если он (Дин) будет продолжать развращать свою сестру, то он (Уиллис) пристрелит его, как собаку. Это его собственные слова, во всяком случае, так мне передали.

– Похоже, – вставила Мэри, – Уиллис склонен мыслить штампами.

– Разумеется. Поэтому-то он и пишет такие хорошие тексты к рекламе корсетов. Вот так все и случилось. С тех пор, в течение трех месяцев, Дин и Уиллис были на ножах. Потом Дин упал с лестницы. И теперь Уиллис переключился на меня. Вчера я попросил Памелу Дин отвезти его домой, но что из этого вышло, не знаю. Я объяснил ей, что эти жаркие вечеринки действительно опасны и что в безумии Уиллиса есть своя логика, хотя по части такта и отношений между полами он – сущий простак. Было уморительно смешно наблюдать, как он «тайно» шнырял за нами в своем ку-клукс-клановском костюме и тех же туфлях, в которых ходит на работу, да еще с кольцом-печаткой на мизинце, которое видно за версту.

– Бедный парень! Надеюсь, это не он столкнул дружищу Дина с лестницы?

– Не думаю. Но кто знает? Он такой пафосный осёл... Мог счесть все это великим грехом. Но вряд ли ему хватило бы ума просчитать все детали. А если бы он и совершил убийство, то, полагаю, тут же направился бы в полицейский участок и, бия себя кулаком в двубортный жилет, заявил: «Я сделал это, чтобы защитить невинность». Против его причастности говорит и тот неоспоримый факт, что связь Дина с компанией Дайаны закончилась в апреле. Зачем бы Уиллису ждать до конца мая, чтобы нанести удар? Ведь ссора с Дином произошла еще в марте.

– Возможно, Питер, сестра ввела тебя в заблуждение. Вероятно, эта связь не оборвалась тогда, как она говорит. Она могла поддерживать ее самостоятельно. Даже сама могла быть наркоманкой или иметь с ними какие-то другие дела. Никогда нельзя утверждать наверняка.

– Вряд ли, но в принципе такая догадка не лишена смысла. Впрочем, нет, не думаю, что Памела Дин замешана в чем-то дурном. Могу поклясться, что отвращение, испытанное ею прошлым вечером, было искренним. Должен сказать, что происходившее и впрямь было непотребным. Кстати, Чарлз, где эти люди берут свой чертов порошок? Вчера его там было столько, что можно отравить целый город.

– Если бы я знал, – кисло признался мистер Паркер, – у меня бы не было забот. Единственное, что я могу тебе сказать, так это то, что его откуда-то ввозят морским путем, а потом широко распространяют повсюду. Вопрос в том – откуда. Разумеется, мы хоть завтра можем задержать полсотни мелких торговцев, но какой в этом толк? Они сами не знают, откуда привозят дурь и кто этим руководит. Все они поют одну и ту же песню: порошок им передал на улице человек, которого они никогда раньше не видели и не смогут узнать при встрече. Или им

подложили его в карман в автобусе. Дело даже не в том, что они не желают говорить правду, они и в самом деле ничего не знают. И если поймать кого-то рангом повыше в их иерархии, выяснится, что и он ничего не знает. Нудная и бессмысленная работа. А кто-то наживает на этом миллионы.

– Это точно. Но вернемся к Виктору Дину: есть еще один вопрос. У Пима он получал шесть фунтов в неделю. Как может человек вращаться в компании де Момери, имея доход триста фунтов в год? Даже если он не слишком шикавал, за просто так его бы в компанию не допустили.

– Возможно, Дайана его содержала?

– Да, вероятно, он был эдаким маленьким клещом. Но у меня есть другая идея. Допустим, он считал, что действительно имеет шанс жениться на Дайане и войти в круг аристократии или тех, кого он считал аристократами. В конце концов, Дайана принадлежит к роду де Момери, хотя родственники и указали ей на дверь, в чем их трудно винить. Допустим, Дин тратил гораздо больше, чем мог себе позволить, стараясь не отставать от других. Допустим, дело заняло больше времени, чем он рассчитывал, и он увяз по уши. Подумай: что в этом свете могло означать неоконченное письмо Пиму?

– Ну... – начал было Паркер.

– О боже, не тяни резину! – перебила его Мэри. – Как же вы оба любите ходить вокруг да около. Шантаж. Это же совершенно очевидно. Я уже час назад догадалась. Этот Дин искал источник дополнительного дохода и обнаружил в агентстве Пима кого-то, кто занимался чем-то неподобающим, – главного кассира, поддельвающего счета, или курьера, ворующего деньги по мелочи, или еще кого-нибудь. И вот он говорит: «Не поделишься со мной – расскажу Пиму» – и начинает писать письмо. Знаете, может быть, он и не собирался передавать его мистеру Пиму, просто угрожал. На какое-то время тому, другому человеку удастся нейтрализовать его, заплатив, но потом он подумал: «Этому не будет конца, лучше покончить с проходимцем раз и навсегда» – и сталкивает его с лестницы. Вот и все.

– Вот так просто? – усомнился Уимзи.

– Разумеется, просто, только мужчины любят везде выискивать тайны.

– А женщины – делать скоропалительные выводы.

– Не надо обобщать, – сказал Паркер, – это всегда приводит к неверным выводам. И что мне теперь со всем этим делать?

– Дай мне совет и будь наготове со своими клеветами на случай заварухи. Кстати, я могу сообщить тебе адрес того дома, где мы вчера побывали. Наркотики, азартные игры – по первому требованию, не говоря уже об отвратительных оргиях. – Он назвал адрес, и главный инспектор его записал.

– Хотя мы мало что можем сделать, – признался он. – Это частный дом, принадлежащий майору Миллигану. Мы уже давно за ним наблюдаем. И даже если бы нам удалось проникнуть внутрь, это, скорее всего, ничем бы нам не помогло. Думаю, во всей этой банде нет никого, кто знает, откуда берутся наркотики. Тем не менее важно иметь достоверное свидетельство того, что там происходит. Кстати, мы уже получили компрометирующие сведения о той паре, которую ты помог нам арестовать в тот вечер. Они получают лет по семь.

– Отлично. Хотя я чуть было сам тогда не попался. Две машинистки из агентства Пима оказались поблизости и узнали меня. Я посмотрел на них непонимающим взглядом, а на следующее утро объяснил, что у меня есть кузен, который очень на меня похож, – пресловутый Уимзи, разумеется. Чрезмерная известность осложняет дело.

– Если в компании де Момери тебя раскусят, у тебя могут возникнуть неприятности, – сказал Паркер. – Как тебе удалось так сдружиться с Дайаной?

– Я нырнул в фонтан. Реклама всегда окупается, теперь она думает, что я – восьмое чудо света.

– Смотри не убейся, – ласково сказала Мэри. – Мы тебя любим, а маленький Питер жизни себе не представляет без любимого дяди.

– Это может для тебя плохо кончиться, – бессердечно заметил его зять, – на сей раз дело действительно опасное. Кстати, сталкиваясь с убийством, которое мог совершить кто угодно, по любой мыслимой причине, перестаешь свысока смотреть на полицейских, которым не всегда удается раскрыть случайные убийства, происходящие по всей стране. Надеюсь, это послужит тебе уроком. Что-нибудь еще?

– Нет, спасибо, постараюсь извлечь пользу из твоих советов. А пока пойду дурачить публику в качестве мистера Бредона, о результатах буду сообщать. И ты давай мне знать обо всем, что происходит с компанией Момери-Миллигана.

– Непременно. Хочешь поучаствовать в одном из наших рейдов по поимке наркодильеров?

– Еще бы! Когда он намечается?

– Мы располагаем информацией о контрабандной поставке кокаина на побережье Эссекса. Отменив береговую охрану, правительство сделало худшее из того, что могло. Это вдвое прибавило нам хлопот, особенно учитывая огромное количество снующих туда-сюда частных моторных яхт. Когда захочешь весело провести вечер, можешь к нам присоединиться – и прихвати свою машину, она гораздо быстрееходней, чем любая из наших.

– Понял. Две ваших и одна моя. Черкни мне, когда нужно выдвигаться, я буду готов. Мой рабочий день заканчивается в половине шестого.

Тем временем мысли о Дэсе Бредоне не отпускали трех человек.

Мисс Памела Дин в своей одинокой квартире стирала пару шелковых чулок.

«Прошлый вечер был восхитителен... Наверное, мне не следовало бы развлекаться сразу после похорон бедняги Виктора, моего дорогого брата... но я ведь пошла туда ради него... Интересно, удастся ли этому детективу что-нибудь разузнать... Он особо не распространяется, но, уверена, думает, что в том, как погиб Виктор, есть что-то странное. Так или иначе, Виктор подозревал, что в конторе творится нечто нехорошее, и он *хотел бы*, чтобы я разузнала об этом все, что смогу... Никогда не думала, что частные детективы бывают *такими*, считала, что они – противные хитрые коротышки... вульгарные... Мне нравится его голос... и его руки... О господи, дырка! Надо закрепить петлю, пока стрелка не поползла вверх... И у него изысканные манеры, только, боюсь, он рассердился, что я явилась в агентство Пима... Он, должно быть, прекрасный спортсмен, если сумел вскарабкаться на тот фонтан... и плавает, как рыба... мой новый купальный костюм... хорошо, что я загорела и что у меня стройные ноги... Надо все же купить новые чулки, эти долго не проживут... если бы я не выглядела в черном такой бледной... Бедный Виктор!.. Ума не приложу, что мне делать с Алексом Уиллисом... если бы он только не был таким занудой... Вот если бы мистер Бредон... он совершенно прав насчет того, что это плохая компания, но знает об этом не понаслышке, это не простое предубеждение... Ну почему Алекс так ревнив и надоедлив?.. У него был такой глупый вид, когда он следил за нами в этой своей дурацкой черной хламиде... Неумело... я люблю умелых людей... вот мистер Бредон, похоже, человек очень умелый... нет, не «похоже», а так и есть... он выглядит так, будто никогда ничем другим и не занимался, кроме как ходил на вечеринки... Думаю, детективы высокого класса должны выглядеть именно так... Из Алекса вышел бы паршивый детектив... Не люблю брюзгливых мужчин. Интересно, а что случилось после того, как мистер Бредон покинул вечеринку с Дайаной де Момери? Она красивая, черт бы ее побрал, обольстительная... но чудовищно много пьет... говорят, от этого преждевременно стареют... кожа грубеет... У меня лицо в порядке, но я не принадлежу к типу шикарных женщин... Дайана де Момери просто с ума сходит от мужчин, способных на безумные поступки... Не люблю

пепельных блондинок... Интересно, а мне бы пошло, если бы я перекрасилась в пепельную блондинку?..»

Алек Уиллис, в спальне своей меблированной квартиры, взбив подушку и придав ей более удобную форму, тщетно пытался заснуть.

«Черт! Как трещит голова... проклятый хлыщ!.. Между ним и Памелой явно что-то есть... Якобы он помогает ей разобраться в смерти Дина – как бы не так!.. От него только и жди неприятностей... связался с этой белобрысой сучкой... это просто оскорбительно... конечно, Памела будет перед ним пресмыкаться... эх, женщины!.. Со всем готовы примириться. И зачем я столько выпил?.. Будь проклята эта кровать! Будь проклято это поганое место!.. Придется уходить от Пима... там небезопасно... Убийство?.. Любой, кто тронет Памелу... Памела... Она не позволила бы мне поцеловать ее... эта свинья Бредон... вниз по железной лестнице... дайте мне только добраться до его горла... Как же мне этого хочется! Чертов позер... Памела... Хотел бы я ей раскрыть глаза... деньги, деньги, деньги... Если бы, черт возьми, я не был так беден... Но в любом случае Дин был наглцом... Я лишь сказал ей правду... Будь они прокляты, все женщины!.. Они любят только подлецов... Я еще не расплатился за последний костюм... О, черт, не надо было столько пить... Соду забыл принять... И за туфли не расплатился... Все эти голые женщины в фонтане... черное с серебром... он меня засек, чтоб ему ослепнуть!.. А сегодня утром как ни в чем не бывало: «Привет, Уиллис!» – холодно так, как рыба... и ныряет, как рыба... нет, рыбы не ныряют... рыбы не спят... или спят? Я уж точно не могу уснуть... «Макбет зарезал сон»²⁹... убийство... по железной лестнице... добраться до его горла... О, черт, черт, черт!..»

Дайана де Момери танцевала.

«Господи! Как же мне скучно... Сойди с моей ноги, неуклюжая корова... Деньги, тонны денег... но мне скучно... Нельзя ли поставить что-нибудь другое?.. Мне уже осточертел этот мотив... Мне все осточертело... Он старается все сгладить... наверное, мне лучше с этим покончить... Как же я вчера надралась... интересно, куда делся Арлекин?.. И кто он такой?.. Эта идиотка Памела Дин... эти женщины... Придется с ней помириться, наверное, чтобы раздобыть его адрес... надо любым способом его от нее отвадить... Если бы я так не напилась!.. Ничего не помню... он карабкался на фонтан... черное с серебром... у него красивое тело... думаю, он мог бы меня возбудить... О господи, как же мне все надоело... но он существует на самом деле... весьма загадочный... нужно написать Памеле Дин... дурочка... наверное, ненавидит меня... жаль, что я дала отставку малышу Виктору... а он упал с лестницы и сломал свою глупую шею... счастливое избавление... позвонить ей... она не пользуется телефоном... такая провинциалка... если эта мелодия сейчас не закончится, я закричу... У Миллигана мерзкая выпивка... зачем вообще туда ходить?.. Надо что-то делать... Арлекин... я даже имени его не знаю... Уидон... Лидон... что-то в этом роде... о, черт! Может, Миллиган знает?.. Не могу больше это выносить... черное с серебром... Слава богу, закончилась!»

По всему Лондону сверкали рекламные огни, призывая публику заботиться о своем теле и кошельке. С «СОПО» ВАМ НЕ ПРИДЕТСЯ НИЧЕГО ТЕРЕТЬ; «НУТРАКС» БЕРЕЖЕТ ВАШИ НЕРВЫ; СУХАРИКИ «ХРУСТЯШКИ» СТАЛИ ЕЩЕ ХРУСТЧЕ; ЕШЬТЕ ОВСЯНКУ «ШОТЛАНДСКИЙ ВОЛЫНЩИК»; ПЕЙТЕ ПОМПАНСКОЕ; ОДИН ПОРЫВ «ВИХРЯ» – И ВСЕ ЧИСТО; ИРИСКИ «СОРВАНЕЦ»! ВОТ ЭТО ДА! ПОДКОРМИТЕ НЕРВЫ «НУТРАКСОМ»; В ОБУВИ «ФАРЛИ» ВЫ ДАЛЕКО ПОЙДЕТЕ; ЭТО НЕ «ДИАР», ЭТО «ДАР-

²⁹ Шекспир Уильям. Макбет. Перевод Ю. Корнеева.

ЛИНГ» – ДЛЯ КУХНИ НИЧЕГО ЛУЧШЕ НЕ НАЙТИ; ОБЕЗОПАСЬТЕ «САНФЕКТОМ» ВСЁ; КОРОТКИЕ СИГАРЫ «УИФФЛЕТС» – ЭТО ВОСТОРГ.

Типографские машины, гроыхая и рыча, исторгали из себя одни и те же призывы миллионными тиражами: СПРАШИВАЙТЕ У СВОЕГО БАКАЛЕЙЩИКА – СПРАШИВАЙТЕ У СВОЕГО ВРАЧА – СПРОСИТЕ ТОГО, КТО УЖЕ ПОПРОБОВАЛ – МАМОЧКИ, КОРМИТЕ ЭТИМ СВОИХ ДЕТЕЙ – ДОМОХОЗЯЙКИ, ЭКОНОМЬТЕ ДЕНЬГИ – ГЛАВЫ СЕМЕЙСТВ, СТРАХУЙТЕ ВАШИ ЖИЗНИ – ЖЕНЩИНЫ, ВЫ УЖЕ ПОНЯЛИ? МЫЛО – ЭТО ТОЛЬКО «МИЛЬВА»! Что бы вы ни делали, остановитесь и начните делать что-то другое! Что бы вы ни покупали, сделайте паузу и купите что-то другое. Насильно – в мир здоровья и процветания! Никогда не сдавайтесь! Никогда не расслабляйтесь! Никогда не испытывайте удовлетворения! Как только вы почувствуете удовлетворение, наши колеса забуксуют. Не прекращайте движения! А если не можете – попробуйте «Нутракс» для нервов!

Лорд Питер пошел домой и лег спать.

Глава 6

Исключительная безупречность смертельного оружия

– Знаете, – сказала мисс Росситер мистеру Смейлу, – наш новый копирайтер совершенно чокнутый.

– Чокнутый? – Мистер Смейл обнажил белоснежные зубы в обворожительной улыбке. – Что вы такое говорите, мисс Росситер? Как это – чокнутый?

– Ну, немного рехнувшийся, – объяснила мисс Росситер. – Свихнутый, с причудами. Все время торчит на крыше и играет с рогаткой. Представляю себе, что скажет мистер Хэнкин, если узнает.

– С рогаткой? – Мистер Смейл, казалось, не удивился. – Думаю, в этом нет ничего страшного. Мы, в своих подразделениях, порой бываем склонны завидовать, если можно так выразиться, беззаботному духу молодости, который царит в отделе текстовой рекламы, без сомнения благодаря... – добавил мистер Смейл, – чарующему влиянию дам. Позвольте предложить вам еще чашечку чаю.

– Большое спасибо, не откажусь.

Ежемесячная чайная церемония была в разгаре, и в малом конференц-зале толпилось слишком много народу. Мистер Смейл осторожно, бочком стал протискиваться за чаем и напротив длинного стола, за которым председательствовала миссис Джонсон (неутомимая дама, возглавлявшая диспетчерский отдел, руководившая посыльными и отвечавшая за аптечный шкаф первой медицинской помощи), налетел на мистера Харриса из отдела внешней рекламы.

– Простите, старина, – сказал мистер Смейл.

– Ничего-ничего, – ответил мистер Харрис, – такие зачарованные молодые люди, как вы, обладают привилегией сметать все на своем пути. Ха-ха-ха! Я видел, как вы любезничали с мисс Росситер. Смотрю, вы отлично спелись, а?

Мистер Смейл смущенно ухмыльнулся.

– Догадываетесь с трех раз, о чем мы говорили, – предложил он. – Один с молоком без сахара и один с сахаром и молоком, миссис Дж., пожалуйста.

– Трех не потребуется, – ответил мистер Харрис. – Могу сразу сказать: вы говорили о мисс Росситер и мистере Смейле, так? Прекраснейшая в мире тема для разговора, правда?

– А вот и нет, – победно возразил мистер Смейл. – Мы обсуждали другого члена нашего сообщества. А точнее – нового копирайтера. Мисс Росситер утверждает, что он чокнутый.

– Они там, в их отделе, все чокнутые, если хотите знать мое мнение, – заявил мистер Харрис, качнув всеми своими подбородками. – Дети. С задержкой развития.

– Похоже на то, – согласился мистер Смейл. – То, что они разгадывают кроссворды, меня не удивляет, этим все занимаются, равно как и то, что они рисуют детские картинки. Но стрелять из рогаток на крыше – это действительно ребячество. А мисс Митъярд, которая приносит на работу свой йо-йо!³⁰

– Я скажу вам, в чем дело, Смейл, – произнес мистер Харрис, ухватив коллегу за лацкан одной рукой и тыча в него указательным пальцем другой. – Все зло – от университетского образования. Что оно делает с человеком? Берет юношу или девушку и водит их на помочах по детской площадке для игр, в то время как им следует пропахивать собственную борозду перед лицом реальности. Привет, мистер Бредон! Это ваша нога? Простите великодушно. Этот зал

³⁰ Йо-йо – одна из древнейших игрушек на земле, с ней играли еще в Древней Греции. Состоит из двух симметричных половинок, соединенных между собой осью, к которой прикреплены веревка.

слишком мал для подобных сборищ. Слышал, вы полюбили широкое открытое пространство нашей крыши?

– О да. Свежий воздух и все такое. Упражняюсь. Стреляю по воробьям из рогатки. Прекрасная тренировка для глаз. Поднимайтесь как-нибудь и вы, устроим соревнование.

– Нет уж, благодарю покорно, – ответил мистер Харрис. – Я слишком стар для таких забав. Хотя в детстве, помнится, пробил камнем огуречную теплицу своей престарелой тетушки. Господи, как же она ругалась! – Внезапно взгляд его сделался задумчивым, и он добавил: – Я не держал рогатку в руках лет тридцать.

– Тогда самое время взять ее в руки снова. – Мистер Бредон наполовину высунул из бокового кармана «орудие», состоявшее из раздвоенной палочки с резинкой, и тут же спрятал обратно, подмигнув в спину мистеру Пиму, который как раз показался в поле их зрения, снисходительно беседуя с только что присоединившимся к компании младшим сотрудником. – Между нами говоря, Харрис, не кажется ли вам это место иногда немного скучным?

– Скучным? – подхватил мистер Толбой, выныривая из толпы у стола и чуть не выбив из рук мистера Смейла две чашки чая, наконец для него приготовленные. – Скучным? Вы, ребята, не понимаете смысла слова «скучный». Никто, кроме оформителей, не знает, что это такое.

– Можете поделиться с нами, – предложил мистер Бредон. – Если ваши *выкладки* заставляют вас *выкладываться* до изнеможения, восстановите свои душевные силы, присоединившись к копирайтерским забавам на крыше. Сегодня утром я подстрелил скворца.

– Что значит – подстрелил скворца?

– Папа, я никогда не вру, – пошутил Брендон и серьезно добавил: – Подстрелил из своей маленькой катапульты, так что, если потеря скворца обнаружится, думаю, ее спишут на буфетного кота.

– *Котопульты*, – повторил мистер Харрис, посмотрев на Толбоя, чтобы убедиться, что тот уловил игру слов, но во взгляде Толбоя не было ни капли понимания. – Ну, шутка такая, сечете?

– Что вы сказали? – переспросил мистер Толбой, наморщив лоб в попытке осмыслить шутку.

– Ну, винить следует кота, поскольку стреляли из *котопульты*, – не сдавался мистер Харрис.

– Ха-ха, очень смешно, – сдержанно сказал мистер Толбой.

– А вот еще есть шутка... – начал было Харрис, но мистер Бредон поспешно перебил его, словно боялся, что, не сделай он этого, случится взрыв:

– Вы с рогаткой хорошо управляетесь, Толбой? – поинтересовался он

– У меня нет нужной зоркости. – Мистер Толбой с сожалением покачал головой.

– Зоркости для чего? – спросила мисс Росситер.

– Для рогатки.

– О, не прибедняйтесь, мистер Толбой! Вы же у нас чемпион по теннису.

– Теннис – одно, рогатка – совсем другое, – возразил мистер Толбой.

– Но зоркость остается зоркостью, – заметила мисс Росситер.

– «При всем при том, при всем при том... бревно останется бревном»³¹, – процитировал мистер Харрис. – Вы играете в дартс, мистер Бредон?

– Я три года подряд завоевывал Оловянную кружку на соревнованиях в «Корове и помпе», – с гордостью поведал тот. – И целый год имел право на бесплатную кружку пива в этом заведении по пятницам. Однако это дорого мне обошлось, потому что каждый раз, когда я получал свою бесплатную кружку, мне приходилось выставлять угощение примерно полтора

³¹ Бернс Роберт. Честная бедность. Перевод С. Маршака.

десяткам завсегдатаев, которые приходили посмотреть, как я пью. Так что я снялся с соревнований и ограничился показательными выступлениями.

– Что там насчет дартса? – К ним подошел мистер Дэниелс. – Вы когда-нибудь видели, как мечет дротики юный Биннз? Незаурядное зрелище.

– Я еще не имел удовольствия познакомиться с мистером Биннзом, – признался мистер Бредон. – Мне очень жаль, но есть еще много сотрудников агентства, которых я знаю только визуально. Какое из тех веселых лиц, которые мелькают в этих коридорах, принадлежит юному мистеру Биннзу?

– Думаю, его вы не видели, – ответила мисс Росситер. – Он помогает мистеру Спендеру в архивном отделе. Сходите как-нибудь туда и попросите старый номер какого-нибудь захудалого издания, мистер Биннз вам его немедленно принесет. Он потрясающий мастер во всех играх.

– Кроме бриджа, – проворчал мистер Дэниелс. – Как-то я привлек его к участию в турнире – помните, мисс Росситер, это было на рождественской вечеринке два года тому назад, – так он сыграл три без козырей при единственном пиковом тузе, пяти червах против короля...

– Ну и память у вас, мистер Дэниелс! Вы никогда не забудете и не простите ему этих «трех без козырей». Бедный мистер Биннз! Ему, наверное, недостает мистера Дина – они часто ходили обедать вместе.

Похоже, мистер Бредон обратил на последнюю фразу большее внимание, чем она того заслуживала, потому что посмотрел на мисс Росситер так, будто хотел о чем-то спросить, но их «тайное совещание» было нарушено появлением миссис Джонсон, которая, завершив свою миссию хозяйки чайного стола, отдала чайник поварихе, решив, что и для нее настало время поучаствовать в светском общении. Это была крупная, представительная вдова с удивительно густой копной рыжих волос и продолговатым лицом; будучи родом из прекрасных былых времен, она была неизбежно и неумолимо игрива.

– Так-так, – произнесла она весело, – и как поживает сегодня мистер Дэниелс?

Мистер Дэниелс, двенадцать лет страдавший от подобной манеры обращения, успел смириться и приспособиться к ней, поэтому просто ответил, что у него все хорошо.

– Мистер Бредон, вы ведь впервые на нашем ежемесячном чаепитии? – продолжила вдова. – Вам просто необходимо познакомиться со всеми остальными членами персонала, но вы, я вижу, далеко от своего отдела не отходите. Ну конечно, нам, полным и перевалившим за сорок, – здесь миссис Джонсон похихикала, – нечего рассчитывать на такое же внимание со стороны джентльменов, как этим юным особам.

– Уверю вас, – галантно ответил мистер Бредон, – ничто, кроме трепета перед вашим чрезвычайным авторитетом, не удерживало меня до сих пор от того, чтобы обратить на вас мое дерзкое внимание. Должен признаться, я вел себя не совсем подобающим образом и полагал, что вы сделаете мне выговор, если узнаете, чем я занимался.

– Только если вы обижали моих мальчиков, – ответила ему миссис Джонсон, – моих маленьких сорванцов! Стоит на минуту выпустить их из виду, как они уже играют в свои игры. Вы не поверите: этот негодник по прозвищу Рыжий принес на работу йо-йо и разбил окно в комнате посыльных, играя во время обеденного перерыва в «Вокруг света». Стоимость стекла вычли из его жалованья.

– Если я разобью окно, я непременно за него заплачу, – любезно пообещал мистер Бредон, – и признаю, что разбил его своей рогаткой...

– Рогаткой? – воскликнула миссис Джонсон. – Нет, хватит с меня рогаток. Мне достаточно той, что я отняла у Рыжего не далее месяца назад... «Берегись, если я еще раз тебя застукаю», – сказала я ему тогда.

Изогнув бровь, мистер Бредон извлек из кармана свою игрушку.

– Вы копались в моем столе, мистер Бредон! – воскликнула вдова.

– Разумеется, нет. Я бы не посмел, – запротестовал обвиняемый. – Я достаточно хорошо воспитан, чтобы не шарить в столах у дам.

– Надеюсь, – подхватил мистер Дэниелс. – Миссис Джонсон хранит в своем столе все письма от своих поклонников.

– Довольно, мистер Дэниелс. Но мне действительно на миг показалось, что это рогатка Рыжего, теперь вижу, что она немного отличается.

– Так рогатка бедолаги все еще у вас? Вы жестокосердная женщина, миссис Джонсон.

– Это вынужденная мера.

– Нам всем не повезло, – сказал мистер Бредон. – Послушайте, отдайте ее парню. Он мне нравится. Всегда говорит «доброе утро, сэр» таким тоном, что я преисполняюсь тщеславия. И его рыжая шевелюра мне нравится. Сделайте мне одолжение, миссис Джонсон, верните мальчишке его Смертельное оружие.

– Что ж, мистер Бредон, – сдаваясь, ответила миссис Джонсон, – я верну ее *вам*. И если еще хоть одно окно пострадает, ответственность будете нести вы. Зайдите ко мне после чаепития. А теперь я должна пойти побеседовать с другим новичком. – И она метнулась прочь, без сомнения, чтобы рассказать мистеру Ньюболту, мистеру Хамперли, мистеру Сайдботаму, мисс Григгс и мистеру Вудхерсту о ребяческих повадках нового копирайтера.

Чаепитие подходило к концу, когда мистер Пим, взглянув на циферблат сверявшихся по Гринвичу настенных электрических часов, стал проталкиваться к выходу, по пути расточая притворные улыбки всем подряд. Дежурная двадцатка, отбывшая срок своего наказания, устремила за ним в коридор. Миссис Джонсон обнаружила рядом с собой стройную фигуру мистера Бредона, изнемогавшего от ожидания.

– Можно, я сразу пойду с вами за рогаткой, пока мы оба о ней не забыли?

– Конечно, если вам угодно. Вам так не терпится? – спросила миссис Джонсон.

– Просто это дает мне возможность провести еще несколько минут в вашем обществе, – ответил мистер Бредон

– А вы льстец, – не без удовольствия отметила миссис Джонсон. В конце концов, она не намного превосходила Бредона возрастом, и в ее вдовьей пухлости было даже что-то привлекательное. Она повела его по лестнице наверх, в диспетчерский отдел, вынула из сумки связку ключей и отперла ящик стола.

– Вы тщательно храните свои ключи, как я вижу. Полагаю, в ящиках вашего стола полно секретов?

– Деньги от продажи марок, ничего более, – ответила миссис Джонсон. – Ну, еще всякая всячина, которую я конфискую у мальчишек. При желании любой может добраться до моих ключей, я часто оставляю сумку без присмотра ненадолго. Но наши мальчишки безупречно честны.

Она выложила на стол блок промокательной бумаги, коробку с деньгами и принялась шарить в глубине ящика. Мистер Бредон остановил ее, положив ладонь на ее левую руку.

– Какое у вас красивое кольцо.

– Вам нравится? Это кольцо моей мамы. Натуральные гранаты. Немного старомодное, но оригинальное, правда?

– Прелестное кольцо, и очень хорошо смотрится на вашем пальчике, – галантно сказал мистер Бредон, не отпуская ее руки. – Позвольте мне. – Он засунул правую руку глубоко в ящик и извлек из него рогатку. – Так вот он, инструмент разрушения. На вид – весьма эффективный.

– Вы порезали палец, мистер Бредон?

– Ерунда, поранился, когда оттачивал карандаш, а сейчас ранка снова открылась. Кажется, уже не кровит.

Мистер Бредон размотал носовой платок, которым был перевязан палец, аккуратно обернул им рогатку и сунул в карман. Миссис Джонсон осмотрела пораненный палец.

– Лучше заклеить пластырем, – сказала она. – Подождите минутку, я принесу его из аптечного шкафа. – Взяв ключи, она удалилась.

Мистер Бредон, задумчиво насвистывая себе под нос, огляделся. В конце комнаты на скамейке сидели мальчики, готовые в любой момент отправиться по любым поручениям. Среди них особо выделялся Рыжий Джо – его огненная шевелюра склонилась над страницами последнего выпуска «Секстона Блейка»³².

– Рыжий!

– Да, сэр.

Мальчик подбежал и в ожидании остановился перед столом.

– Ты когда сегодня заканчиваешь работу?

– Без четверти шесть, сэр, как только принесу письма и все тут приберу.

– Зайди после этого ко мне в кабинет. У меня будет небольшое поручение для тебя.

Говорить об этом никому не нужно. Это личное дело.

– Да, сэр. – Рыжий доверительно ухмыльнулся, видимо, по опыту решив, что это будет послание какой-нибудь молодой особе. Услышав шаги возвращающейся миссис Джонсон, Бредон жестом велел мальчику сесть обратно на скамью.

Лейкопластырь был приклеен на положенное место.

– А теперь, – игриво заметила вдовушка, – вам пора бежать, мистер Бредон. Похоже, мистер Толбой приготовил для меня небольшую неприятность – придется упаковать и отправить пятьдесят стереотипов.

– Это нужно срочно отослать в типографию, – сказал мистер Толбой, входя с огромным конвертом.

– Седрик! – позвала миссис Джонсон.

Подбежал один из посыльных. Другой появился со стороны лестницы с большим подносом и свалил на стол кучу стереоблоков. Интерлюдия закончилась. Миссис Джонсон немедленно принялась за важную работу: проследить за тем, чтобы нужный блок попал в нужную газету и чтобы каждый из них был надежно упакован в гофрированный картон и должным образом проштемпелеван.

Ровно без четверти шесть рыжий Джо предстал перед мистером Бредоном. Контора к тому времени почти опустела, уборщицы начали свой обход, и по гулким коридорам разносились звяканье ведер, хлопанье мыльной воды и жужжание пылесосов.

– Входи, Рыжий. Это твоя рогатка?

– Да, сэр.

– Хорошая. Сам сделал?

– Да, сэр.

– Хорошо стреляет?

– Очень хорошо, сэр.

– Хочешь получить ее обратно?

– Да, сэр, спасибо.

– Пока не трогай. Я хочу убедиться, что ты человек, которому можно доверить рогатку.

Рыжий застенчиво улыбнулся.

– Почему миссис Джонсон ее у тебя отобрала?

– Нам не разрешают носить такие вещи в карманах формы, сэр. Миссис Джонсон застукала меня, когда я показывал ее другим ребятам, сэр, и конфисковала.

– Конфисковала.

– Конфисковала, сэр.

– Понятно. Ты стрелял из нее в помещении, Джо?

³² Секстон Блейк – персонаж британских комиксов, детектив.

- Нет, сэр.
- Гм-м. Это ведь ты тот умник, который разбил окно?
- Да, сэр. Но не из рогатки. То был йо-йо, сэр.
- Именно. Ты уверен, что никогда не стрелял из рогатки в помещении?
- Да, сэр, уверен, никогда, сэр.
- А почему тебе вообще пришлось в голову принести ее на работу?
- Ну, сэр... – Рыжий переминался с ноги на ногу. – Я рассказал другим ребятам, как стрелял из нее в котка тети Эмили, и они захотели ее увидеть, сэр.
- Да ты опасный человек, Рыжий. От тебя никто не спасется. Коты, окна, незамужние тетушки... Все они твои жертвы, не так ли?
- Да, сэр. – Поняв, что это шутка, Джо радостно хихикнул.
- Как давно случилась эта утрата, Рыжий?
- Утрата, сэр? Вы имеете в виду тетушкиного котка?
- Нет, я имею в виду: как давно у тебя конфисковали рогатку.
- Чуть больше месяца назад, сэр.
- То есть в середине мая?
- Верно, сэр.
- И с тех пор ты ни разу не держал ее в руках?
- Нет, сэр.
- А у других мальчиков есть рогатки?
- Нет, сэр.
- А пращи или другое смертоносное оружие для метания камней?
- Нет, сэр, по крайней мере, здесь. У Тома Фэггота дома есть игрушечное духовое ружье, оно стреляет горохом.
- Меня интересуют камни, а не горох. А ты когда-нибудь стрелял из этой или какой-нибудь другой рогатки на крыше?
- На крыше конторы, сэр?
- Да.
- Нет, сэр.
- А кто-нибудь другой стрелял, не знаешь?
- Нет, сэр, никто.
- Ты абсолютно уверен?
- Насколько мне известно, никто, сэр.
- Тогда слушай, сынок: я знаю, что ты парень честный и никогда не доносишь на приятелей. Но ты уверен, что с этой рогаткой не было ничего такого, о чем ты знаешь, но не хочешь мне рассказать? Потому что, если было, я вполне пойму и объясню, почему тебе лучше мне об этом рассказать.
- У Рыжего от недоумения расширились глаза.
- Ей-богу, сэр! – воскликнул он серьезно и искренне. – Я ничегошеньки не знаю ни о каких рогатках, кроме того, что миссис Джонсон забрала у меня вот эту и спрятала в свой стол. Вот вам крест, чтоб мне сдохнуть, сэр.
- Ну ладно. Что за книгу ты там читал?
- Рыжий, привыкший к тому, что взрослые имеют обыкновение расспрашивать молодежь о самых разных не относящихся к делу вещах, которые по какой-то неведомой причине привлекли их внимание, ответил без запинки и удивления:
- «Загадку багряной звезды», сэр. Про Секстона Блейка; он – детектив, сэр. Классное чтение.
- Любишь детективные рассказы, Рыжий?

– О да, сэр. Я их кучу прочел. Когда-нибудь я тоже стану детективом, сэр. Мой старший брат служит в полиции.

– Вот как? Наверняка отличный парень. Ну так вот, первое, что должен усвоить детектив, это то, что следует держать язык за зубами. Ты это знаешь?

– Да, сэр.

– Если я кое-что сейчас тебе покажу, сумеешь сохранить это в тайне?

– Да, сэр.

– Отлично. Вот тебе десятка, беги к ближайшему аптекарю и раздобудь у него немного серого порошка и спринцовку.

– Какого порошка, сэр?

– Серого – то есть ртутного, аптекарь знает. И спринцовку, это резиновая груша с носиком.

– Да, сэр.

Рыжий понесся выполнять задание.

«Союзник, – подумал Бредон, – необходимый, но, боюсь, ненадежный».

Рыжий примчался назад в рекордно короткое время. Он почуял приключение. Мистер Бредон тем временем закрыл стеклянную вставку на двери плотной коричневой бумагой. Миссис Крамп это не удивило. Она привыкла к подобным вещам. Обычно это означало, что джентльмен вечером куда-то собирается и желает переодеть брюки, чтобы никто не видел.

– А теперь, – сказал мистер Бредон, закрыв дверь, – посмотрим, не расскажет ли нам твоя рогатка чего-нибудь о своих приключениях, имевших место после того, как ты последний раз держал ее в руках. – Он набрал в спринцовку серого порошка и посыпал им край стола. Потом сдул порошок, и на поверхности обнаружилась удивительная коллекция жирных отпечатков пальцев. Рыжий был в восторге.

– Ух ты! – почтительно сказал он. – Вы собираетесь проверить на отпечатки и рогатку, сэр?

– Собираюсь. Очень интересно, найдем ли мы на ней какие-нибудь отпечатки, а еще интересней, если не найдем никаких.

Рыжий восторженно вытаращенными глазами наблюдал за происходившим. Ручки рогатки были хорошо отполированы от долгого употребления и представляли собой идеальную поверхность для отпечатков, если бы они там были, но, хотя порошок покрыл каждые полдюйма их поверхности, результат оказался нулевым. Рыжий выглядел разочарованным.

– Так-так! – сказал Бредон. – Теперь выясним, что означает отсутствие отпечатков: что рогатке нечего сказать или что она не хочет говорить. Рыжий, возьми-ка ее в руку так, будто собираешься выстрелить.

Рыжий повиновался и сжал рукоятку грязной ручонкой.

– Теперь должны появиться отпечаток всей ладони вокруг рукоятки и отпечаток подушечки большого пальца на развилке. Посмотрим.

В действие снова вступила спринцовка, и на сей раз на рукоятке оказался внушительный набор отпечатков.

– Рыжий, – произнес мистер Бредон, – что ты как детектив скажешь на это?

– Миссис Джонсон, наверное, вытерла ее, сэр?

– Тебе это кажется правдоподобным, Рыжий?

– Нет, сэр.

– Тогда продолжай размышлять.

– Это мог сделать кто-то другой, сэр.

– А зачем кому-то другому это делать?

Рыжий понял, к чему клонит Бредон.

– Чтобы полиция не смогла его вычислить, сэр.

- Полиция?
 - Ну, полиция, сэр, или... детектив, или кто-нибудь вроде вас, сэр.
 - Безупречная дедукция, Рыжий. Можешь продолжить и сказать, зачем неизвестному мастеру стрельбы из рогатки все эти хлопоты?
 - Нет, сэр.
 - А ты подумай, пораскинь мозгами.
 - Ну, сэр, не похоже, что он хотел ее украсть, – она ведь ничего не стоит.
 - Правильно, но если он ее не крал, то создается впечатление, что позаимствовал на время. И кто мог это сделать?
 - Не знаю, сэр. Миссис Джонсон держит стол запертым.
 - Это мне известно. Ты не думаешь, что миссис Джонсон сама потихоньку тренируется в стрельбе из рогатки?
 - О, нет, сэр. Женщины не умеют управляться с рогатками.
 - Ты совершенно прав. Тогда представь: кто-то стащил ключи миссис Джонсон, взял рогатку, разбил окно или еще что-нибудь натворил и боялся, что его найдут.
 - Но в конторе ничего не разбивали, во всяком случае, с тех пор как миссис Джонсон отняла у меня рогатку и до тех пор, пока я не разбил окно своим йо-йо. А если бы это был кто-то из мальчишек, то вряд ли он подумал бы об отпечатках пальцев.
 - Как знать. Он мог играть в грабителей или еще во что-нибудь такое и стереть отпечатки, просто следуя правилам игры, понимаешь? А ты отдаешь себе отчет в том, что этой штуковинной можно легко убить человека, если попасть в нужное место?
 - Убить? Неужели, сэр?
 - Мне бы не хотелось проводить эксперимент. Кот твоей тетушки был убит?
 - Да, сэр.
 - А ведь у кота девять жизней, в то время как у человека – только одна. Можешь ли ты поручиться, сынок, что никто не шастал по конторе с этой рогаткой в тот день, когда мистер Дин свалился с лестницы?
- Рыжий вспыхнул и тут же страшно побледнел, но явно только от волнения. Когда он открыл рот, чтобы ответить, голос у него был хриплым:
- Нет, сэр. Разрази меня гром, сэр, я ничего такого не видел. Вы же не думаете, что кто-то стрелял в мистера Дина из рогатки, сэр?
 - Сыщики никогда не «думают», – назидательно ответил мистер Бредон. – Они собирают факты и делают выводы, прости господи! – Последние два слова он произнес шепотом в оправдание своего лукавства. – Ты не можешь вспомнить, кто стоял или проходил рядом, когда миссис Джонсон забирала у тебя рогатку и прятала ее в стол?
- Рыжий задумался.
- Так сразу и не скажешь, сэр. Я поднимался по лестнице в диспетчерскую, когда она меня засекала. Она, видите ли, шла сзади, сэр, а у меня карман оттопыривался. Она меня отчитывала всю дорогу, а на верхней площадке отобрала рогатку и отослала меня обратно, вниз, к мистеру Орнби. Поэтому я не видел, как она ее прятала. Но кто-то из мальчишек мог видеть. И я, конечно, знал, что она в столе, потому что все конфискованные вещи...
 - Конфискованные.
 - ... да, сэр, конфискованные, она хранит там. Но я спрашиваю у ребят.
 - Только не говори им, почему ты спрашиваешь.
 - Конечно, сэр. Ничего, если я скажу, что кто-то ее брал и порвал резинку?
 - Нормально, если ты...
 - Да, сэр, если я не забуду порвать резинку.
- Мистер Бредон, который в тот день уже проткнул палец ножом для затачивания карандашей ради святой цели изобразить достоверность раны, ласково улыбнулся рыжему Джо.

– С таким человеком, как ты, приятно иметь дело, – сказал он. – Есть еще кое-что. Ты помнишь тот день, когда был убит мистер Дин? Где ты был в тот момент?

– Сидел на скамейке в диспетчерской, сэр. У меня алиби, – ухмыльнулся Джо.

– Разузнай для меня, если сможешь, у скольких еще людей есть алиби.

– Да, сэр.

– Боюсь, это нелегкая задача.

– Сделаю все, что смогу, сэр. Что-нибудь выясню, не волнуйтесь. Мне это легче сделать, чем вам, я же понимаю, сэр. Сэр, а вы?..

– Да?

– Вы из Скотленд-Ярда?

– Нет, я не из Скотленд-Ярда.

– О, простите, что спросил, сэр. Просто я подумал: если вы оттуда, то могли б, простите, замолвить словечко за моего брата.

– Это я могу сделать в любом случае, Рыжий.

– Спасибо, сэр.

– *Тебе* спасибо, – ответил мистер Бредон с любезностью, которой всегда отличался. – И помни: никому ни слова.

– Зуб даю, – заявил Рыжий, окончательно отбросив правильность речи, которой заботливая нация одарила его за счет налогоплательщиков. – Зуб даю, фиг кто из меня хоть слово вытянет, раз я поклялся держать рот на замке.

Он убежал. Миссис Крамп, мывшая пол в коридоре шваброй, удивилась, что он до сих пор болтается в офисе. Она окликнула его, получила дерзкий ответ и продолжила работу, качая головой. Спустя четверть часа из своего уединения появился мистер Бредон. Как она и ожидала, он был в смокинге и, на ее взгляд, казался настоящим джентльменом. Она любезно вызвала ему лифт. Как всегда вежливый, мистер Бредон приподнял цилиндр, прощаясь с ней.

В такси, которое везло его на юго-запад, Бредон снял очки, аккуратно расчесал волосы на косою пробор, вставил в глаз монокль и к тому времени, когда машина достигла площади Пикадилли, снова превратился в лорда Питера Уимзи. С рассеянным удивлением он посмотрел на мигающую световую рекламу, как неискушенный астроном-любитель, не ведающий, волей какого творца этим мелким созвездиям дано править ночным миром.

Глава 7

Опасное приключение главного инспектора

Той же ночью, а вернее, в первые часы следующего утра с главным инспектором случилось неприятное приключение. Оно его особенно огорчило, поскольку он ничем его не заслужил.

Он провел долгий скучный день в Скотленд-Ярде: никаких острых ощущений, никаких интересных раскрытий, необычных посетителей вроде лишившегося своих бриллиантов раджи или зловещего китайца – только чтение и подытоживание двадцати одного отчета о встречах с полицейскими осведомителями, пятисот тринадцати писем – откликов на переданное по радио сообщение в связи с поиском опасного преступника и двух десятков анонимных писем, вполне вероятно, написанных сумасшедшими. Кроме того, пришлось долго ждать телефонного звонка от инспектора, командированного в Эссекс для расследования необычных передвижений моторных лодок в устье реки Блэкуотер. Если бы подозрения подтвердились, понадобилось бы немедленно действовать, поэтому мистер Паркер считал правильным ждать на работе, а не ехать домой и ложиться спать, чтобы не пришлось снова вскакивать с постели в час ночи. Таким образом, он безропотно сидел у себя в кабинете, собирая информацию и составляя план действий на следующий день, когда зазвонил телефон. Паркер взглянул на часы: десять минут второго. Сообщение было кратким и разочаровывающим, поскольку докладывать было нечего: подозрительная лодка за время прилива не появилась, так что никаких действий предпринимать не пришлось. Главный инспектор Паркер мог отправляться домой и поспать несколько часов, оставшихся до утра.

Мистер Паркер пережил разочарование философски, как джентльмен из стихотворения Брауна, который затратил немало сил и средств, чтобы научиться играть на лютне только для того, чтобы суметь исполнить песню под ее аккомпанемент, если того захочет дама его сердца. Все оказалось пустой тратой времени, но ведь могло быть и по-другому. Такова уж его работа. Аккуратно сложив бумаги и заперев их в ящике стола, главный инспектор покинул здание, дошел до станции метро «Эмбанкмент», сел в поезд, доехал до Теобальдс-роуд и оттуда пешком добрался до Грейт-Ормонд-стрит.

Открыв входную дверь ключом, Паркер вошел внутрь. Это был тот же дом, в котором он в бытность свою холостяком снимал скромную квартирку, но, женившись, получил вдобавок к ней квартиру этажом выше и, по сути, стал обладателем семикомнатной двухэтажной квартиры, хотя не имел права перекрыть проход на лестницу дверью, поскольку, согласно предписанию противопожарной службы, жильцы нижних этажей должны были иметь доступ на крышу в случае пожара.

Когда он вошел, в общем для всех квартиросъемщиков вестибюле не горел свет. Он включил его и пошарил в застекленном спереди почтовом ящике с надписью «Квартира № 3 – Паркер». В нем оказались счет и рекламный листок, и мистер Паркер – совершенно правильно – решил, что его жена провела весь вечер дома, но слишком устала или ей было лень спуститься по лестнице, чтобы вынуть корреспонденцию, которую приносили в половине десятого. Он уже было повернулся, чтобы подняться к себе, но вспомнил, что в почтовом ящике квартиры номер четыре могли быть письма для Уимзи, присланные на фамилию Бредон. Как правило, этот ящик не использовался, но, приступив к работе под прикрытием в агентстве Пима, зять отдал ему ключ от этого ящика и сам прикрепил к нему написанный от руки листок с фамилией «Бредон» – для почтальона.

В ящике Бредона лежало одно письмо – того сорта, который романисты называют «изящным посланием»: в нежно-лиловом конверте с золотой каймой, подписанном витиеватым женским почерком. Паркер вынул его, намереваясь вложить в пакет с запиской, которую собирался

оставить для Уимзи утром, сунул в карман и стал подниматься по лестнице. Дойдя до второго этажа, он погасил свет в нижнем вестибюле выключателем, управлявшим освещением лестницы, и поднялся на третий, где располагалась квартира номер три, состоявшая из гостиной, столовой и кухни. Здесь он замешкался перед дверью, но решил – на свое несчастье, – что не хочет есть, поэтому выключил свет на нижнем этаже и повернул выключатель, чтобы осветить верхний. Ничего не произошло. Паркер застонал, но не удивился. Освещение лестницы было заботой хозяина дома, который имел скаредную привычку вкручивать дешевые лампочки и не менять их, пока не перегорят. Этим он вызывал возмущение жильцов, при том что терял на оплате электричества больше, чем выгадывал на дешевых лампочках, но такой уж он был человек. Лестницу Паркер знал так же хорошо, как причуды квартирного хозяина, поэтому продолжил подъем в темноте, не позаботившись зажечь спичку.

Впоследствии он так и не смог вспомнить, что – то ли этот небольшой инцидент, подсознательно настороживший его как профессионала, то ли легкое движение воздуха, которое он уловил, – послужило предупреждением, но, уже держа ключ в руке, чтобы вставить его в замочную скважину, он вдруг инстинктивно отшатнулся вправо, и в этот момент на него с убийственной силой обрушился удар, пришедшийся на левое плечо. Он услышал, как треснула ключица, и стремительно развернулся, готовый вступить в схватку с прячущимся в темноте злодеем, но все же успел подумать: «Если бы я не отшатнулся, мой котелок смягчил бы удар и спас мне ключицу». Правой рукой он нащупал горло нападавшего, однако оно было защищено толстым шарфом и поднятым воротником. Паркер постарался просунуть пальцы правой руки под это препятствие, одновременно полуобездвиженной левой отражая обрушившийся на него новый удар. Потом услышал, как нападавший, задыхаясь, выругался, и, не успев ослабить хватку, повалился вперед, во внезапно образовавшуюся пустоту, одновременно получив в живот коленом жесточайший удар, от которого из него словно дух вышибло. Он зашатался, а кулак противника врѣзался ему в челюсть. Перед тем как потерять сознание и упасть, ударившись головой об пол, Паркер подумал, что у противника наверняка есть оружие, и потерял надежду.

Вероятно, то, что он был сбит с ног, спасло ему жизнь. Звук падающего тела разбудил леди Мэри. Секунду-другую она лежала, не понимая, что случилось, потом в голове у нее мелькнула мысль о детях, спавших в соседней комнате. Она включила свет, одновременно громко спросив, все ли у них в порядке. Не получив ответа, набросила халат и побежала в детскую. Дети мирно спали. Леди Мэри постояла в недоумении: уж не приснилось ли ей все это? Но тут до нее донесся звук шагов человека, стремительно сбегавшего вниз по лестнице. Влетев в спальню, она схватила револьвер, всегда лежавший заряженным в ящике туалетного столика, и распахнула дверь на лестничную площадку. В свете, лившемся из квартиры, она увидела скрюченное тело мужа и, оцепенев от этого жуткого зрелища, услышала, как внизу громко хлопнула входная дверь.

– Что тебе следовало сделать, – ехидно сказал мистер Паркер, – так это не обо мне хлопотать, а рвануть к окну и попытаться разглядеть негодяя, когда он убежал по улице.

Леди Мэри снисходительно улыбнулась на это абсурдное замечание и повернулась к брату.

– Вот и все, что я могу тебе рассказать. Чарлзу удивительно повезло, что он остался жив, и ему следовало бы благодарить судьбу, а не ворчать.

– Посмотрел бы я, как бы ты не ворчала со сломанной ключицей, дикой головной болью и ощущением, будто по твоему животу промчалось стадо быков васанских³³.

³³ Псалтырь, 21:13. Множество тельцов обступили меня; тучные Васанские окружили меня.

– Просто поразительно, – сказал Уимзи, – сколько внимания полицейский уделяет такому ничтожному происшествию. В книге о Секстоне Блейке, которую дал мне почитать мой друг Рыжий Джо, великого детектива, избитого обрезком свинцовой трубы и шесть часов провисевшего на веревках, которые впивались ему в тело чуть ли не до самых костей, ночью, в шторм, перевозят на лодке в уединенный домик на берегу и сбрасывают в подвал по каменной лестнице. Там он три часа пытается освободиться от своих пут, трясь ими об осколок разбитой бутылки, пока разбойники не обнаруживают это и не пускают в подвал газ. К величайшему счастью, Блейку удается спастись на пятьдесят девятой минуте одиннадцатого часа, после чего он, ненадолго задержавшись лишь для того, чтобы проглотить несколько бутербродов с ветчиной и чашку крепкого кофе, тут же присоединяется к долгой погоне за убийцами на аэроплане, в ходе которой ему приходится выйти на крыло и схватиться с парнем, спустившимся туда же на веревке и грозившим швырнуть в кабину пилота ручную гранату. А мой собственный зять – человек, которого я знаю почти двадцать лет, – позволив обмотать себя повязками, поддается дурному настроению только потому, что какой-то проходимец поколотил его на лестнице собственного комфортабельного дома.

Паркер печально усмехнулся.

– Все пытаюсь сообразить, кто это мог быть, – сказал он. – Определенно не грабитель – это была преднамеренная попытка убийства. Кто-то заранее вывел из строя освещение и несколько часов прятался за угольным бункером. Там видны его следы. Кого, черт возьми, я сумел так разозлить? Это не мог быть ни Джентльмен Джим, ни Работяга Дэн, потому что это вовсе не в их духе. Если бы подобное случилось на прошлой неделе, можно было бы заподозрить Уолли Нокаута – он пользуется дубинкой, но мы надежно упрятали его за то субботнее дело в Лаймхаусе. Есть еще парочка крутых парней, которые на меня зуб точат, но на них это совсем не похоже. Единственное, что я знаю: кто бы это ни был, он проник в дом до одиннадцати, когда хозяин запирает входную дверь и выключает свет в вестибюле. Если, конечно, у него не было ключа, хотя вряд ли он у него был. Он не сделал нам одолжения и не оставил ничего, по чему его можно было бы опознать, кроме карандаша с логотипом «Вулворта».

– Он оставил карандаш? Вот как?

– Да, такой автоматический, не деревянный, отпечатка зубов на нем не будет, нечего и надеяться.

– Покажи, покажи его мне! – умоляющим голосом попросил Уимзи.

– Пожалуйста, смотри, если хочешь. Я отдавал его снять отпечатки – ничего, только смазанные пятна, наложенные одно на другое. Я вызвал лучшего дактилоскописта, но и он, похоже, ничего не смог сделать. Мэри, дорогая, поищи для своего брата карандаш у меня в левом кармане пальто. Да, кстати, Питер, только что вспомнил: там еще письмо для тебя. Я вынул его из почтового ящика четвертой квартиры, как раз перед тем, как все это случилось.

Мэри поспешно вышла и вернулась через несколько минут с карандашом и пальто.

– Никакого письма я не нашла.

Паркер взял у нее пальто и здоровой рукой тщательно обшарил все карманы.

– Странно, – сказал он. – Я точно знаю, что оно было здесь. Такой, знаешь, изящный длинный лиловый конверт с золотой каемкой и подписан женским почерком, весьма затейливым.

– О, – воскликнул Уимзи, – так письмо пропало? – Его глаза взволнованно заблестели. – Это очень примечательно. И что еще примечательней, Чарлз, так это то, что карандаш не из «Вулворта», а из «Дарлинга».

– Да какая разница? Такой карандаш может быть у кого угодно.

– А вот здесь, – сказал Уимзи, – вступает в дело мое экспертное знание. «Дарлинг» не торгует этими карандашами, они их раздают. Каждый, кто покупает товаров больше, чем на фунт, получает такой карандаш в качестве поощрения. Видишь, на нем их рекламный слоган:

«Дарлинг». Стоит недорого, но дорого ценится». (Кстати, одна из лучших придумок агентства Пима.) Идея состоит в том, что каждый раз, когда ты делаешь пометку в своем списке покупок, тебе напоминают о невероятной экономности приобретения хозяйственных товаров фирмы «Дарлинг». Весьма незаурядная фирма, должен сказать, – добавил его светлость, увлекшись предметом. – Они возвели полезную совокупность своей продукции в ранг изящного искусства. Вы можете сидеть на стуле «Дарлинг», сколоченном из блоков стоимостью в шиллинг и шесть пенсов патентованными мебельными гвоздями по шесть пенсов за сотню. Если у стула ломается ножка, вы просто покупаете новую и прибиваете этими гвоздями. Если вы покупаете больше одежды, чем влезает в ваш дарлинговский комод, вы снимаете крышку, покупаете еще один ящик за полкроны, вставляете его и прибиваете крышку сверху. Части приобретаются по номерам для вашего удобства. А если, как я уже сказал, вы покупаете достаточно много, вам презентуют карандаш. А уж если сумма покупки превышает пять фунтов, вам жалуют авто-ручку.

– Весьма полезная информация, – саркастически заметил Паркер. – Не составит труда опознать преступника по тому, что он купил товаров от «Дарлинга» на целый фунт за последние полгода.

– Не спеши, я же сказал, что располагаю экспертным знанием. Этот карандаш, как видишь, алый с золотым тиснением. Такие еще не поступали в магазины, их пока нет ни у кого. Есть только три места, откуда он мог взяться: непосредственно от производителя, из головного офиса «Дарлинга» и... из нашей конторы.

– Из агентства Пима?

– Совершенно верно. Это новый карандаш, с новым оформлением и усовершенствованной системой выдвижения грифеля. В старых моделях грифель просто выталкивался из корпуса, в этой он выкручивается вращением специальной штуковины, как там она называется. «Дарлинг» любезно предоставил нам полгросса³⁴ таких карандашей на пробу.

Мистер Паркер сел в постели так стремительно, что от резкого движения плечо и голову его пронзила острая боль, от которой он жалобно застонал.

– Маловероятно, – с явным удовольствием продолжил лорд Питер, – что у тебя есть смертельный враг на карандашной фабрике или в головном офисе «Дарлинга». Гораздо правдоподобней, мне кажется, что джентльмен с дубинкой или кастетом, или свинцовой трубой – короче, с каким-то тяжелым тупым орудием – явился из агентства Пима по адресу, который ты с обычной своей любезностью позволил мне выдать за свой. Увидев мое имя, аккуратно написанное на почтовом ящике четвертой квартиры, он тайно поднялся по лестнице со своей дубинкой или кастетом...

– Черт возьми! – воскликнула леди Мэри. – Ты хочешь сказать, негодник, что на самом деле это ты должен был лежать там, на площадке, избитый и раненный, вместо моего мужа-страдальца?

– Думаю, так и есть, – довольно ответил Уимзи. – Особенно учитывая то, что он прихватил мою личную корреспонденцию. Я, кстати, знаю, от кого было то письмо.

– От кого? – спросил Паркер.

– От Памелы Дин, конечно же. Догадался по твоему описанию конверта.

– От Памелы Дин? Сестры жертвы?

– Правильно.

– Подруги Уиллиса?

– Именно.

– Но откуда он узнал о письме?

³⁴ Гросс («большая дюжина») – устаревшая мера счета, равная 12 дюжинам. Обычно применялась в мелкооптовой торговле при счете мелких галантерейных и канцелярских предметов – карандашей, пуговиц и т. п.

– Думаю, он не знал. Скорее всего, этот инцидент стал результатом «саморекламного» представления, которое я устроил вчера на корпоративном чаепитии. Я дал понять всем и каждому, что экспериментировал с рогаткой на крыше.

– Ты это делал? А кем именно были эти «все и каждый»?

– Двадцать человек, участвовавших в чаепитии, и еще множество тех, кому они потом об этом рассказали.

– Довольно широкий круг посвященных.

– М-да. Я ожидал, что за этим может последовать реакция, жаль, что она обрушилась на тебя, а не на меня.

– Да уж, очень жаль, – с чувством согласился мистер Паркер.

– Все могло быть и хуже. Я предполагаю три вероятных источника этой реакции. Люди, слышавшие мои рассказы о рогатке. Люди, знавшие мой адрес или интересовавшиеся им. И, конечно, парень, потерявший карандаш. Однако, – Уимзи коротко рассмеялся, – представляю, каким шоком для него, кем бы он ни был, стало то, что сегодня утром я объявился на службе даже без синяка под глазом! Ну почему ты не сообщил мне в подробностях обо всем, что произошло, с утра пораньше?! Я был бы начеку.

– У нас имелись другие заботы, – укоризненно заметила леди Мэри.

– К тому же мы и подумать не могли, что это имеет отношение к тебе, – поддержал ее мистер Паркер.

– А следовало бы догадаться. Где проблемы – там я. Но на сей раз я вас прощаю. Вы уже достаточно наказаны, а в отсутствие великодушия Уимзи никто упрекнуть не может. Но этот душегуб... Чарлз, ты совсем не рассмотрел его?

– Боюсь, что нет. Я вцепился в его поганое горло, но оно было плотно обмотано шарфом.

– Не так надо было действовать, Чарлз. Нужно было захватить его ногой. Впрочем, как уже сказал, я тебя прощаю. Интересно, попробует ли наш друг еще раз на меня напасть?

– Надеюсь, не здесь, – вставила Мэри.

– Я тоже надеюсь. Хотелось бы, чтобы в следующий раз все произошло под моим контролем. Он, должно быть, очень ловок, если ему удалось заполучить то письмо. Какого черта он... О! Я понял!

– Что?

– Почему никто не упал в обморок при моем появлении сегодня утром. Сбив тебя с ног, он включил фонарь, чтобы удостовериться, что ты мертв, и первым, что увидел, было письмо. И он тут же его схватил. Почему? К этому мы еще вернемся. Так вот, он хватается за письмо, а потом видит твои классические черты, Чарлз, понимает, что напал не на того, и в этот момент слышит, что Мэри подняла шум. Поэтому смывается. Теперь все совершенно очевидно. Но письмо? Схватил ли бы он любое письмо, которое оказалось на месте борьбы, или узнал почерк? Когда была доставлена вечерняя корреспонденция? Ну конечно! Как обычно, в девять тридцать. Предположим, что в поисках моей квартиры он увидел конверт в почтовом ящике и узнал, от кого оно пришло. Это дает нам пищу для размышлений и, возможно даже, новый мотив.

– Питер, – сказала леди Мэри, – не думаю, что тебе следует волновать Чарлза своими рассуждениями. У него от этого температура повысится.

– Ну конечно! Послушай, старик, мне действительно очень жаль, что ты забрал конверт, предназначавшийся мне. Чертовское невезение. Возблагодарим бога, что все не закончилось еще хуже. А теперь мне надо бежать. У меня встреча. Пока.

* * *

Первое, что сделал Уимзи, покинув квартиру Паркеров, – позвонил Памеле Дин, которая, к счастью, оказалась дома, и, объяснив, что ее письмо затерялось, спросил, что в нем было.

– Только записка от Дайаны де Момери. Она хотела знать, кто вы. Похоже, вы наделали много шума.

– Рад стараться, – сказал Питер. – И что вы ей ответили?

– Ничего. Я не знала, что бы вы хотели, чтобы я ей ответила.

– Вы не давали ей мой адрес?

– Нет. Хотя как раз это она и просила. Но я боялась совершить еще одну ошибку, поэтому переслала записку вам.

– Все правильно.

– Ну и?

– Скажите ей... Она знает, что я служу в агентстве Пима?

– Нет, я тщательно избегала того, чтобы сообщить ей какие бы то ни было сведения о вас. Кроме вашего имени. Его я ей назвала, но, похоже, она его забыла.

– Отлично. Теперь слушайте. Скажите великолепной Дайане, что я чрезвычайно загадочная личность. Что вы сами не знаете, где меня искать. Намекните, что я могу быть за много миль отсюда – в Париже, Вене или еще в каком-нибудь месте с таким же звучным названием. Уверен, что вы сумеете сочинить что-нибудь эдакое: Филипс Оппенгейм³⁵, Этель М. Делл³⁶ и Элинор Глин³⁷ под одной обложкой.

– О да, это я могу.

– Можете сказать, что, вероятно, она увидит меня в момент, когда меньше всего будет этого ожидать. Дайте понять, если не боитесь показаться вульгарной, что я эдакий неуловимый динго, вертопрах, что мне не стоит особо доверять, что за мной многие охотятся, но никому еще не удавалось меня поймать. Заинтригуйте ее, разожгите ее любопытство.

– Поняла. Кстати, следует ли мне изображать ревность?

– Да, если хотите. Пусть она считает, что вы желаете от нее отделаться: мол, это трудная охота, и соперницы вам не нужны.

– Хорошо. Это будет нетрудно.

– Что вы сказали?

– Ничего. Сказала, что справлюсь.

– Не сомневаюсь, что справитесь прекрасно. Я очень на вас рассчитываю.

– Спасибо. Как продвигается расследование?

– Так себе.

– Вы ведь как-нибудь мне все расскажете?

– Конечно! Как только будет что рассказать.

– Не хотите зайти ко мне на чашку чая в субботу или воскресенье?

– О, постараюсь.

– Буду держать вас в курсе.

– Да, конечно. Ну, пока.

– Пока... неуловимый динго.

– Только бы не джинго!³⁸

³⁵ Эдвард Филлипс Оппенгейм (1866–1946) – английский писатель-фантаст.

³⁶ Этель Мэй Делл Сэвидж (1881–1939) – британская писательница, автор более 30 популярных любовных романов.

³⁷ Элинор Глин (1864–1943) – британская писательница, сценаристка и журналистка, писала в жанре любовного романа.

³⁸ Джинго – прозвище английских шовинистов.

Уимзи положил трубку и подумал: «Надеюсь, она не наделает глупостей. Этим молодым женщинам нельзя доверять. Никакого постоянства. И это плохо – кроме тех случаев, разумеется, когда вы хотите, чтобы они были уступчивы».

Он сухо усмехнулся и отправился на свидание с молодой дамой, которая не обнаруживала никаких признаков уступчивости, и все, что он говорил и делал на этот раз, не имело никакого отношения ко всей этой истории.

* * *

Рыжий Джо осторожно сел в кровати и оглядел комнату.

Его старший брат – не тот, который был полицейским, а шестнадцатилетний Берг, парень очень любопытный, – благополучно спал, свернувшись калачиком и, без сомнения, видя во сне мотоциклы. Тусклый свет уличного фонаря высвечивал неподвижный бугор посередине его кровати и падал на узкое ложе самого Джо.

Рыжий извлек из-под подушки дешевую тетрадку и огрызок карандаша. Возможностей уединения в жизни Джо было очень мало, поэтому, когда выпадал случай, следовало им воспользоваться. Он послунял карандаш, открыл тетрадь и большими округлыми буквами написал вверху страницы: «Отчет».

Потом сделал паузу. Желательно было, чтобы это сочинение заслужило похвалу, хотя знания, полученные им по английскому языку в школе, тому мало способствовали. «Моя любимая книга», «Кем бы я хотел стать, когда вырасту», «Что я видел в зоопарке» – темы очень хорошие, но начинающему юному сыщику не слишком полезные. Однажды ему посчастливилось заглянуть в записную книжку Уолли (Уолли был тем самым братом-полицейским), и он запомнил, что все заметки там начинались примерно так: «В 8.30 вечера я шел по Веллингтон-стрит...» Хорошее начало, но в данном случае не совсем подходящее. Стилистика Секстона Блейка, хоть и бойкая, больше подходила для описания волнующих приключений, чем для составления списка имен и фактов. А кроме всего прочего, вставал вопрос о правописании, всегда бывший для Джо камнем преткновения. Рыжий смутно сознавал, что отчет, написанный с орфографическими ошибками, не будет вызывать доверия.

Пребывая в смятении, он обратился к своему врожденному здравому смыслу и нашел хорошее решение.

«Начну-ка я просто с самого начала», – сказал он себе и приступил к письму, сильно надавливая на карандаш и отчаянно морщась от усердия.

ОТЧЕТ

Джозефа Л. Поттса
(14,5 лет от роду)

Поразмыслив, он решил, что здесь требуется чуть больше уточняющих подробностей, и добавил свой адрес и дату написания отчета, после чего продолжил:

«Я поговорил с ребятами начет раг-рогатки. Билл Джонс сказал, что вспоминает, как я стоял в дюспечерской и миссис Джонсон делала мне втык из-за нее. Сэм Таббит и Джордж Пайк тоже там были. Я сказал им, что мистер Бредон вернул мне рогатку и что от нее оторван кусочек резинки и что я хочу знать, кто это сделал. Они сказали, что никогда не лазили в ящик миссис Джонсон, и я им верю, сэр, потому как Балл и Сэм хорошие ребята, а что касается Джорджа, то по его виду всегда понятно, когда он привирает, а сейчас вид у него был нормальный. Тогда я спросил, может, кто другой из мальчиков это сделал, а они ответили, что никого не видели с моей рогаткой, а я сделал вид, что очень сержусь, и сказал: очень, мол, жалко, что у меня кәффиети

конфисковали рогатку и никто этого не видел и не слышал. А тут подошел Кларенс Меткаф, он у нас главный, сэр, и спросил, что тут происходит, и я ему все повторил, и он сказал, что если кто-то лазил в ящик миссис Джонсон, это очень серьезно. Поэтому он начал всех подряд строго расспрашивать, и все говорили, что знать ничего не знают, кроме Джека Болтера, он сказал, что однажды миссис Джонс оставила сумку у себя на столе, и мисс Партон ее взяла и понесла в буфет. Я спросил, када это было, и он ответил, что дня через два после того как мою рогатку конфисковали, а время было сразу после обеда, сэр. Так что, видите ли, сэр, она пролежала там около часа, пока никого в комнате не было.

Теперь, сэр, про то, кто еще там был и мог видеть, как у меня забрали рогатку. Теперь мне вспоминается, что мистер Праут стоял на верху лестницы, потому что он что-то сказал миссис Джонсон и дернул меня за ухо, и еще там был кто-то из молодых леди, по-моему, мисс Хартли, она ждала посыльного. А после того как меня послали вниз к мистеру Хорнби, Сэм говорит, подошел мистер Уэддерберн, и они с миссис Джонсон пошутили про все это. Но, сэр, вообще я думаю, что многие могли об этом знать, потому как миссис Джонсон рассказывала об этом в буфете. Она всегда рассказывает разные истории про нас, сэр, потому что думает, что это смешно.

Вот все, что я могу доложить насчет рогатки, сэр. Про все другое я пока не расспрашивал, потому как подумал, что надо это делать постепенно, чтобы никто не решил, что я задаю слишком много вопросов, но я уже придумал, как это сделать.

С уважением, ваш Дж. Поттс».

– Какого черта ты там делаешь, Джо?

Рыжий, слишком увлекшись своим отчетом и забыв присматривать за Бертом, вскинулся от неожиданности и быстро сунул тетрадь под подушку.

– Не твое дело, – нервно сказал он. – Это личное.

– Личное, вот оно что? – Берт скинул с себя одеяло и угрожающе надвинулся на Джо. – Стишки кропаешь? – спросил он презрительно.

– Тебя это не касается, – огрызнулся Рыжий, – отвали.

– А ну, дай сюда тетрадь, – потребовал Берт.

– Не дам.

– Не дашь? Не дашь?!

– Не дам! Отстань!

Дрожащими руками Рыжий снова выхватил тетрадь из-под подушки и прижал к груди.

– Я все равно посмотрю – а ну, отпусти!

Рыжий был крепким для своего возраста парнишкой и смелым, но руки у него были заняты тетрадкой, к тому же Берт имел преимущество в росте, весе и позиции. Завязалась шумная возня.

– А ну отпусти, чертова бычина!

– Я тебе покажу, как обзывать, цыпленок паршивый.

– Ай! – взвыл Рыжий. – Все равно не отдам, не отдам! Я же говорю, это личное!

Бац! Хлоп!

– А ну прекратите! – громыхнул властный голос. – Это еще что такое?

– Уолли, скажи Берту, чтобы отстал от меня.

– А пусть не дерзит. Я только хотел посмотреть, что он делает. Вместо того чтобы дрыхнуть, сидит и стишки кропает.

– Это личное, – не сдавался Рыжий. – Честное слово, очень-очень личное.

– Оставь мальчика в покое, – повелительно рявкнул полицейский констебль. – И прекратите шуметь. Разбудите отца – оба схлопочете. А теперь – по кроватям, или я арестую обоих за нарушение порядка. А тебе, Джо, спать положено, а не стихи сочинять.

– Это не стихи. Это кое-что, что я делаю для одного джентльмена на работе, и он велел, чтобы я никому об этом не рассказывал.

– Вот, видишь это? – сказал Уолли Поттс, протягивая огромный начальственный кулак. – Ты сейчас отдашь мне свою тетрадь. Я положу ее к себе в ящик стола и верну тебе утром. А теперь, ради бога, спите оба!

– Только ты не будешь ее читать, хорошо, Уолли?

– Хорошо, не буду, если ты такой конспиратор.

Рыжий нехотя, но рассчитывая на честность Уолли, отпустил тетрадку.

– Вот и хорошо, – сказал тот. – Но если я еще раз услышу тут какую-нибудь возню... Понятно? – И он удалился – гигант в полосатой пижаме.

Рыжий Джо, потирая ушибы, полученные в потасовке, подоткнул под себя одеяло и удобно устроился в постели, мысленно сочиняя новую главу своего нескончаемого ночного повествования, в котором он был одновременно и рассказчиком и героем:

«Избитый, весь в синяках, но не утративший непоколебимой отваги, знаменитый сыщик улегся на соломенном тюфяке в своей кишасей крысами темнице. Несмотря на болевшие раны, он чувствовал себя счастливым, зная, что бесценные документы в надежном месте. Он засмеялся, подумав о сбите с толку короле преступников, скрежетавшем теперь зубами в своей позолоченной восточной гостиной. «Опять неудача, Соколиный глаз! – простонал злодей. – Но теперь моя очередь!» Тем временем...»

Нелегка жизнь сыщика.

Глава 8

Кутерьма в рекламном агентстве

Это случилось в пятницу на той неделе, когда все агентство Пима снизу доверху сотрясли бурные события, связанные со скандалом вокруг «Нутракса», превратившие мирное учреждение в военный лагерь и чуть не сорвавшие крикетный матч против «Бразерхуд лимитед».

Спусковой пружиной заварухи послужил трудолюбивый и страдающий расстройством пищеварения мистер Копли. Как большинство зачинателей распрей, он действовал из лучших побуждений, и, оборачиваясь назад и беспристрастно глядя на тот катаклизм с безопасной дистанции времени, трудно представить себе, что он мог сделать, кроме того, что сделал. Но мистер Инглби заметил тогда: «Вопрос не в том, *что* сделал Копли, а в том, *как* он это сделал». В пылу яростной баталии, когда страсти сильных мужчин накаляются до предела, легко принимаются неверные решения.

А началось все вот с чего. В четверг вечером, в четверть седьмого, в офисе уже не было никого, кроме уборщиц и мистера Копли, по исключительному случаю оставшегося поработать сверхурочно над экстренной серией рекламы желейного мармелада «Джамбори». Работа шла хорошо, он рассчитывал закончить ее к половине седьмого и благополучно успеть домой к ужину в половине восьмого, когда в диспетчерской настойчиво зазвонил телефон.

– Черт возьми! – сказал мистер Копли, раздраженный назойливым трезвоном. – Неужели не ясно, что рабочий день окончен? Или они считают, что мы должны вкалывать и по ночам?

Он продолжал трудиться над рекламой, надеясь, что звонки прекратятся. В конце концов так и случилось, но он услышал пронзительный голос миссис Крамп, сообщавшей звонившему, что в офисе никого нет. Мистер Копли принял мятно-содовую таблетку. В голове у него гладко складывалась фраза: «Оригинальный вкус свежих фруктов из домашнего сада – абрикосов, поспевших под солнцем в старом, обнесенном стеной саду...»

– Простите, сэр. – Миссис Крамп, неслышно подойдя в своих войлочных тапочках, виновато просунула голову в дверь.

– Ну, что там еще? – спросил мистер Копли.

– Ох, извините, сэр, там звонят из «Морнинг стар», говорят, что это очень срочно, спрашивают мистера Толбоя. Я сказала, что все уже ушли, но они утверждают, что это очень важно, сэр, поэтому я подумала, что лучше позвать вас.

– Что им нужно?

– Что-то насчет завтрашнего утреннего выпуска, сэр, что-то там не так, и они спрашивают, оставить ли все как есть или мы можем прислать им что-нибудь другое, сэр.

– Ну ладно, – сдаваясь, сказал мистер Копли, – наверное, лучше мне действительно подойти.

– Не знаю, правильно ли я сделала, – не умолкала миссис Крамп, семена за ним, – но я подумала, что, раз в офисе еще остался один джентльмен, то лучше поставить его в известность, потому что вдруг это действительно важно...

– Все правильно, миссис Крамп, все правильно, – успокоил ее мистер Копли. – Я разберусь.

Со знающим видом он подошел к телефону и взял трубку.

– Алло! – раздраженно произнес он. – Агентство Пима. В чем дело?

– О! – радостно воскликнул голос на другом конце провода. – Это мистер Толбой?

– Нет. Он ушел домой. Все ушли. Вам бы следовало посмотреть на часы. А в чем, собственно, дело?

– Видите ли, – сказал голос, – это касается модуля рекламы «Нутракса» для завтрашней главной полосы.

– И что с ним? Вы что, не получили его?

(«Как это похоже на Толбоя, – подумал мистер Копли. – Никакой организованности. Этой молодежи нельзя доверять».)

– Да нет, получили, – неуверенно произнес голос, – но мистер Уикс говорит, что мы не можем его поставить в номер. Видите ли...

– Не можете поставить?

– Не можем. Понимаете, мистер...

– Копли, моя фамилия Копли. Ваш вопрос не по моему отделу. Я совершенно не в курсе. Что там с этим модулем?

– Если бы он был у вас перед глазами, вы бы увидели, что я имею в виду. Понимаете, заголовок...

– Нет, не понимаю, – раздраженно отрезал мистер Копли. – Я же сказал: это – не по моему отделу, я этого текста в глаза не видел.

– Вот как! – неуместно бодро воскликнул голос. – Тогда я вам его прочту: «Не слишком ли вы себя изнуряете?» Мистер Уикс считает, что в сочетании с рисунком он может вызвать нежелательное толкование. Если бы реклама была у вас перед глазами, вы бы сами увидели.

– Понятно, – задумчиво протянул мистер Копли. Пятнадцатилетний профессиональный опыт подсказывал ему, что это беда. Спорить бессмысленно. Если в «Морнинг стар» вбили себе в голову, что в рекламе содержится какая-то скрытая двусмысленность, они не станут ее печатать, хоть бы небеса обрушились им на голову. Может, кое-кому было бы и поделом. Но подобного рода оплошности снижают престиж продукции, а ответственность несет агентство. Мистер Копли вовсе не хотел видеть, как экземпляры «Морнинг стар» продают по полкроны на фондовой бирже на радость любителям порнографии.

Несмотря на возникшую тревогу, он, наподобие Иеремии, видящего, как сбываются его пророчества, ощутил внутреннее ликование. Он всегда говорил, что молодое поколение авторов рекламных текстов никуда не годится. Среди них слишком много новомодных университетских выпускников. Пустоголовых. Ничего не смыслящих в бизнесе. Не имеющих идей. Но он-то сам был человеком опытным и тут же перенес военные действия на территорию противника.

– Вам следовало сообщить об этом раньше, – жестко заявил он. – Смешно звонить в четверть седьмого, когда рабочий день уже окончен. Как вы полагаете, мы можем сейчас что-то сделать?

– Это не наша вина, – радостно сообщил голос. – Нам доставили модуль всего десять минут назад. Мы всегда просим мистера Толбоя присылать материалы пораньше, чтобы избежать подобных ситуаций.

Пророчества мистера Копли находили все новые и новые подтверждения. Всеобщая расхлябанность – вот что это такое. Мистер Толбой удалился ровно в пять тридцать, не задержавшись ни на минуту. Мистер Копли видел, как он уходил. Им всем только бы смыться пораньше. Толбой не должен уходить, не получив из газеты подтверждения, что все материалы получены и все в порядке. Если посыльный не доставил пакет в «Морнинг стар» до пяти минут седьмого, это значит, что он либо вышел слишком поздно, либо задержался где-то по дороге. Тоже плохая организация работы. У этой Джонсон – никакого контроля, никакой дисциплины. До войны женщины в рекламные агентства вообще не брали, и не было таких глупых проколов.

Тем не менее что-то нужно было делать.

– Очень неприятно, – сказал мистер Копли. – Что ж, я попробую с кем-нибудь связаться. Когда крайний срок замены материала?

– Он должен быть у нас к семи, – ответил голос тоном, не допускающим возражений. – Собственно, шрифтолитейный цех ждет только ваш модуль, только его не хватает. Но я поговорил с мистером Уилксом, он дает вам время до семи.

– Я перезвоню, – сказал мистер Копли и повесил трубку.

Мысленно он перебрал всех, кто способен был помочь в разрешении ситуации. Мистер Толбой, руководитель группы; мистер Уэддерберн, секретарь группы; мистер Армстронг, ответственный за текстовую рекламу; автор текста, кем бы он ни был, и на самый крайний случай – мистер Пим. Момент был в высшей степени неподходящий. Мистер Толбой жил в Кройдоне и, скорее всего, все еще тащился в переполненном поезде; мистер Уэддерберн... Копли понятия не имел, где именно тот жил, но наверняка в каком-нибудь еще более отдаленном пригороде. Мистер Армстронг проживал в Хэмпстеде, его номера не было в телефонной книге, но наверняка он имелся на стойке у дежурного, так что оставалась надежда дозвониться до него. Мистер Копли поспешил вниз, нашел номер в списке и позвонил. С третьей попытки ему удалось соединиться с домом мистера Армстронга, но домоправительница ответила, что мистера Армстронга нет. Она не знала, где он и когда вернется. Что-нибудь ему передать? Мистер Копли ответил, что в этом уже не будет необходимости, и отключился. Половина седьмого.

Он снова заглянул в список номеров. Личного номера мистера Уэддерберна там не нашлось, да и вряд ли тот был дома. Телефон мистера Толбоя в списке значился. Без особой надежды мистер Копли набрал кройдонский номер, но, как и ожидал, ему ответили, что мистер Толбой еще не вернулся с работы. С замиранием сердца мистер Копли позвонил домой мистеру Пиму. Тот, как выяснилось, только что ушел. Куда? Это очень срочно! Мистер и миссис Пим отправились на ужин во «Фраскати» с мистером Армстронгом. Это звучало немного более обнадеживающе. Мистер Копли позвонил во «Фраскати». О да, мистер Пим заказал столик на семь тридцать, но еще не приехал. Что-нибудь передать ему, когда он появится? Мистер Копли оставил сообщение с просьбой, чтобы мистер Пим или мистер Армстронг позвонили на работу, если можно, до семи часов, но был почти уверен, что из этого ничего не выйдет. Нет сомнений, что эти вечно неуловимые начальники перед ужином отправились куда-нибудь на коктейли. Он взглянул на часы. Шесть сорок пять. В этот момент снова зазвонил телефон.

Предчувствие не обмануло мистера Копли: звонили из «Морнинг стар» – им не терпелось получить распоряжения.

– Я ни с кем не могу связаться, – объяснил мистер Копли.

– Ну, и что нам делать? Просто оставить на полосе пустое место?

Если вы видите в газете пустое место с подписью «Здесь должна была находиться реклама такой-то фирмы», это мало что значит для вас, но для тех, кто хоть немного разбирается в работе рекламных агентств, в этих словах заключен безоговорочно позорный смысл, они свидетельствуют об их некомпетентности и провале. Копирайтеры такого-то агентства не справились со своей работой, и никакого оправдания им нет. Такое никогда не должно случаться.

Сердито подумав, что, останься место на газетной полосе пустым, это послужило бы хорошим уроком всей здешней своре бездельников и недоумков, мистер Копли тут же поспешно отбросил эту мысль.

– Нет-нет! Ни в коем случае, – сказал он своему телефонному собеседнику. – Не вешайте трубку, пожалуйста, я посмотрю, что можно сделать.

Продолжая говорить, он начал действовать, поскольку первым и едва ли не единственным правилом деловой этики было: фирма превыше всего.

Мистер Копли бросился по коридору в комнату мистера Толбоя, располагавшуюся на том же этаже, что и диспетчерская с отделом текстовой рекламы, в дальнем конце, у железной лестницы. Минуту спустя он уже шарил по ящикам стола мистера Толбоя, и поиски увенчались успехом: у него в руках оказался пробный оттиск злосчастной рекламы «Нутракса». Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что сомнения мистера Уикса обоснованны. Безобидные в отдельности, вместе текст и рисунок производили убийственное впечатление. Не тратя времени на размышления о том, как такой явный ляп проскочил мимо зорких глаз

всех начальников, мистер Копли сел за стол и вооружился карандашом. С рисунком ничего уже поделывать было нельзя, задача мистера Копли состояла в том, чтобы найти новый заголовок, который подошел бы к рисунку, сохранив то же количество знаков.

Он лихорадочно набрасывал варианты и зачеркивал их. «Работа и тревоги истощают нервную систему» – это подходило, но превышало нужное число букв. К тому же звучало скучно, не говоря уж о том, что не вполне соответствовало истине. Не работа, а переутомление от работы – вот о чем шла речь в рекламе. «Перегрузки на работе?» – гораздо лучше, но слишком коротко. Заголовок был сверстан в три строки (слишком много, мысленно отметил мистер Копли, для рекламы такого формата) и располагался так:

Не слишком ли
ВЫ СЕБЯ
ИЗНУРЯЕТЕ?

Он лихорадочно водил карандашом, стараясь выгадать букву здесь, букву там. «Нервная система»? «Нервная стабильность»? «Нервная энергия»? Минуты летели стремительно. Вот! Если так:

ПЕРЕ-ГРУЗКИ &
ПЕРЕ-ТРЯСКИ –
истощают нервы!

Не блестяще, но тональность безупречно верная, и текст укладывается в формат. Бросившись было назад к телефону в диспетчерской, он вспомнил, что аппарат на столе мистера Толбоя, должно быть, тоже еще подключен к коммутатору. Он снял трубку; обнадеживающий гудок подтвердил его догадку, и он поспешно затараторил:

– Вы еще здесь?

– Да.

– Тогда слушайте. Можете убрать заголовок и набрать заново шрифтом гоуди-болд?

– Да-а... Да, можем, если вы продиктуете прямо сейчас.

– Диктую.

– Порядок! Давайте!

– Начинайте с того же места, где начинается сейчас. Первая строка заглавными буквами, тем же кеглем как строка «вы себя». Правильно. Будет так: «ПЕРЕ-ГРУЗКИ &» – с дефисом в слове «пере-грузки» и амперсандом³⁹. Поняли?

– Да.

– Следующая строка. Кегль тот же. Строку втяните на один знак – «пере-тряски», с дефисом, в конце – тире. Поняли?

– Да.

– Теперь третья строка. Гоуди, двадцать четыре пункта. Начинайте с выносом на два знака: «истощают нервы!», восклицательный знак в конце. Поняли?

– Да. Я повторю. Первая строка заглавными буквами, тем же кеглем, как строка «вы себя»: «ПЕРЕ-ГРУЗКИ &» – с дефисом в слове «пере-грузки» и амперсандом. Следующая строка. Кегль тот же. Строку втягиваем на один знак – «ПЕРЕ-ТРЯСКИ», с дефисом, в конце – тире. Третья строка. Гоуди двадцать четыре пункта. Начинаем с выносом на два знака: «*истощают нервы!*», восклицательный знак в конце. Все так?

– Все правильно. Очень вам благодарен.

– Не за что. Это мы вам благодарны. Простите, что доставили столько хлопот. До свиданья.

– До свиданья.

³⁹ Амперсанд (&) – логограмма, заменяющая союз «и».

Мистер Копли откинулся на спинку стула и вытер испарину со лба. Дело сделано. Фирма спасена. Людей и за меньшее награждали. Когда случился аврал, когда все эти самонадеянные выскочки покинули свои посты, все вынес на своих плечах он, мистер Копли, старомодный квалифицированный работник, на которого агентство Пима всегда может положиться. Человек, не боящийся ответственности. Человек, душой и телом преданный работе. А предположим, и он сорвался бы домой ровно в половине шестого, как Толбой, не заботясь о том, выполнена работа или нет. Что бы случилось? Агентство оказалось бы в весьма затруднительном положении. Надо будет рассказать об этом утром. Мистер Копли надеялся, что это всем послужит уроком.

Он опустил выдвижную крышку на стол мистера Толбоа, где были безобразно разбросаны лотки для документов и неряшливые стопки бумаг, которые тот, уходя с работы, обычно просто закрывал крышкой, и в этот момент получил свежее доказательство безалаберности хозяина стола. Из какого-то таинственного закутка выпало заказное письмо; конверт шлепнулся прямо на пол.

Мистер Копли наклонился и поднял его. Письмо было подписано печатными буквами и адресовано мистру Дж. Толбою, эсквайру, на его кройдонский адрес. Конверт был вскрыт. Приподняв клапан, мистер Копли заглянул в него и увидел, что там нет ничего, кроме толстой пачки зеленых банкнот. Под воздействием естественного импульса мистер Копли вынул купюры и бегло пересчитал их; к его изумлению и возмущению, их оказалось не менее пятидесяти.

Если было что-то, что бесило мистера Копли больше всего другого, так это Бездумная и Бесчестная (долгие годы, проведенные в рекламном бизнесе, сыграли с ним забавную шутку, приучив думать с заглавных букв) Привычка Расставлять на Пути Людей Искусительные Ловушки. Он держал в руках колоссальную сумму в пятьдесят фунтов, брошенную столь небрежно, что она непременно выпала бы на пол при простом открытии крышки стола, где ее могли найти миссис Крамп и ее уборщицы. Безусловно, все они были безупречно честными людьми, но в нынешние Трудные Времена едва ли можно было бы упрекнуть женщину-работницу, если бы она поддалась искушению. Хуже того, допустим, ценный конверт был бы разорван и выметен. Предположим, он попал бы в корзину для мусора, а оттуда – в мусорный мешок и далее на бумагопереработку или, хуже того, в мусоросжигательную печь. Какая-нибудь невинная уборщица могла быть Ложно Обвинена и до конца жизни не избавилась бы от Позорного Клейма. Со стороны мистера Толбоа это было недопустимо. Поистине Безнравственно.

Конечно, мистер Копли точно представлял себе, что случилось. Мистер Толбой получил эту крупную сумму (от кого? никакого сопроводительного письма в конверте не имелось, но до этого мистру Копли не было дела; вероятно, это был выигрыш, полученный на собачьих бегах или что-нибудь столь же непотребное) и принес ее на работу, намереваясь положить в банк «Метрополитен энд Каунтиз», что на углу Саутгемптон-роу, где хранили свои сбережения большинство сотрудников. По некоей причине он не успел отнести туда деньги до закрытия и вместо того, чтобы положить конверт в карман, сунул его в стол, а в половине шестого рванул домой в своей суматошной манере, позабыв о нем. И даже если бы он позднее вспомнил о деньгах, то, скорее всего, решил бы, что «с ними все будет в порядке», возмущенно думал мистер Копли. Нет, надо все-таки его проучить.

И он его проучит: припрячет деньги в надежном месте, а утром сделает мистру Толбою внушение.

Он немного замешкался, размышляя, как лучше все повернуть. Если взять деньги с собой, есть вероятность, что по дороге домой у него обчистят карманы, это будет неприятно и обойдется ему дорого. Лучше унести их к себе в кабинет и запереть в нижнем ящике соб-

ственного стола. Мистер Копли поздравил себя с разумной дальновидностью, побудившей его в свое время заказать хороший замок.

Таким образом, он отнес конверт к себе, спрятал его в ящик, под стопку конфиденциальных бумаг, содержащих разработки будущих рекламных кампаний консервированных продуктов и джемов, привел в порядок стол, запер его, положил ключи в карман, взял пальто, шляпу и отбыл с сознанием выполненного долга, не забыв, проходя мимо диспетчерской, проверить, лежит ли трубка на рычаге.

Выйдя из здания, он перешел на другую сторону улицы и повернул на юг, к трамвайной остановке на Теобальд-роуд. Но перед тем оглянулся и увидел мистера Толбоа, который шел со стороны Кингсуэй по противоположному тротуару. Поравнявшись со входом в агентство, он исчез внутри.

«Ага, – отметил про себя мистер Копли, – вспомнил в конце концов про деньги».

В этот момент он, наверное, испытал укор совести. Чувство дружеского милосердия, как можно себе представить, могло побудить его, лавируя между машинами, вернуться в агентство, сесть в лифт, подняться на верхний этаж, разыскать озабоченного мистера Толбоа и сказать ему: «Послушайте, старина, я нашел у вас заказное письмо, валявшееся без присмотра, и спрятал его. Кстати, насчет модуля рекламы «Нутракса»...» Но он этого не сделал.

В оправдание ему вспомним, что он уже упустил шанс вернуться домой к вечерней трапезе ранее половины девятого, а ведь он страдал расстройством пищеварения и должен был есть строго по часам, а также что у него выдался длинный рабочий день, завершившийся вредной для его здоровья встряской по вине ленивого мистера Толбоа.

«Нет уж, пусть помучается, – мрачно решил мистер Копли. – Будет ему наука».

Сев в трамвай, он отправился в утомительный путь к своему отдаленному северному пригороду. Пока трамвай трясло и мотало, он предвкушал, как на следующий день утрет нос мистеру Толбоа и заслужит похвалу от начальства.

Но был фактор, который мистер Копли, погруженный в свои победные упования, упустил из виду, а именно: чтобы сполна насладиться своим *coup de théâtre*⁴⁰, ему необходимо было объявиться на службе раньше мистера Толбоа. В его мечтах это представлялось само собой разумеющимся, поскольку он всегда был человеком пунктуальным, а мистер Толбой – склонным проявлять пунктуальность только относительно ухода с работы, но никак не прихода на нее. Идея мистера Копли состояла в следующем: после того как в девять часов он представит мистеру Армстронгу свой исполненный достоинства доклад, в ходе которого мистер Толбой будет вызван на ковер и строго отчитан, он, мистер Копли, отведет провинившегося руководителя группы в сторонку, прочтет ему небольшую лекцию о необходимости соблюдать порядок и думать о других и с отеческим предостережением вручит его пятьдесят фунтов. Тем временем мистер Армстронг сообщит об инциденте с «Нутраксом» остальным начальникам, которые поздравят себя с тем, что имеют такого надежного, опытного и преданного сотрудника. Эти мысли сами собой слагались в голове мистера Копли в слоган: «В любой беде положись на Копли!»

Но все обернулось по-другому. Позднее возвращение мистера Копли домой в четверг вечером вызвало семейную бурю, продолжавшую бушевать до глубокой ночи и отзывавшуюся глухими раскатами грома еще и на следующее утро.

– Ну конечно, – ехидно говорила миссис Копли, – пока ты обзванивал всех этих людей, тебе и в голову не пришло позвонить собственной жене. Естественно, я же не в счет. Тебе плевать на то, что я тут воображала себе всяческие ужасы. Так что уж не обессудь, если цыпленок окажется пережаренным, картошка разваренной, а у тебя будут колики.

⁴⁰ Неожиданная развязка, сенсация, трюк (*фр.*).

Цыпленок *действительно* был зажарен дочерна, картошка *действительно* расползлась, и в результате у мистера Копли *действительно* случился острый кишечный приступ, который его жене пришлось снимать с помощью мятно-содовых таблеток, висмута и бутылок с горячей водой, сопровождая каждое свое действие откровенным высказыванием того, что она о нем думает. Только около шести часов утра страдалец забылся тяжелым, отнюдь не освежающим сном, от которого был пробужден без четверти восемь окриком миссис Копли:

– Фредерик, если ты собираешься сегодня на работу, то лучше бы тебе уже вставать. А если *не* собираешься, то мог бы поставить меня об этом в известность, я бы сообщила в контору. Я уже три раза тебя будила, и завтрак на столе стынет.

Мистер Копли, ощущавший отвратительную головную боль над правым глазом и мерзкий привкус во рту, с радостью уполномочил бы жену позвонить в агентство, с радостью перевернулся бы на другой бок, погребя свои недуги во сне, но воспоминание о происшествии с рекламой «Нутракса» и пятидесяти фунтах, вывалившихся на него из стола мистера Толбоя, нахлынули на него и заставили выбраться из постели. В свете утра, сквозь плясавшие перед глазами черные пятна, перспектива запланированного триумфа в значительной степени утратила свой блеск. Тем не менее он не мог обойтись простым объяснением случившегося по телефону. Все должно было произойти в его присутствии.

Поспешно бреясь дрожащими руками, он порезался, никак не мог остановить кровь и испачкал рубашку. Сорвав ее с себя, крикнул, чтобы жена принесла чистую. Миссис Копли принесла – не удержавшись, однако, от реприманда, словно свежая рубашка в пятничное утро могла подорвать весь семейный бюджет. В десять минут девятого мистер Копли спустился к завтраку, который не мог есть, его щеку нелепо украшал комочек ваты, в ушах стоял гул от мигрени и супружеских упреков.

На поезд в восемь пятнадцать он уже не успевал, пришлось, к его великому сожалению, ехать на том, который отходил в восемь двадцать пять.

Без четверти девять его состав на двадцать минут застрял перед вокзалом Кингс-кросс из-за аварии с товарным поездом.

Лишь в половине десятого мистер Копли тоскливо притащился в агентство, жалея о том, что вообще родился на свет.

Как только он вошел в вестибюль, дежурный регистратор приветствовал его сообщением, что мистер Армстронг желает немедленно его видеть. Сердито расписавшись в книге приходов далеко под красной чертой, отделявшей опоздавших от пришедших вовремя, он кивнул, от чего резкая боль пронзила ему голову. Поднимаясь по лестнице, он встретил мисс Партон, которая радостно воскликнула:

– О, вот и вы, мистер Копли! А мы уж думали, что вы заблудились. Вас ищет мистер Армстронг.

– Уже иду, – раздраженно ответил мистер Копли.

Зайдя к себе в кабинет, он снял пальто, размышляя: поможет ли таблетка фенаcetина снять боль или только вызовет тошноту? В дверь постучал Рыжий Джо.

– Сэр, мистер Армстронг интересуется, не можете ли вы уделить ему минуту своего времени.

– Иду, иду, – ответил мистер Копли и, выйдя в коридор, чуть не упал в объятия мистера Инглби.

– Привет! – сказал последний. – Вас ищут, Копли! Мы уже собирались послать за вами городского глашатая. Лучше бы вам поторопиться к Армстронгу. Толбой жаждет вашей крови.

– Хорошо, – процедил Копли сквозь зубы.

Отодвинув мистера Инглби в сторону, он зашагал по коридору, но в дверях своего кабинета маячил еще и мистер Бредон, вооруженный дебильной улыбкой и «музыкальным инструментом» из расчески, обернутой папиросной бумагой.

– А вот шествует герой-победитель! – провозгласил он, сопроводив приветствие бравурным звуком своего «инструмента».

– Фигляр! – огрызнулся мистер Копли и, к своему ужасу, увидел, как мистер Бредон прошелся колесом по коридору, сделав три полных оборота и остановившись прямо напротив двери мистера Армстронга, но вне поля его зрения.

Мистер Копли постучал в стеклянную панель двери, через которую можно было видеть мистера Армстронга, сидевшего за своим столом, мистера Толбоя, стоявшего перед ним и кипевшего возмущением, и в дальнем конце комнаты – мистера Хэнкина с его обычным нерешительным видом. Подняв голову, мистер Армстронг кивком разрешил мистеру Копли войти.

– А! – воскликнул он. – Вот и тот, кто нам нужен. Что-то вы сегодня припозднились, мистер Копли.

Мистер Копли объяснил, что на железной дороге случилась авария.

– Надо что-то делать с этими авариями на железной дороге, – заметил мистер Армстронг. – Когда бы по ней ни ехали сотрудники агентства Пима, поезда обязательно ломаются. Придется написать жалобу начальнику по эксплуатации. Ха-ха!

Мистер Копли понял, что начальник пребывает в одном из своих утомительно-легкомысленных настроений, и ничего не ответил.

– Итак, мистер Копли, – сказал мистер Армстронг, – что же там произошло с рекламой «Нутракса»? Мы только что получили взволнованную телеграмму от мистера Джоллопа. Я не могу связаться с этим сотрудником «Морнинг стар» – как там его?

– Уикс, – подсказал мистер Толбой.

– Уикс, какое забавное имя! Но, насколько мне известно – вернее, насколько известно от кого-то мистеру Толбою, – вы вчера вечером изменили заголовок рекламы. Не сомневаюсь, что у вас есть тому убедительное объяснение, но я хотел бы знать, что сказать мистеру Джоллопу.

Мистер Копли взял себя в руки и приступил к изложению экстраординарных событий предыдущего вечера. Он чувствовал, что выглядит не лучшим образом, краем глаза видя клочок ваты, нелепо приставший к его щеке. С особой язвительностью он подчеркнул чрезвычайно неудачное сочетание изначального заголовка с картинкой в рекламе.

Мистер Армстронг разразился громким смехом.

– О господи! – воскликнул он. – Тут они нас подловили. Толбой! Хо-хо-хо! Кто сочинил этот заголовок? Надо рассказать мистеру Пиму. И почему вы не заметили эту оплошность, Толбой?

– Мне ничего такого и в голову не пришло, – ответил мистер Толбой, побагровев лицом.

Мистер Армстронг снова расхохотался.

– Думаю, заголовок написал мистер Инглби, – добавил Толбой.

– Инглби! Уж он-то как мог?! – Веселью мистера Армстронга не было предела. Он нажал на кнопку звонка у себя на столе. – Мисс Партон, попросите мистера Инглби зайти ко мне.

Мистер Инглби явился, как всегда невозмутимый и дерзкий. Задыхаясь от смеха, мистер Армстронг швырнул ему пробный оттиск рекламы с таким грубо откровенным комментарием, что мистер Копли покраснел.

Мистер Инглби, ничуть не смутившись, ответил на него еще более неприличным замечанием, так что мисс Партон, замешкавшись над страницей своего блокнота, нервно хихикнула.

– Видите ли, сэр, – сказал Инглби, – это не моя вина. Изначально мой текст должен был сопровождать очень милый рисунок джентльмена, изнемогшего под тяжестью деловых забот. А если простофилям из художественного отдела взбрело в голову снабдить мой изысканный текст изображением (обозначение мужчины) и (обозначение женщины), которые выглядят так, будто только что бурно провели ночь, то я за это ответственности не несу.

– Ха-ха! – сказал мистер Армстронг. – Это все Барроу. Не думаю, что Барроу...

Конец фразы прозвучал более комплиментарно по отношению к целомудрию начальника художественного отдела, нежели к его мужским достоинствам. Неожиданно и мистер Хэнкин взорвался громким смехом.

– Мистер Барроу имеет склонность отвергать все предложения, выдвинутые отделом текстовой рекламы, – вставил мистер Копли. – Я далек от того, чтобы предположить, что дело в межотдельской ревности, но факт есть факт...

Однако мистер Армстронг продолжал веселиться и не обратил внимания на его слова. Под аплодисменты он продекламировал рискованный лимерик, после чего, немного успокоившись, сказал:

– Все в порядке, мистер Копли. Вы все сделали правильно, и я все объясню мистеру Джоллопу. Его удар хватит.

– Он удивится, что *вы* это проморгали, – заметил мистер Хэнкин.

– Возможно, – любезно согласился мистер Армстронг. – Мимо меня нечасто проходит что-либо неприличное. Вероятно, в тот день я был не в форме. Как и вы, мистер Толбой. О господи! Что скажет по этому поводу мистер Пим? Интересно будет увидеть выражение его лица. Наверняка пригрозит уволить весь отдел. Скорее бы это все закончилось.

– Это могло принять серьезный оборот, – снова вставил мистер Копли.

– Разумеется. Я рад, что в «Морнинг стар» это пресекли. Ну ладно. Будем считать инцидент исчерпанным. Мистер Хэнкин, что там насчет газетной полосы для «Сопо»?..

– Надеюсь, – заметил мистер Копли, – вы довольны тем, как я вышел из положения? Времени было в обрез...

– Все отлично, все отлично, – перебил его мистер Армстронг. – Я вам весьма признателен. А кстати, вы могли бы кого-нибудь и предупредить, а то я все утро пребывал в неведении.

Мистер Копли красочно описал, сколько бесплодных усилий он предпринял, чтобы связаться с мистером Пимом, мистером Армстронгом, мистером Толбоем и мистером Уэддерберном.

– Да-да, понимаю, – сказал мистер Армстронг. – Но почему вы не позвонили мистеру Хэнкину?

– К шести я всегда бываю дома, – подхватил мистер Хэнкин, – и очень редко куда-нибудь отлучаюсь. А если отлучаюсь, то непременно оставляю указания, где меня искать. (Это был выпад против мистера Армстронга.)

Смятение обуяло мистера Копли. Он совершенно забыл про мистера Хэнкина, а ведь хорошо знал, что мистер Хэнкин, при всей мягкости его манер, очень чувствителен к малейшим проявлениям даже намека на недостаток уважения.

– Да, разумеется, – замямлил Копли. – Конечно, я мог это сделать. Но «Нутракс» – ваш клиент, мистер Армстронг, поэтому... я подумал... мне и в голову не пришло, что мистер Хэнкин...

Это была еще одна серьезная тактическая ошибка. Прежде всего она противоречила великому Принципу Пима: каждый сотрудник отдела текстовой рекламы должен быть готов в любое время подхватить и продолжить любую работу, если потребуется. А во-вторых, предполагала, будто мистер Хэнкин был менее разносторонним сотрудником, чем даже Копли.

– «Нутракс», – проговорил мистер Хэнкин в своей изощренной манере, – разумеется, не относится к моим любимым заказчикам, но в случае необходимости я справляюсь с ними без труда. – Это был еще один выпад в сторону мистера Армстронга, у которого случались «капризные» периоды, когда он передавал всех своих клиентов мистеру Хэнкину, ссылаясь на нервное истощение. – Думаю, масштаб моих возможностей не слишком уступает масштабу возможностей младшего копирайтера.

– Ну-ну, – сказал мистер Армстронг, предвидя, что мистер Хэнкин близок к тому, чтобы сказать нечто нежелательное и дать нагоняй сотруднику одного отдела в присутствии сотруд-

ников другого. – Слава богу, обошлось без особых последствий, и вы сделали все что могли в кризисной ситуации. Никто не может предвидеть всего. А теперь, мистер Хэнкин, – сказал он, кивком отпуская мелкую сошку, – давайте раз и навсегда разберемся с вопросом о «Сопо». Не уходите, мисс Партон, я хочу, чтобы вы вели запись. С «Нутраксом» я все улажу, мистер Толбой, не беспокойтесь.

Дверь за мистером Копли, мистером Инглби и мистером Толбоем закрылась.

– Господи, – сказал мистер Инглби, – столько шума из ничего! Все бы прошло на ура, если бы Барроу не совал свой нос куда не следует. Кстати, пойду подразню его. Будет знать, как отвергать мои разумные предложения. А вот, кстати, вотчина мисс Митъярд. Я должен поведать ей, что сказал Армстронг насчет старика Барроу. Привет!

Он нырнул в комнату мисс Митъярд, из которой вскоре послышались возгласы, отнюдь не приличествующие дамам. Мистер Копли, чувствуя себя так, словно в голове его, как в барабане, крутились гранитные шарики, ударявшие изнутри в черепную коробку, чопорно отправился восвояси. Проходя мимо диспетчерской, он заметил миссис Крамп, всю в слезах стоявшую перед столом миссис Джонсон, но не придал этому особого значения. Его единственным страстным желанием сейчас было отделаться от мистера Толбоя, следовавшего за ним по пятам.

– О, мистер Толбой! – донесся до него весьма пронзительный голос миссис Джонсон, который прозвучал для Копли приказом об освобождении из-под стражи.

Он бросился к себе, как кролик в нору. Нужно принять фенацетин, какими бы ни были последствия. Поспешно проглотив три таблетки, даже не запивая, мистер Копли сел в свое вращающееся кресло и закрыл глаза.

Бац, бац, бац – вреза́лись в его череп гранитные шарики. Если бы только удалось полчаса посидеть вот так, спокойно...

Дверь резко распахнулась.

– Послушайте, Копли, – выпалил Толбой голосом, напоминавшим звук отбойного молотка, – когда вы вчера вечером ошивались вокруг моего стола, вам, случаем, не хватило наглости рыться в моих личных вещах, черт возьми?

– Ради бога, – простонал мистер Копли, – не шумите так. У меня голова раскалывается от боли.

– Да мне плевать, болит у вас голова или нет, – огрызнулся мистер Толбой, захлопывая за собой дверь с грохотом залпа одиннадцатидюймовой пушки. – Там у меня вчера лежал конверт с пятьюдесятью фунтами, теперь его нет, а эта старая карга миссис Крамп говорит, что видела, как вы (ругательство) шарили в моих бумагах.

– Здесь ваши пятьдесят фунтов, – ответил мистер Копли со всем достоинством, какое мог сейчас изобразить. – Я сохранил их для вас и должен сказать, Толбой, что считаю весьма безрассудным с вашей стороны оставлять ценное имущество на виду у уборщиц. Это нечестно. Вам следовало бы проявлять больше уважения. И я не шарил в вашем столе, как вы выразились. Я просто искал оттиск рекламы «Нутракса» и, когда закрывал стол крышкой, конверт выпал на пол. – Он наклонился и отпер ящик, уже испытывая неприятное предчувствие.

– Вы хотите сказать, что имели наглость унести мои деньги к себе, черт бы вас побрал?..

– В ваших же интересах, – ответил мистер Копли.

– К черту интересы! Какого дьявола вы не оставили их там, где они лежали, вместо того чтобы совать свой нос в чужие дела?

– Я не понимаю...

– Так поймите, вы, никчемный престарелый настырный идиот. Зачем вам понадобилось лезть...

– Но послушайте, мистер Толбой...

– Какое ваше дело?! Это вас никаким боком не касается...

– Это касается всех, – перебил его мистер Копли с такой злостью, что она на миг почти вытеснила боль из головы, – кто искренне печется о благополучии фирмы. Я намного старше вас, мистер Толбой, и в мои времена руководитель группы постыдился бы уйти с работы, не убедившись, что с его рекламой для утреннего выпуска газеты все в порядке. А прежде всего, как вы могли пропустить такой ляп? Это выше моего понимания. К тому же вы отправили модуль с опозданием. Наверное, вы и не знаете, что в пять минут седьмого его еще не было в типографии «Морнинг стар»? *В пять минут седьмого!* И вместо того, чтобы оставаться на своем посту на случай, если потребуется какая-то правка...

– Я не нуждаюсь в том, чтобы вы учили меня работать, – вспылил мистер Толбой.

– Простите, но, думаю, нуждается.

– В любом случае это не имеет отношения к делу. А оно состоит в том, что вы сунули нос в мои личные вещи...

– Ничего подобного. Конверт выпал...

– Это подлая ложь.

– Извините, но это правда.

– Кончайте извиняться, как какая-нибудь убогая судомойка.

– Покиньте мой кабинет! – взвизгнул мистер Копли.

– Я не собираюсь покидать ваш чертов кабинет, пока не получу извинений.

– Полагаю, это вы должны принести мне извинения.

– *Вам?* – Мистер Толбой почти утратил дар речи. – *Вам?!* Почему вам не хватило порядочности позвонить и объяснить все мне лично?

– Вас не было дома.

– Откуда вам это известно? Вы что, звонили?

– Нет, но я знал, что вас там нет, потому что видел вас на Саутгемптон-роу.

– Ах, так вы видели меня на Саутгемптон-роу и не удосужились подойти и объяснить, в чем дело? Ну, Копли, я начинаю подозревать, что вы *намеренно* подставили меня, и не удивлюсь, если вы собирались прикарманить мои деньги.

– Как вы смеете строить такие предположения?!

– А весь этот ваш вздор насчет порядочности по отношению к уборщицам – всего лишь ханжество и лицемерие. Разумеется, я подумал, что кто-то из них взял деньги, и сказал миссис Крамп...

– Вы обвинили миссис Крамп?!

– Я ее не обвинял, я только сказал, что у меня пропало пятьдесят фунтов.

– Это вас отлично характеризует... – начал мистер Копли.

– Но, к счастью, она видела вас возле моего стола. Иначе, полагаю, мне бы больше своих денег никогда не видать.

– Вы не имеете права так говорить!

– Уж во всяком случае я имею большее право так говорить, чем вы – красть мои деньги.

– Вы называете меня вором?

– Да, называю.

– А я вас – негодяем, – выйдя из себя и задыхаясь от гнева, выпалил мистер Копли. – Наглым негодяем. И даже если эти деньги попали к вам честным путем, в чем я сомневаюсь, сэр, очень, очень сомневаюсь...

Мистер Бредон просунул в дверь свой длинный нос.

– Прошу прощения за то, что вмешиваюсь, – взволнованно проблеял он, – но Хэнки спрашивает, не могли бы вы разговаривать чуточку потише. Он в соседней комнате принимает мистера Саймона Бразерхуда.

Последовала пауза, в течение которой оба противника осознали, насколько тонка деревянная перегородка между кабинетами мистера Хэнкина и мистера Копли. Мистер Толбой положил вновь обретенный конверт в карман.

– Ладно, Копли. Я не забуду вашего «благородного» вмешательства в мои дела, – сказал он и выскочил за дверь.

– О боже, о боже, – простонал мистер Копли, сжимая голову ладонями.

– Что-то случилось? – поинтересовался мистер Бредон.

– Пожалуйста, уходите, – взмолился мистер Копли. – Я ужасно себя чувствую.

Мистер Бредон на цыпочках удалился. Его любопытное лицо просияло озорством. Он последовал за мистером Толбоем в диспетчерскую, где тот вел серьезный разговор с миссис Джонсон.

– Слушайте, Толбой, что происходит с Копли? – спросил Бредон. – У него такой вид, будто ему жить надоело. Это вы его так разозлили?

– В любом случае, это не ваше дело, – мрачно огрызнулся мистер Толбой. – Хорошо, миссис Джонсон, я поговорю с миссис Крамп и все улажу.

– Уж надеюсь, мистер Толбой. И в другой раз, если соберетесь оставить на работе что-то ценное, буду вам признательна, если вы принесете это что-то мне, чтобы я спрятала в нижний сейф. Подобные неприятности весьма огорчительны, и мистер Пим очень расстроился бы, если бы узнал о них.

Не удостоив ее ответом, мистер Толбой направился к лифту.

– Похоже, сегодня утром атмосфера в конторе немного нервная, миссис Джонсон, не так ли? – заметил мистер Бредон, усаживаясь на край стола достопочтенной дамы. – Даже добрый гений диспетчерского отдела, как вижу, чем-то расстроен. Но праведное негодование вам к лицу. Глаза блестят, и на щеках расцвели розы.

– Полноте, мистер Бредон. Что подумают мои мальчики, если услышат, как вы надо мной подтруниваете? Вы правы, с некоторыми из этих людей и впрямь бывает *слишком* трудно. Но я должна защищать своих женщин и своих мальчиков, мистер Бредон. Я безоговорочно доверяю всем и каждому из них, и никто не должен предъявлять им обвинения, не имея никаких доказательств.

– Это действительно бесчестно, – согласился мистер Бредон. – Но кто и в чем их обвиняет?

– Не знаю, следует ли выносить сор из избы, – засомневалась миссис Джонсон, – но будет справедливо по отношению к миссис Крамп, если я скажу...

Естественно, пять минут спустя умеющий добиться расположения собеседника мистер Бредон был в курсе всего случившегося.

– Только не надо рассказывать об этом в офисе, – попросила миссис Джонсон.

– Разумеется, – пообещал мистер Бредон. – О, кажется, там уже разносят кофе. Пока!

Он спрыгнул со стола и поспешил в машбюро, где мисс Партон сообщала самые пикантные подробности утренней сцены в кабинете мистера Армстронга своей наострившей уши аудитории.

– Это еще что! – вступил мистер Бредон. – Вы не знаете последних событий.

– А что, *что* случилось? – воскликнула мисс Росситер.

– Меня просили молчать, – ответил мистер Бредон.

– Помилуйте, мистер Бредон!

– Ну ладно, вообще-то обещания я не давал. Просто меня просили.

– Это насчет денег мистера Толбоя?

– Так вы уже знаете? Какая жалость!

– Я знаю, что бедняжка миссис Крамп ревела сегодня белугой, потому что мистер Толбой обвинил ее в пропаже денег из его стола.

– Ну, если вы знаете это, – простодушно сказал мистер Бредон, – то надо отдать должное миссис Крамп... – Речь его полилась без запинки.

– Я думаю, это отвратительно со стороны мистера Толбоя, – сказала мисс Росситер. – Он всегда ужасно груб со стариком Копли. И гадко обвинять уборщиц.

– Да, конечно, – согласилась мисс Партон, – но что касается Копли, то у меня тоже порой не хватает терпения. Он такой настырный ябедник. Однажды пошел и доложил Хэнки, что видел меня на собачьих бегах с приятелем. А какое, спрашивается, ему дело до того, что делает девушка вне рабочего времени? Чересчур уж он любопытен. Если девушка всего-навсего машинистка, это вовсе не значит, что она рабыня. О, а вот мистер Инглби. Кофе, мистер Инглби? Вы уже слышали о том, как старик Копли «арестовал» у мистера Толбоя пятьдесят фунтов?

– Не может быть! – воскликнул мистер Инглби, вытряхивая из корзины для бумаг всяческий мусор, прежде чем перевернуть и оседлать ее. – Немедленно расскажите. Ну же! Вот ведь выдался денек!

– Так вот, – сказала мисс Росситер, с удовольствием приступая к рассказу, – кто-то прислал мистеру Толбою пятьдесят фунтов заказным письмом...

– Что тут происходит? – прервала ее мисс Митьярд, входя со стопкой бумаг в одной руке и пакетиком конфет в другой. – Вот вам леденцы. А теперь послушаем все с самого начала. Хотела бы я, чтобы и мне кто-нибудь прислал пятьдесят фунтов заказным письмом. И кто этот благодетель?

– Не знаю. А вы, мистер Бредон?

– Не имею ни малейшего понятия. Но деньги были в банкнотах, что уже подозрительно.

– И он принес их на работу, намереваясь положить в банк.

– Но был слишком занят, – подхватила мисс Партон, – и забыл о них.

– Черта с два я бы забыла про пятьдесят фунтов, – сказала лучшая подруга мисс Партон из типографского отдела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.